

И Ю Л Ь | 2 0 2 0

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«ДОГАДЫ» О ВОЛЕ МОНАРШЕЙ

Как Россия прошла через
дворцовые перевороты

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

МАКДОНАЛДС ПО-РУССКИ

НЕДАВНО НА УКРАИНЕ ВСПЫХНУЛ И БЫСТРО ЗАТИХ очередной скандал вокруг русского языка: блогеры обратили внимание, что в ресторанах «Макдоналдс» нет меню на русском языке. Строго говоря, его там и раньше не было, а было два варианта – на украинском и английском. Такова официальная позиция компании.

Хотя во многих странах Европы, куда приезжают русские туристы, рестораны и кафе помимо меню на родном языке и английском все чаще теперь предоставляют его и на русском. И это не является поводом для «политизированного обсуждения». Русский там никого не коробит.

Однако на Украине русский язык при нынешней власти является объектом последовательной дискриминационной политики. Притом что почти половина жителей страны, 48,8 процента (по результатам недавнего опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии), назвали его «историческим достоянием Украины». Тогда как «угрозой независимости страны» его назвали лишь 27 процентов, треть уверены в том, что русский язык станет вторым государственным языком Украины.

Пока до этого далеко. В начале текущего года был принят закон об установлении единственным государственным языком украинского. По нему русскоговорящие ученики школ имеют право обучаться на своем языке только до пятого класса, затем не менее 80 процентов уроков должно преподаваться на украинском языке. Это ли не дискриминация?

Что касается Макдоналдса с его якобы тщательно выверенной и взвешенной на весах политкорректности языковой политикой, то хорошим поводом для вразумления тех, кому претит составить меню на русском языке, был бы бойкот заведений со стороны тех, кто с этим не согласен. Опыт других стран – да той же Америки сейчас, где быстро пересматривают прежние «расовые стандарты», – свидетельствует о том, что подобные болезни быстро лечатся такими методами.

РУССКИЙ ЯЗЫК

06 Инстинкт самосохранения языка

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

10 Реликвии и судьбы

ИНТЕРВЬЮ

14 Память
об огненной
деревне

30 Соединительная
ткань

22 «Правда
воли монаршей»

ИСТОРИЯ

44 Невский проект
XIII века

52 Загадки «Льдяного
материка»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

38 Любовь к отеческим гробам

НАСЛЕДИЕ

60 Дон Кихот
золотого века

68 Чудесный
доктор

РЕПОРТАЖ

76 Липоване
нелипые

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 Олегов шлем

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Потомки
поморов

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Марина БЕРЕЖНЕВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Евгения КАЛМЫКОВА
Александр КОРНЕЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

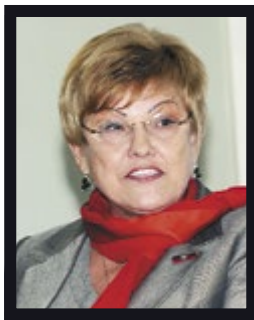
Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегио-
нального общественно-
го фонда «Фонд
изучения исторической
перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке, председатель
правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского
государственного
педагогического
университета
им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор
федерального государ-
ственного бюджетного
учреждения культуры
«Государственный
Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник
заместителя
председателя
правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым
поручениям МИД
Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель
попечительского
совета Фонда Андрея
Первозванного
и Центра национальной
славы

ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

РУССКАЯ РЕЧЬ ПЕРЕЖИВАЕТ ВОЗВРАТ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ. ТАКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СДЕЛАЛИ СОЦИОЛОГИ ВЦИОМ НА ОСНОВЕ ОПРОСА «НА КАКОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ МЫ ГОВОРИМ». ЕГО ИТОГ ВСЕЛЯЕТ ОПТИМИЗМ: УПРОЩЕНИЕ ЯЗЫКА И ИНТЕРВЕНЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ, НАБЛЮДАВШИЕСЯ В ПРЕДЫДУЩИЕ ГОДЫ, ОБЕРНУЛИСЬ ВОЗВРАЩЕНИЕМ СТАРОГО ДОБРОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.

С ПУСТЬ ОДИННАДЦАТЬ лет после вступления в силу приказа Минобрнауки, утвердившего новые «Словари русского языка» с упрощенными и непривычными для произношения словами, россияне, как показал опрос, не хотят «упрощаться». Маркером экспресс-проверки грамотности остаются простые тесты: как говорит человек – звонит или звонит? Кофе – среднего или мужского рода? Кто подписывает договор, кто – договор? Новые «Словари русского языка» утвердили каждое из этих ударений как допустимую разговорную или как литературную норму.

ПО СРЕДАМ ПОДПИСЫВАЮТ ДОГОВОР?

Итак, по итогам опроса ВЦИОМ, 73 процента россиян говорят о кофе в мужском роде – «черный кофе». Заметим, в 2009 году «черный кофе» говорили 63 процента. К среднему роду («черное

кофе») это слово в 2020-м отнесли 22 процента опрошенных против 33 процентов в 2009 году. Кто не помнит: «черное кофе» в новых словарях значится как допустимый разговорный вариант. Еще одна позитивная метаморфоза происходит со словом «звонит». 74 процента в 2020 году делают ударение на последний слог – «звонит», предпочитая нормативный вариант, и всего 24 процента говорят «звонит». Это промежуточная победа русского литературного языка: в 2009 году «звонит» говорили лишь 55 процентов опрошенных!

Желание говорить правильно растет и в отношении канцеляризмов и иностранных заимствований. Так, абсолютное большинство опрошенных называют людей, вступающих в брак, «брачующимися»: 83 процента, что на 8 процентов больше по сравнению с 2009 годом. «Брачащиеся» произносят сегодня всего 7 процентов против

15 процентов в 2009-м. При этом 10 процентов используют оба варианта произношения. Хотя на практике вместо этих искусственных канцеляризмов люди говорят проще – «молодожены». А вот с пресловутыми «договором–договором» все как всегда – кто в лес, кто по дрова. Правда, намечается робкая тенденция в пользу старой доброй грамоты: две трети ставят подпись на «договоре» (66 процентов, что на 8 процентов больше, чем в 2009 году). Но, увы, 31 процент продолжают подписывать «договор». Зато ударение в слове «средства» 65 процентов опрошенных ставят верно. Именно так рекомендуют словари. На последний слог – «средства» – ударение ставят 29 процентов, 6 процентов используют оба варианта.

И даже в случае со «средами» тоже наметился хоть и небольшой, но приятный рост числа тех, кто теперь говорит в соответствии с литературной нормой: «по средам». В 2020 году таких стало больше на 4 процента по сравнению с 2009-м: 26 процентов. Минус: 72 процента по-прежнему произносят «по средам». Напомним, новые словари допускают оба ударения как литературную норму, что помогает постепенному вытеснению «по средам».

Не менее интересная ситуация складывается с иностранными заимствованиями. Если слово «ватсап» правильно произносят 21 процент носителей языка, то большинство продолжает ошибочно говорить «вацап». Еще 12 процентов используют иные

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

(тоже неверные) варианты произношения слова.

Слово «мейл» (электронная почта) уже стало разговорной и литературной нормой русского языка. Однако если в 2009 году «мейл» употребляли стабильно 51 процент опрошенных, то сегодня так говорят лишь 27 процентов. Большинство россиян выбирают русифицированные варианты этого слова: «почта» (31 процент) или «ящик» (26 процентов). Меньшинство используют жаргонизмы: «мыло» (14 процентов) или «электронка» (12 процентов).

– Обратили внимание, что даже в электронной переписке люди начали возвращаться к относительно грамотному письму? – говорит главный научный

сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, председатель Орфографической комиссии РАН Владимир Лопатин. – Если раньше нормой было массовое сокращение слов, переписка шла с игнорированием заглавных букв и даже такой знак препинания, как точка, считался лишним, то сегодня люди возвращаются к заглавным буквам и даже запятым. Думаю, такое самоуважение и уважение того, кто читает эти письма, связано с желанием говорить сложные слова грамотно. Это следствие стабильности жизни. Ведь на грани нервного стресса в 1990-е годы был вовсе не русский язык, а общество. Русский язык доступными ему средствами этот стресс отражал.

Сегодня развитие языка отражает некоторую поступательность и упорядоченность жизни, привыкание к эпизодическим кризисам. Следствием этого привыкания стало спокойное, даже разборчивое отношение к иностранным словам и словам сложным. Другое дело, что откат к норме тоже не надо идеализировать. Он – часть многовекторного языкового процесса.

БЕРИ ШИНЭЛЬ, ПОЙДЕМ В БУЛОШНУЮ

В доказательство сказанного Владимир Лопатин привел пример своего участия в усовершенствовании правил орфографии и пунктуации. В 2001 году в Институте русского языка РАН Владимир Лопатин и его коллеги

КОллаж АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

подготовили усовершенствованный вариант свода русских правил орфографии и пунктуации. На тот момент действовал свод правил, принятый в 1956 году. Предложения по упрощению и нормализации правил русского языка были разосланы профессионалам. Один экземпляр попал в правление Союза писателей Москвы. После чего писатели пригласили филологов на встречу.

– Мы пришли. Нам заявили: «Разве можно реформировать русский язык? Мы, писатели, этого никому не позволим!» – вспоминает Владимир Лопатин. – Я не сдержался. Спрашиваю: «Вы видели предложение о реформе?» «Нет», – отвечают. «Его и нет, – говорю, – русский

язык никто не реформирует. Мы предлагаем лишь закрепить сложившиеся речевые обороты, ударения и правила». В качестве примера я привел утратившие смысл правила, которые все и всегда нарушают: «парашют», «брошюра» и «жюри» пишутся с буквой «ю», но так уже никто не говорит. А если попытается, то не всякое слово без тренировки можно выговорить... Но, увы... «Вы замахиваетесь на вечность!» – слышали мы. Впрочем, я уверен, что язык сам откажется от слов и правил, которые сковывают его развитие. Например, как вы говорите – «декан» или «дэкан»?

– Через «Е», – отвечаю я и от боязни ошибиться чувствую себя студентом на экзамене.

– А в конце 1930-х – начале 1940-х годов норма была через «Э», – уточняет Лопатин. – И «шинель» произносили через «Э». Сегодня тоже многое меняется. Уходит старомосковское произношение – «булошная». Ему на смену пришло санкт-петербургское произношение – «булочная». В Санкт-Петербурге, между прочим, убеждены, что правильно говорить «Что», а не «Што». И это саморазвитие языка, что лишь подтвердил опрос ВЦИОМ, не остановить.

СВЁКЛА, ТВОРОГ И ШАВЕРМА

И все-таки русский язык портится или приспособляется? Вопрос этот после проведения опроса по-прежнему остается от-

крытым. Например, некоторые продукты питания россияне называют по-разному, настаивая на правильности именно своего произношения. Хиты противоречий – «творог» и «свёкла». Большинство чаще употребляет вариант с ударением на последний слог – «свекла» (53 процента). Хотя даже демократичные словари 2009 года не оставляют права выбора: они допускают исключительно один вариант – «свёкла». Но так говорят лишь 44 процента (в 2009 году – 38). Негласно считается, что произношение «свекла» выдает сельское происхождение.

Коммуникационная ситуация с «творогом» обратная. «Творог» говорят 57 процентов, «творог» – 39 процентов, еще 4 процента используют и то, и другое ударение. Словари допускают оба варианта. Более того, оба ударения считаются литературной нормой. При этом старомосковская норма – «творог», а устоявшаяся – «творог». Похоже, что со «свёклой» и «свеклой» происходит похожий процесс – оба ударения имеют почти равные шансы со временем стать литературной нормой. Что-то аналогичное происходит и с другим «камнем преткновения»: одежду на себя «надевают» («надеть») 50 процентов, что грамотно с точки зрения словарей 2009 года. А «одевают» («одеть») – 47 процентов опрошенных, что неграмотно, но является распространённым вариантом. Причем настолько, что те, кто говорят «одеть», порой, зная о литературной норме, отказываются говорить «надеть». Так же и с некоторыми иностранными заимствованиями: петербуржцы говорят «шаверма», москвичи – «шаурма», в регионах – и так, и так.

– Русский язык не портится. Портится или обедняется, упрощаясь, русская речь. В частности, из нее уходят образные выражения – фразеологизмы, которые язык нарабатывал веками, – считает социолингвист доктор филологических наук Леонид Крысин. – Так происхо-

дит потому, что все же снизались как письменная грамота, так и культура речи, особенно уличной. А образные выражения, как всякие образы, без грамоты и культуры это как домашние растения без воды и солнца. Фразеологизмами надо уметь пользоваться, а у меня складывается убеждение, что люди, выбирая упрощенные варианты слов или их произношения, часто не знают, как использовать корневые для русского языка выражения. И склоняются к простоте речи, основанной на снижении грамоты. Поэтому то, что начался откат к литературной норме – это и инстинкт самосохранения языка, и элемент его саморазвития.

Как полагает Леонид Крысин, это еще одна норма саморазвития языка: он четко делится на русский литературный язык и русскую разговорную речь, где язык – система, а речь – реализация системы. Текущий опрос ВЦИОМ показал текущую реализацию системы.

ИЗ «НЕТТО» НЕ СДЕЛАЕШЬ «ЕСТЯ»

В саморазвитии русского языка народ, кстати, интуитивно определяет свою роль и свое место. Так, 63 процента (в 2009 году 59 процентов) опрошенных считают, что нормой современного русского языка должно считаться то, что формулируют и предлагают словари и филологи. Однако 27 процентов считают, что норма – это то, как говорит большинство носителей языка. Чаще так считают жители сел и небольших городов с населением менее 100 тысяч жителей, а также люди старше 60 лет. А жители столиц (69 процентов), городов-миллионников (68 процентов) и городов с населением не менее 500 тысяч человек (68 процентов) предпочитают в определении литературных и разговорных форм речи отдавать профессионалам.

– Такой расклад голосования подтверждает – русский язык всегда отстает от темпов и ритма развития любой эпохи, –

комментирует итоги опроса Владимир Лопатин. – Грамматическая система вообще консервативна. Орфоэпические нормы тоже медлительны, что, кстати, удерживает русский язык таким, каким мы его знаем века. Лексическая система, да, пожалуй, динамична. Появляется много новых слов, параллельно какие-то устаревают, третьи теряют просторечный статус и обретают литературный. Но преувеличивать динамику этих процессов не стоит. Новых слов, особенно иностранных, появляется много, а выживает значительно меньше, чем принято считать. Например, где аббревиатура «ЭВМ»? Ее заменил «компьютер». Но не факт, что «компьютер» пришел надолго. Русский язык – он такой: ни от чего не отказывается, все пробует, но оставляет только то, что ему нужно. Из «нетто» не сделаешь «естя».

Обращение Владимира Лопатина к «нетто» и «естя» напомнило давний раскол лингвистов на пуристов и либералов. Пуристы веками (*purus*, лат. – «чистый») полагают, что чистоту родного языка надо оберегать как от иностранных проникновений, так и от сниженной лексики. Таким, например, был Владимир Даль, искавший замену иностранным словам. К примеру, вместо «кокетка» Даль предлагал использовать слова «хорошуха» или «красовитка». Язык не принял. Или, как мы сегодня говорим, «не повернулся». А все потому, что, как показывает исторический опыт, с русским языком не надо бороться, ему надо доверять.

Либералы, наоборот, передоверяют языку переваривать как англицизмы, так и просторечия. Ведь русский язык с древности испытывает на себе разные влияния. Внутренние – культуры и масскульты, и внешние – греко-латинское, монгольско-тюркское, немецкое, французское, английское. За всем этим стоит необычайная гибкость русского языка – все приспособлять под свой вкус. ■

РЕЛИКВИИ И СУДЬБЫ

АВТОР

МАРИНА БЕРЕЖНЕВА

ОНА СМОТРИТ ГЛАЗКАМИ-БУСИНАМИ,
ДЕРЖА НА ВЕСУ ЗАБИНТОВАННУЮ ЛАПКУ –
МАЛЕНЬКАЯ ПЛЮШЕВАЯ ОБЕЗЬЯНКА. ДЕТСКАЯ
ИГРУШКА, КОТОРАЯ МОЖЕТ ВСПОМНИТЬ
ТАК МНОГО, ПОСКОЛЬКУ ЕЕ ИСТОРИЯ ВПЛЕТЕНА
В СУДЬБЫ МНОГИХ ЛЮДЕЙ. ПЛЮШЕВАЯ
ОБЕЗЬЯНКА – РЕЛИКВИЯ СЕМЬИ ДУБРОВЫХ,
ЖИВУЩИХ В САРАТОВЕ.

ОНА БЫЛА ПРИВЕЗЕ-
на из-за границы. Фут-
больный судья ездил су-
дить футбольный матч
за границу и привез игрушку
своей маленькой дочери почти
перед самым началом Великой
Отечественной.
Обезьянка прижилась в ленин-
градской квартире. Подобные
игрушки тогда в Ленинграде
были редкостью, дочь души не
чаяла в отцовском подарке – она
всюду носила ее с собой и не рас-
ставалась с забавной обезьянкой.

ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Когда пришла война, семья не
отправилась в эвакуацию и пол-
ностью погибла от голода в бло-
кадном Ленинграде. Когда всех
их, бездыханных, нашла похор-
онная команда, девочка обни-
мала свою обезьянку. Одна лап-
ка игрушечной обезьянки была
изгрызена – ребенок пытался
справиться с голодом... С тех пор
лапка этой марышки забинто-
вана. Бинты меняют время от
времени, но и только.
Те, кто обнаружил умершую се-
мью, не стали выбрасывать плю-
шевую зверушку. Ее не похор-
онили и с мертвой хозяйкой,
а отдали другой маленькой де-
вочке. Голодающих ребятишек
старались порадовать всеми си-
лами, и необычная игрушка ста-
ла настоящим талисманом для

другой маленькой ленинград-
ской блокадницы. Ее удалось
спасти: вместе с другими детьми
новую хозяйку игрушки вывез-
ли по Дороге жизни.

Дед Павла Дуброва, нынешнего
владельца удивительной релик-
вии, вез ту спасенную девочку,
прижимавшую к себе заветную
обезьянку. Он запомнил необыч-
ную игрушку. И через много лет
совершенно случайно семья во-
дителя Дуброва уже в Саратове,
куда эвакуировали ленинград-
ских ребятишек, познакомилась
с повзрослевшей владелицей
обезьянки. Она и подарила им
свою семейную реликвию.

Обезьянка навсегда осталась в
семье Дубровых, став практиче-
ски талисманом. А уже в наши
дни она превратилась в экспо-
нат выставок семейных релик-
вий, организованных региональ-
ной общественной организацией
поддержки ветеранов военной
службы «Офицерский клуб».

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Фотография начала XX века. На
ней – молодой летчик Александр
Васильевич Цареградский со
своей невестой. Это тоже экспо-
нат выставок семейных релик-
вий, предоставленный мастером
спорта по вертолетному спор-
ту Татьяной Масловой. А еще в
числе экспонатов – ордена и ме-
дали, письма, предметы быта и

обихода. Все эти вещи хранятся
в семьях россиян десятилетиями,
а иногда и столетиями...

Идея организовать выставку исто-
рических реликвий, хранящихся
в семьях, пришла бывшему офи-
церу-пограничнику, преподавате-
лю социологии Игорю Леонидо-
вичу Котову. Это он создал и более
двадцати лет возглавляет обще-
ственную организацию «Офицер-
ский клуб». И вот уже восемь лет
клуб ежегодно организует и про-
водит подобные выставки.

Котов убежден: в воспитании па-
триотизма и гражданственности
мало что сравнится с изучением
семейной истории. В каждой се-
мье были, есть и будут примеры
служения Отечеству и ближним,
примеры, достойные подража-
ния. Ведь одно дело, когда ребен-
ку приводят в пример героизм,
преданность долгу, Отечеству,
своему роду, подвиги, которые
совершали посторонние люди,
и другое – когда речь идет о его
собственных предках. Тогда он го-
раздо лучше понимает и осознает
себя как продолжателя традиции.
Предметы, которые время сде-
лало семейными реликвиями,
всегда имеют собственную исто-
рию. И чаще всего эта история
повествует о доблести, отваге,
чести, любви, умении преодоле-
вать трудности. Чтобы предмет
поведал эту историю, она долж-
на передаваться из поколения в
поколение, что и происходит в
семьях, которые бережно отно-
сятся к своему прошлому.

– Идея создания выставочно-
го проекта семейных релик-
вий появилась в феврале 2010
года, – рассказывает Игорь Лео-
нидович. – Это случилось на од-
ном из мероприятий, когда один
из организаторов космической
программы СССР, человек, гото-
вивший «Гагаринский старт», со-
общил, что им лично накоплен
огромный материал об этом стар-
те, о том, как они днем и ночью
готовились, о тех проблемах, ко-
торые пришлось преодолеть.
И посетовал, что никому этот
материал не нужен и что целый
пласт истории, связанный с по-
летом первого человека в космос,
просто уйдет в никуда.

«РАНЕННЫЙ ОРДЕН»

– Мне пришло в голову, что сохранение памяти – это очень актуальная тема, – продолжает Игорь Леонидович. – И не просто сохранение памяти в государственном масштабе, но и сохранение памяти для семьи, для детей. Мы с товарищами это обсудили, все одобрили, в итоге образовался такой небольшой круг энтузиастов. Я встретился с директором Музея Великой Отечественной войны, генерал-лейтенантом Забаровским. Он человек был очень думающий, инициативный, идея о сохранении семейных реликвий и их демонстрации для воспитания подрастающего поколения ему очень понравилась. Мы договорились, что сделаем презентацию этого проекта. Создали сайт, и уже в июле 2010 года в Зале Славы музея состоялась красивая торжественная церемония. Участвовали представители Администрации Президента, депутаты, общественные деятели – всего более 150 человек. Одним из первых самых значимых, вызывающих неподдельный интерес экспонатов стала та самая плюшевая обезьянка. А первыми, кто получил памятные дипломы и звания «хранителей семейных реликвий», стали три семьи. Одна из них – семья генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Круглова, отец которого был участником первых боев на западной границе. Он написал книгу о том, как советские пограничники встречали огнем гитлеровцев на рубежах нашей Родины 22 июня 1941 года. Второй семьей стали саратовцы Дубровы, бережно хранящие реликвию, напоминающую о блокадной истории. Третьей семьей стали Гурьяновы-Курносовы, чей предок, морской пехотинец Михаил Гурьянов, при штурме Сапун-горы «поймал» два осколка. Но невероятная удача спасла бойца: один осколок попал в орден Отечественной войны, который был у него на груди, а второй – в ложку, которая была у него за поясом. Он был ранен, но остался жив. И сохранил спасшие его предметы. «Раненый орден» Михаила Гурьянова стал семейной ре-

ликвией и основой их домашнего музея. Этот орден с поврежденным осколком лучиком путешествует по выставкам, рассказывая свою удивительную историю. Выставки семейных реликвий – не единственный вид деятельности по сохранению исторической памяти, который ведет или активно поддерживает «Офицерский клуб». Уже доброй традицией стали такие начинания, как Всероссийский конкурс «Семейная реликвия» и Национальная премия «Семейная реликвия». Участники конкурсов и лауреаты премии демонстрируют свои познания семейной истории и истории родной страны, города, селения. География – обширнейшая. Это и Дальний Восток, и Ростовская область, и Крайний Север, и Крым... Каждый участник – это прежде всего интересный рассказ в виде презентации или видео о тех реликвиях, которые хранятся в семьях россиян, о жизни их предков. Перед участниками конкурсов и жюри встает история страны – в живых, полнокровных образах живших прежде людей. На сайте «Семейная реликвия» – ролики с рассказами о предках детей и внуков прославленных военачальников, таких, к примеру, как маршал Говоров. Потрясает история Кирилла Берендса, чей прадед был участником Бородинской битвы, дед – генералом, участником русско-турецких войн, отец – участником русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. А сам Кирилл Берендс – ветеран Великой Отечественной, создатель и хранитель семейного музея, одним из самых впечатляющих экспонатов которого стал мундир его отца.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Чтобы не прерывалась традиция, чтобы не останавливался процесс познания истории семьи, участники «Офицерского клуба» затевают новые мероприятия, призванные вызвать интерес людей к прошлому и их предкам. В год 75-летия Победы «Офицерский клуб» стал инициатором «Эстафеты народной памяти», которая предлагает каждому записать

краткий рассказ о своих предках, об их вкладе в Великую Победу и опубликовать этот небольшой видеоролик в «Инстаграм» с хештегом #эстафетанароднойпамяти. Затем эти ролики будут помещены во Всенародный исторический депозитарий Музея Победы.

У самого Игоря Котова тоже есть славные предки. Его отец Леонид Федорович Котов хорошо известен краоведам Калуги как автор уникального труда «О чем поведал Калужский бор». Эта книга, на которую автор потратил пятнадцать лет, рассказывает историю многолетней заботы Леонида Федоровича об уникальном лесном массиве Калуги.

Еще одно из увлечений активных участников «Офицерского клуба» – исторические танцы. Польки, кадрили, менуэты и гавоты изучаются, реконструируются, а затем исполняются на балах, которые организует Российское историческое общество и другие общественные объединения. Великолепное зрелище создается усилиями энтузиастов, большинство из которых – ветераны военной службы. Это вклад в сбережение традиций, а также просто увлекательное занятие, позволяющее сохранять прекрасную физическую форму и радовать своими выступлениями зрителей.

Огромный труд активистов «Офицерского клуба» – ежедневный, требующий постоянного внимания к деталям и людям, энтузиазма и жажды познания – продолжается долгие годы. Он просто необходим для того, чтобы наша огромная страна, объединенная общей историей и русской речью, продолжала жить, ощущая себя единым целым, наполняясь историями семей, продолжаясь в них. Этот труд необходим для того, чтобы больше было добрых и мирных историй – больших строек и космических полетов, выращивания лесов и воспитания детей. Но он также нужен и для того, чтобы все поколения крепко помнили и те истории, о которых рассказывает маленькая плюшевая обезьянка с забинтованной лапкой... ❀

ПАМЯТЬ ОБ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 70-Х ГОДАХ ПРОШЛОГО ВЕКА ПИСАТЕЛИ АЛЕСЬ АДАМОВИЧ, ЯНКА БРЫЛЬ И ВЛАДИМИР КОЛЕСНИК ОБЪЕХАЛИ 147 СОЖЖЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ И ЗАПИСАЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ. ЧТОБЫ НЕ УШЛА ВМЕСТЕ С НИМИ ИХ СОЧАЩАЯСЯ КРОВЬЮ ПАМЯТЬ. В РОССИИ ОПРОСЫ ПОДОБНОГО РАЗМАХА НИКОГДА НЕ ПРОВОДИЛИСЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИСТОВ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПЛОХО ИССЛЕДОВАН. ВМЕСТЕ С ДИРЕКТОРОМ ФОНДА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» АЛЕКСАНДРОМ ДЮКОВЫМ ДЕЛАЕМ ПЕРВЫЙ ШАГ, ЧТОБЫ ЗАПОЛНИТЬ ЭТИ ПУСТОТЫ.

— Н А ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР в отношении вступали, по крайней мере, три силы: оккупанты, местное население и партизаны. Оккупанты в нашей истории всегда останутся врагами, партизаны – героями, местные жители – источником партизанской поддержки. И все же давайте более подробно опишем структуру этого социального пространства.

– Американский историк греческого происхождения Статис Каливас в книге «Логика насилия в гражданской войне» исследует различные уровни контроля в рамках иррегулярной войны. Он выделяет три типа территории: те, что плотно контролируются оккупантами; контролируемые ими частично; и территории, контролируемые силами сопротивления, то, что у нас традиционно называют «партизанскими краями».

Оказывается, в пунктах, которые плотно контролируются оккупационными властями, уровень насилия ниже, поскольку контроль не подвергается сомнению. На оспариваемых же территориях нет сплошного контроля, он, скорее, узловый. Оккупационные войска контролируют важные транспортные развязки. Гарнизон базируется в ближайшем райцентре. А в отдаленных деревнях оккупационные власти назначают старосту. В крайнем случае создают полицейский пост из местных. И только время от времени заглядывают туда.

– *Какова структура партизанской зоны?*

– На этой территории находится штаб партизан, стоят их формирования, разбит лагерь и так далее. Там действуют подразделения советской власти, например сельсоветы. Немцы в любой момент могли стереть партизанский край с лица земли, но, как правило, для этого у них не хватало сил. Чтобы разгромить партизан, нужно было снять с фронта войсковую часть, сосредоточить в тылу дополнительные формирования вспомогательной полиции. Поэтому пока партизанский край не сильно досаждал новой власти, местность могла находиться под партизанским контролем.

– *По каким законам жила «серая» зона?*

– Между партизанским краем и зоной плотного контроля оккупантов существует срединная зона. Туда заходят то партизаны, то немцы; каждая из сторон имеет в ней частичный контроль. Оккупанты начинают активно действовать в тех случаях, когда в оспариваемой зоне деятельность партизан активизируется настолько, что начинаются перебои со сбором продовольствия для оккупационных войск, блокируются передвижения по путям сообщения. Тогда проводят карательные операции.

Каливас также отмечает, что на оспариваемой территории обе стороны вынуждены работать с местными жителями. Оккупанты ведут вербовку населения. Завербованные местные жители

еще не полицаи, так как присутствие на территории полицейских частей означает плотный контроль. Скорее, осведомители, дающие важную информацию.

В «серой» зоне обе стороны примерно представляют, кто из местного населения на кого работает. И если нацисты проводят карательную операцию, имея в оспариваемой зоне хорошую агентурную сеть, они уничтожают именно тех, кто сотрудничает с партизанами. А вот кто сотрудничает с партизанами на территории партизанского края, оккупанты не знают. И возможности расправиться с ними выборочным образом у карателей нет. Тогда они прибегают к тотальному убийству.

– *Разделение на зоны, которое описывает Каливас, характерно для любой иррегулярной войны. Однако война, которую вели нацисты на территории Советского Союза, не допускает сравнения ни с одной из них. Это была война на уничтожение.*

– Еще до нападения на Советский Союз идеологами нацизма было принято решение об уничтожении сторонников большевистского строя. В 1941 году немцы полагали, что основная опора коммунистов в России – евреи. В 1941 году евреев убивали и как «основу большевистской власти». На этом этапе нацисты полагали, что стоит уничтожить партизан и евреев – и в немецком тылу будет спокойно. Однако очень быстро стало ясно, что спокойно не получится. К концу 1942 года число уничтоженных представителей нееврейского населения, славян, превысило число убитых евреев. К этому времени нацисты поняли, что партизаны и евреи – не одно и то же; славян среди партизан значительно больше. Выяснилось, что славяне поддерживают тот самый большевистский режим, который нацисты ошибочно считали «еврейским». Соответственно, славян надо уничтожать. Практика геноцида, которая использовалась преимущественно в отношении евреев, стала масштабно применяться и против мирного славянского населения. Карательные операции стали новой стадией радикализации войны. Массовые убийства мирных жителей превратились в повседневную практику. Сколько человек было убито в рамках контрпартизанских операций, никто до сих пор не подсчитал. Более того, погибшие и выжившие в карательных операциях до сих пор не признаны жертвами войны.

– *Если идеологический характер истребительной политики на востоке объяснялся «борьбой с большевизмом», то как проявлял себя ее расистский характер?*

– Согласно нацистской доктрине, территория на востоке рассматривалась как жизненное пространство, которое надо освобождать от населения. Германии были нужны территории, а не люди. Еще до начала военных действий был принят ряд приказов, помогавших «решать»

этот вопрос. Например, приказ о военной неподсудности в районе действия плана «Барбаросса», который отменял любые преследования за проявление немотивированного насилия по отношению к мирному населению – не только еврейскому, но и славянскому. Еще не было ни партизан, ни сопротивления, но уже было спланировано уничтожение значительной части мирного населения и военнопленных голодом и прямыми убийствами. Были заранее сформулированы планы сократить число славян на 20–30 миллионов. В официальной записке по итогам совещания статс-секретарей германских ведомств 2 мая 1941 года говорилось о миллионах людей, которые «должны умереть». О смерти от голода десятков миллионов говорится в сформулированных 23 мая 1941 года планах экономического штаба «Ост». Был принят целый ряд приказов, которые современные германские историки называют преступными. Это директива о поведении войск в России, которая открывала путь для безнаказанных убийств любых подозрительных лиц. Это приказ о комиссарах, приказ о взаимодействии вермахта с айнзац-группами – формированиями, отвечавшими за физическое уничтожение политических противников рейха. О планах по истреблению десятков миллионов людей за несколько дней до нападения на Советский Союз говорил рейхсфюрер СС Гиммлер во время выступления перед руководящими чинами СС. В беседе с министром иностранных дел Италии графом Чиано Геринг заметил: «Этой зимой умрет 20–30 миллионов, и, наверное, это правильно, потому что некоторые народы нужно сокращать». Убийства и карательные операции, которые в рамках так называемой контрпартизанской деятельности осуществлялись против мирного населения, своей целью имели именно это – сокращение славянского населения.

– *Отношение к народам, населявшим Советский Союз, при их общем клейме «унтерменшей», имело свои градации?*

– С точки зрения нацистов, евреев надо было гетторизировать, а затем уничтожить. Но на территории СССР жили и представители других народов. Эсэсовцы, гитлеровские экономисты, военные особенно не разбирались, кто к какой национальности принадлежит. Они без колебаний использовали голод, насилие, расстрелы. Однако существовал и дифференцированный подход, которого придерживался, например, нацистский идеолог Альфред Розенберг. Он считал, что бороться надо не с Советским Союзом, а с Россией как таковой, поэтому поощрял сепаратистские националистические движения и к их представителям призывал относиться иначе. Русские, по мнению Розенберга, народ наименее ценный в генетическом отношении. Не совсем недочеловеки, как евреи, но примерно такие же. И ког-

да мы сегодня слышим теории про «Московию», «Орду» и «московитское иго», мы должны понимать, что разработаны они были Розенбергом.

– *Кем были жители партизанского края? Традиция Холокоста рассматривает погибших прежде всего как жертв, отечественная традиция – как героев, помощников партизан. Какого взгляда придерживаются современные историки?*

– Я хотел бы уточнить терминологию. В изложении событий войны принято различать комбатантов и нонкомбатантов. Комбатанты – те, кто держит в руках оружие. Нонкомбатанты оружие в руках не держат. Они могут помогать комбатантам – продуктами, информацией, могут пускать их в свой дом или лечить. Тем не менее они остаются нонкомбатантами, то есть людьми, которые защищены законами и обычаями войны. Эти законы были прописаны еще в начале XX века, но беззастенчиво нарушались нацистами. Соответственно, мирные жители, независимо от того, поддерживали они партизан или нет, являлись нонкомбатантами. Их уничтожение – преступление. Они являются жертвами войны, что не отменяет исключительного героизма очень многих из них. Помогали ли мирные жители партизанам? Безусловно. Но, разумеется, не все. Когда мы ездили в Белоруссию собирать воспоминания переживших оккупацию, четко было видно, какая из деревень «партизанская», а какая – «полицейская». Та, где большая часть взрослого населения так или иначе была связана с полицией, не поддерживала партизан. В Белоруссии, проехав 15 деревень, мы видели пару подобных. Там ничего не рассказывают, а если рассказывают, то и карательных операций у них не было, все тихо и спокойно. А в остальных деревнях рассказывают – и замираешь от ужаса... Это разделение на полицейскую и партизанскую деревни в Белоруссии долго сохранялось и после войны. Вероятно, и в России было нечто подобное.

– *Можно ли употреблять юридический термин «геноцид» для описания политики, проводимой немецкими оккупантами по отношению к славянскому населению?*

– Безусловно. Нацистская истребительная политика распространялась на славян лишь немногим меньше, чем на евреев. Славяне должны были остаться рабами германских хозяев на своей бывшей земле. Да, был зазор, в котором русский, украинец, поляк мог встроиться в нацистскую иерархию в самом низу пищевой цепочки. Однако это не отменяет политики геноцида в отношении славян в целом. Запланированное уничтожение нескольких десятков миллионов человек, вне всякого сомнения, является осознанным актом геноцида. И то, что сегодня в рамках исследований преступлений на оккупированных территориях Следственный комитет России возбуждает дела по фактам геноцида, совершенно правильно.

– *Как шло расследование нацистских преступлений?*

– Первичный подсчет жертв и нанесенного ущерба проводили сразу после освобождения территорий. Это делали политотделы военных частей, которые освобождали местность, где совершались преступления. Еще до начала работы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений (ЧГК) они опрашивали местное население и фиксировали показания. Потом наступал второй этап. Война продолжалась, но ЧГК и действовавшие с ней в контакте органы внутренних дел вели расследования. Опрашивали свидетелей, проводили эксгумации. Сбор информации продолжался до окончания Нюрнбергского трибунала в 1946 году. Потом этим занялись только органы внутренних дел. Они пытались установить преступников. Момент был выбран удобный: как раз в это время шла фильтрация в лагерях для немецких военнопленных и коллаборантов. Но следственной работы, к которой мы привыкли в мирное время – с показаниями свидетелей, исследованием всех возможных доказательств, определением личной вины, – не проводится. Слишком невероятен масштаб трагедии.

– *Как вели подсчет жертв на оккупированных территориях?*

– Есть, что называется, «взгляд сверху»: примерная оценка, основанная на демографической статистике, сколько миллионов могло погибнуть. Более точно, думаю, установить уже невозможно. Любые цифры, которые содержат отчеты ЧГК, приблизительны, преувеличены в одном, преуменьшены в другом. Других данных у нас нет. Есть немецкая статистика, но она тоже неточна. Например, есть немецкий отчет по сожжению Хатыни. Сегодня мы знаем поименно всех погибших жителей Хатыни, 149 имен. А в немецком отчете говорится о 90 убитых жителях. Немцы не особенно старались учитывать жертв расправ. Они фиксировали примерную цифру, а она чуть ли не вдвое меньше реальной. Данные из немецких источников явно преуменьшены. Сколько было убито на самом деле, мы уже никогда не узнаем. Все, что мы пока можем сделать, – это установить примерное число погибших по каждому конкретному преступлению. Узнать, была ли эксгумация, составлялись ли сельсоветом списки убитых, были ли отчеты партизан или отчеты карателей, каковы результаты переписей. В данном случае точность статистики будет определяться

размером приложенных усилий. То есть по конкретному населенному пункту мы можем установить относительно точное число, даже поименно назвать часть погибших. Но, к сожалению, надо смириться, что точных цифр по жертвам в целом мы не узнаем, даже когда будут открыты все архивы. Мы не сможем отследить перемещения оставшихся безымянными людей, чужаков, полностью погибших семей, дальних родственников, беженцев. Всех, кто мог случайно оказаться жертвами расправы. Когда архивы будут оцифрованы и объединены в общую поисковую систему, мы увидим картину более четкой. Но не окончательной.

– Получится хуже, чем с без вести пропавшими. Ведь потери мирных граждан никто не учитывал.

– По без вести пропавшему хотя бы есть информация, что он был в рядах Красной армии, призван, направлен в полк, воевал и где-то в таком-то районе пропал без вести. А про жителей оккупированных территорий мы не знаем почти ничего. Нет никаких свидетельств, что человек существовал. Последняя перепись состоялась в 1939 году. Что мы узнаем из нее? В 1939 году такие люди в этой деревне жили, а в 1944-м – уже нет. Но что с ними случилось?

– Почему в общественном сознании не сформировался такой же безошибочно опознаваемый образ, который бы напоминал о трагедии сожженной русской деревни, как, например, Освенцим напоминает о трагедии Холокоста?

– По Холокосту мы имеем абсолютно тот же пласт документов, что и по истребительной политике на оккупированных территориях, – материалы, собранные по горячим следам ЧГК и аналогичной комиссией в Польше. Эта информация достоверна и дает многое для понимания масштабов убийств и евреев, и неевреев. Объем фактов для исследователей Холокоста и преступлений против славянских народов на оккупированных территориях был примерно одинаков. А затем произошло вот что. К концу 1946 года работа ЧГК прекращается. Комиссия установила размер ущерба, дальше руководители СССР не видели смысла в ее существовании. Их, скорее, интересовало, что делать в будущем. Да это тогда было и невозможно. Речь шла о преступлениях столь масштабных, что на расследование их должным образом не хватило бы сил. Собрали определенный массив информации, использовали его в Нюрнбергском процессе, в статистике ущерба, и на этом закончили. Поиски отдельных преступ-

ников продолжались в индивидуальном порядке. Небольшой всплеск интереса к этой теме в Советском Союзе в 1960-е годы быстро сошел на нет. В отечественной историографии этой тематикой в советское, да и в постсоветское время просто не занимались. История оккупации и нацистских преступлений проходила в официальной историографии по разделу «партизанского движения». Если вы возьмете 6-томную историю Великой Отечественной войны, историю Второй мировой войны в 12 томах, любые обобщающие издания, вы увидите, что в центре внимания их авторов не стоят нацистские преступления. О них, безусловно, помнили. Но это была память по умолчанию, о которой не надо было говорить специально, поскольку еще были живы очевидцы.

– *Однако в это же время очень активно разрабатывалась история Холокоста.*

– Несмотря на то, что массив изучаемой информации был примерно одинаков, проработка тем оказалась на принципиально разном уровне. Поэтому сегодня есть энциклопедия Холокоста на оккупированной территории СССР с данными расправ над евреями. При этом нет даже единого списка сожженных деревень России. В Белоруссии и на Украине такие списки были составлены еще в советское время, в России – нет. Причина банальна. Подобной работой занимались местные Институты истории партии. Коммунистической же партии РСФСР не существовало. Соответственно, не было и Института истории партии. Заниматься жертвами оккупации было некому. Если мы возьмем публикации по нацистской истребительной политике, то обнаружим, что на Западе об этом написано в десятки раз больше, чем у нас, и гораздо более содержательно. Хотя основные архивы хранятся в России и в Германии, мы в исследовании этой темы вытеснены глубоко на периферию.

– *Не привели ли пробелы в документировании преступлений к пробелам в национальной памяти?*

– Прошло почти восемьдесят лет, свидетели событий умерли. И утверждения, понятные послевоенным поколениям по умолчанию, стали неочевидны. Напротив, теперь их надо доказывать, объяснять. И внезапно выяснилось, что объяснять-то не умеем, потому что до конца сами не понимаем, как связаны известные нам факты. Например, в России изданы всего три научные публикации, которые дают правдивый набросок нацистского плана по геноциду голодом. На Западе же этот вопрос исследован досконально. И складывается поразительная ситуация. Западные ученые совершенно справедливо, с опорой на многочисленные факты и документы, пишут об антирусских, антиславянских планах нацистов. У нас же это утверждение звучит как что-то подозрительное: «Может, советская пропаганда?» Российское общество настолько

отстало в понимании происходившего на территории собственной страны, что утверждения, являющиеся в западной историографии общим местом, для нашей общественности становятся откровением.

– *В России не произошел переход личной памяти в культурную?*

– Не введены в научный оборот факты, зафиксированные личной памятью миллионов наших сограждан. Да и в культурную память тоже... Сколько в нашей стране музеев, посвященных нацистской истребительной политике? Сколько общенациональных памятных мест? Я знаю всего два: Пискаревское кладбище и еще под Порховом есть мемориал на месте лагеря для военнопленных Дулаг-100 – там были умерены голодом десятки тысяч военнопленных. В 1980-х начали строить мемориальный комплекс, а потом случилась перестройка. Тридцать лет место памяти под Порховом было заброшено. Посреди зарастающего пустыря стояли гигантские фигуры с арматурой вместо голов. Идешь и физически ощущаешь, что пространство заполнено душами неупокоенных, десятки тысяч убитых лежат у тебя под ногами, вокруг ползают змеи, люди моют машины. Ни церкви, ни могил, только этот разваливающийся памятник. Слава богу, его сделали. Но это – памятник военнопленным. А национального мемориала погибшим мирным жителям, подобного белорусской Хатыни, в нашей стране нет. Есть мемориал Хацунь под Брянском, но это локальное место памяти. Мы даже по названиям сожженных деревень России до сих пор все не знаем.

– *Почему полагали, что память о жертвах помешает памяти о героях?*

– У меня нет ответа. Я человек постсоветского поколения, и в моем детстве 1990-х годов в пространстве национальной памяти этих жертв просто не существовало. Меня в школьные годы не возили в Хатынь. Только фильм «Иди и смотри» закрывал тему. Мы смотрели его в школе, но тогда он не произвел на меня впечатления. Пересмотрел его уже взрослым, и тогда шок был колоссальным. Вывело меня из беспамятства исследование немецкого ученого Кристиана Штрайта «Солдатами их не считать» – про отношение солдат вермахта к советским военнопленным. Штрайт показал ужас нацистской политики уничтожения. Только с этой книги для меня началось постижение всей глубины трагедии, пережитой в войну нашей страной.

– *Память об оккупации не передавалась следующим поколениям. Это не то, о чем было принято рассказывать в семьях. Шло вытеснение, попытка забыть.*

– Холокост тоже начали серьезно исследовать лишь тогда, когда его боль перестала быть настолько горячей. На оккупированной террито-

рии СССР эта рана кровоточит, кажется, до сих пор. Травмы, полученные обществом в результате войны, – и физическая, и психологическая – огромны. В психиатрии не существовало структур, которые помогали бы этим людям справиться с этой нечеловеческой болью. У нас и солдатам, вернувшимся с войны, никто не помогал. А разве там не было травмы? Работала стихийная терапия – собирались, пили, молчали, вспоминали. Когда в Белоруссии мы записывали воспоминания жителей бывших оккупированных территорий, было видно, насколько редко они говорили о пережитом, насколько травмирующими были для них воспоминания.

– Велись ли после войны целенаправленные поиски предателей, соучастников нацистских массовых расправ?

– Да, но опознавали их, как правило, случайно. И большая часть военных преступников остались не осужденными. Масштабы преступления были огромны, в них было вовлечено множество людей. Кроме того, юридически установить личную вину человека достаточно сложно. Если коллаборационист служил в карательном подразделении, еще можно отыскать его. Был ряд процессов, когда судили преступников из конкретных карательных подразделений – латышской «команды Арайса», 2-го литовского полицейского батальона, 118-го украинского полицейского батальона. А если человек не служил в таком подразделении, он имел шансы тихо прожить всю жизнь и не быть разоблаченным. Васюра, который участвовал в уничтожении Хатыни, благополучно прожил многие годы, даже не поменяв фамилии, и получал выплаты как ветеран войны.

Но даже когда доказательств достаточно, неочевидно, что преступник будет наказан. В Канаде до сих пор живет гражданин по фамилии Оберлендер. Он был переводчиком в айнзацкоманде 10а, которая действовала на юге России, участвовал в убийствах и карательных операциях. Его имя многократно упоминается в документах советских правоохранительных органов, расследовавших эти преступления в 1970-х. Оберлендеру уже около 100 лет, сейчас его лишили гражданства Канады и собираются депортировать из страны. Но он, вероятнее всего, не доживет до суда и умрет своей смертью как добропорядочный гражданин.

Так недавно ушел из жизни проживавший в США 100-летний украинский националист Михаил Карковец. Он служил в украинском легионе самообороны – националистическом подразделении, тайно сотрудничавшем с нацистами и затем легализованном как 31-й охранный батальон СД. Карковец лично причастен к уничтожению жителей польской деревни Хланюв. Советское следствие собрало на него информацию еще в 1970-е годы, эта информация была на Западе проигнорирована. Только в 2013 году агентство

Associated Press напечатало статью, в которой подробно излагалась история Карковца. В 2015 году поляки попытались запустить процедуру его опознания и выдачи, но он благополучно умер в декабре 2017-го.

– Планируется ли в отношении русских мирных жертв нацистских преступлений провести работу, подобную той, что была давно сделана по жертвам Холокоста? Создать общую базу погибших, провести мемориализацию мест расстрелов и сожжений, составить базу уничтоженных деревень, открыть музей жертв оккупации...

– Думаю, пока всего этого ожидать не приходится. База данных по сожженным деревням, когда данные будут собраны в достаточном объеме, появится. Сейчас готовится к выпуску многотомное издание документов по сожженным деревням России. А вот чтобы сделать сводную базу по погибшим мирным жителям, нужно, чтобы решение было принято на самом высоком уровне. И дело не только в одобрении. Пока не проработан вопрос, откуда брать подобную информацию. Фонд данных ЧГК уже оцифрован. Думаю, вскоре мы увидим открытую электронную базу данных по уничтожению мирного населения.

Что касается мемориализации, для начала хорошо бы сделать хотя бы реестр локальных памятников жертвам нацистской оккупации. Иногда их ставили сразу после освобождения, но большая часть из них появилась только в 1960-е, по решению сельсовета или колхоза. Обычно это небольшой обелиск, а иногда – просто камень, к которому прикреплена табличка, или бетонная стела. Как правило, это результаты вторичной мемориализации. Сначала люди хоронили своих погибших односельчан самыми простыми способами, отмечая места их захоронений. После войны на местах массовых преступлений ставили небольшие памятники, а в 1960-е годы прошла волна вторичной мемориализации. Обычно эти небольшие бетонные обелиски делались за счет колхозов, сельсоветов и стояли на балансе этих организаций. В 1990-е годы обанкротившиеся колхозы, бывало, выставляли на продажу вместе с памятниками. Тогда приходилось предпринимать специальные усилия, чтобы передать эти памятники местным властям.

– Поисковики знают, что при перезахоронениях погибших солдат в места вторичных захоронений порой переносили прах только части погребенных. Часть же оставалась лежать в старой могиле. С перезахоронениями мирных жителей возникают подобные сложности?

– Первые захоронения погибших были такими: оставшиеся в живых родственники из соседней деревни пришли и закопали прах сторевших прямо в обутленный фундамент дома. Потом, особенно если сожженная деревня не возродилась, памятник погибшим ставили в ближайшей жилой

деревне. Момент перезахоронения должен был фиксироваться, но никто не знает, как это происходило. Неизвестно, кто на самом деле лежит под обелисками, сколько погибших оставлено в старых могилах. Например, в Ейске расстреляли детей, эвакуированных из Симферопольского детского дома. Их убили за городом, потом торжественно перезахоронили в парке. Потом снова эксгумировали и перезахоронили в парке, но в другом месте. Потом перезахоронили на кладбище. По документам об эксгумации видно, что в парке лежат далеко не 230 расстрелянных, а человек 40. Остальные, видимо, остались на месте расстрела.

– *Лагеря также нуждаются в мемориализации. Иногда гражданские лица содержались там вместе с военнопленными, иногда отдельно. Есть ли какие-то планы по увековечиванию этих трагедий?*

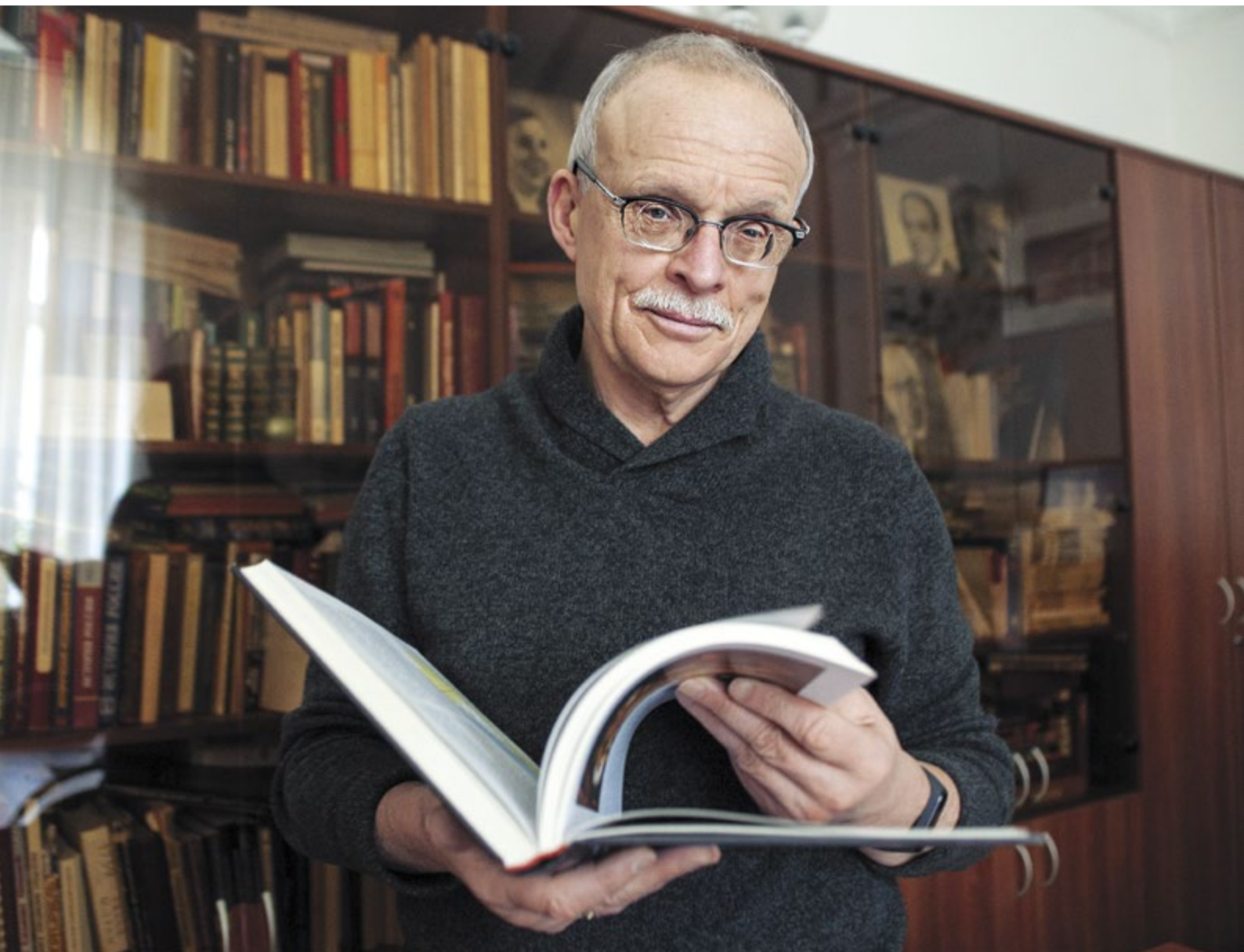
– Масштабы потерь здесь также велики. Если мы возьмем данные по военнопленным 1941–1942 годов, то обнаружим, что советская и немецкая статистика различаются весьма серьезно. В немецких данных в качестве военнопленных учитывались не только солдаты, но и местные жители призывного возраста, которых также сгоняли в лагеря. В советской же статистике воен-

нопленными считались служащие в Красной армии. Образовавшийся зазор в 600–800 тысяч – это и есть мирное население призывного возраста в лагерях военнопленных.

Были еще и лагеря для депортируемых. В Белоруссии самый страшный из них – Озаричи. Такие же пересыльные лагеря наверняка были и в России, но мы про них почти ничего не знаем. До сих пор нет списка нацистских концлагерей на территории России, даже для военнопленных, не говоря уже о лагерях для гражданских. Есть справочник «Немецкие лагеря для военнопленных в Белоруссии», а справочника «Немецкие лагеря для военнопленных в России» нет. Ничего нет на самом деле.

– *Не знаешь, что это в большей степени – трагедия или позор. Погибли миллионы наших сограждан, но где и кто из них лежит – неизвестно.*

– Спустя 75 лет после войны для историков все только начинается. Вдруг мы озаботились, что пора что-то сделать для миллионов безвинно погибших соотечественников. Правда, озаботиться надо было лет 25 назад, когда были живы свидетели. Но если не осталось свидетелей, остались архивы.

«ПРАВДА ВОЛИ МОНАРШЕЙ»

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ТО БЫЛО СТРАННОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ РОССИИ, КОГДА ИМПЕРАТОРЫ МЕНЯЛИСЬ ТАК БЫСТРО, ЧТО В НАРОДЕ ПОРОЙ НЕ УСПЕВАЛИ СЛЕДИТЬ ЗА ТЕМ, КТО СИДИТ НА ТРОНЕ. ОБ ЭПОХЕ «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ» ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ПРОФЕССОР ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА РГГУ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРУКИН.

— Э ПОХОЙ «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ» называют период от смерти Петра I в 1725 году до воцарения Екатерины II в 1762 году.

Игорь Владимирович, в чем объективные причины столь бурной смены правителей в это время?

— Важнейшая причина — отсутствие четкого порядка престолонаследия. В любой монархии престолонаследие — ключевой закон. Он может быть и неписанный, но это традиция, которая строго соблюдается. А в России Петр I изменил существующий порядок престолонаследия, издав соответствующий закон. У него были свои причины на то: конфликт с сыном Алексеем, закончившийся казнью царевича; затем в 1719 году умер его малолетний сын Петр, назначенный наследником. Император был озабочен вопросом наследования. Он не думал скоро умирать, но и железным здоровьем не обладал — болел частенько, сохранилась его громадная аптека.

Итак, в 1722 году Петр издает очень странный закон о престолонаследии, который, собственно, и не закон, а нечто обратное порядку. Феофан Прокопович (архиепископ и известный ученый — современник Петра I. — Прим. ред.) составил подробный комментарий к закону, озаглавленный «Правда воли монаршей». Государь отныне имел право назначить наследником кого захочет. Если же царь скончался, не успев выразить свою волю, тогда «должен народ всякими правильными догадами испытывать, какова была, или быть могла воля Государева». Ясно, что у придворного «народа» могут быть разные «правильные догады». Таким образом, вокруг каждого претендента на

престол складывается группировка сторонников — в XVIII веке это называлось «партия». Неизбежно между партиями начинается борьба.

Другим важнейшим фактором дворцовых переворотов стала гвардия — Преображенский и Семёновский полки; при Анне Иоанновне к ним еще добавились Измайловский и Конный полки.

— Но ведь гвардия — это лишь элитная воинская часть, личная охрана правителя.

— В большинстве случаев это действительно так. В России же при Петре I гвардия становится таким чрезвычайным элементом управления. Гвардейцы выполняли самые разные поручения монарха. Губернатор не собрал вовремя налоги — Петр отправляет к нему гвардейского офицера или сержанта разобраться. Губернатор — генерал, но он вынужден считаться с обычным гвардейцем, потому как тот — доверенное лицо царя. Надо срочно набрать новых рекрутов — отправляется гвардейский офицер с командой и решает задачу. Царь часто использовал гвардейцев в качестве следователей, хотя никакого юридического образования у них не было. Какой-нибудь чиновник проворовался — Петр посылает гвардейца провести расследование. Нужно поехать за границу с важным поручением — гвардеец скачет сломя голову за тысячи верст. Не обязательно при этом, чтобы он знал иностранные языки. Все зависело от того, как доверенный себя покажет. Были такие, кто делал фантастическую карьеру, — например, Александр Иванович Румянцев. В 1717 году он самостоятельно смог найти в Европе сбежавшего царевича Алексея. Царевич направлялся к отцу в Копенгаген и по дороге исчез. Царевич Алексей скрывался, ехал под чужим именем, затем спрятался в одной из австрийских крепостей в Альпах. Румянцев скачет по разным дорогам, расспрашивает в кабаках и на постоялых дворах, проезжали ли такие люди, выглядели вот так. И нашел же. Или Андрей Иванович Ушаков — начальник Тайной канцелярии. Успешно выполняя поручения царя, из простого солдата он стал офицером, а закончил карьеру графом и генералом. То есть гвардейцы — это люди, привыкшие участвовать в политике, они чувствовали себя причастными к управлению государством.

— Особенно насыщенными на перевороты оказался период с 1725 по 1741 год: сменилось пять правителей. Все ли перевороты были заговорами и что нужно считать заговором?

— Под заговором подразумевается сбор группы лиц, которые втайне строят план, как сместить царя, кому корону передать, кого сделать регентом и тому подобное. Правители, конечно, не всегда приходили к власти в результате заговора. Так, в 1725 году Петр I лежал при смерти, а во дворце две группировки спорили, кто будет наследником. Одни выступают за жену Петра Екатерину, другие — за малолетнего внука Петра. Являются

Александр Иванович Румянцев (1680–1749), дипломат, военачальник, астраханский и казанский губернатор, правитель Малороссии

гвардейцы и кричат: ставим Екатерину, а кто против, тому морду набьем. Такой вот спор проходил в Зимнем дворце Петра I, остатки которого сейчас можно увидеть в подвале Эрмитажного театра. Воцарившейся Екатерине нужно было себя легитимировать. Она заявляла, что будет править по заветам своего великого мужа. Даже в частностях. Издала, например, закон, запрещавший даже отставным дворянам под страхом штрафа и битья батогами ходить «с бородами и в старинном платье». В крайнем случае предписывалось «щетину подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды».

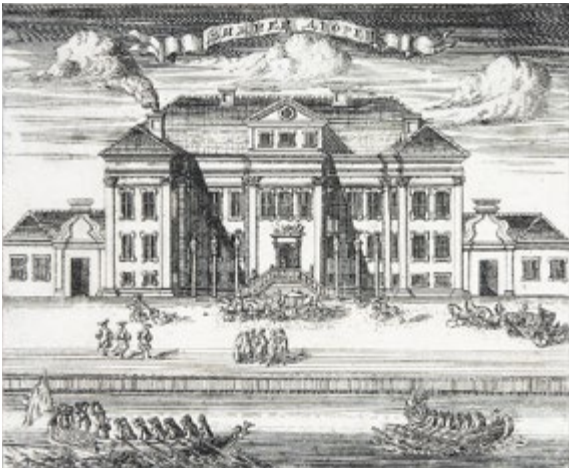
– В 1727 году сменивший Екатерину I внук Петра Великого Петр II воцарился, кажется, тоже без заговора, а через публичные споры. Ясно, что 12-летний мальчик не мог управлять страной. Удивительно другое: ставший при нем регентом Александр Данилович Меншиков продержался всего три месяца. А ведь это был матерый государственный деятель.

– Меншиков был безусловно одаренным человеком, хотя и не самым симпатичным. Но он не смог выстроить правильные отношения с царем-мальчиком. Он заставлял его учиться. Петру это было неинтересно. Ограничивал царя в личных деньгах, мотивируя тем, что он потратит их без пользы. В общем, он говорил разумные вещи, но было важно, как это делать. Нельзя было приказывать царю, показывать, что ты умнее его, талантливее. Конечно, Меншиков знал и умел неизмеримо больше этого мальчишки. Но он – царь, а Меншиков – его слуга и должен вести себя соответственно. Таково искусство царедворца. Меншиков с ролью не справился. Поэтому когда регент заболел и долго не виделся с царем, Долгорукие убедили Петра убрать наставника: вот он такой плохой, учиться тебя заставляет, лучше будем на охоту ездить. К тому же Меншиков в то время увлекался странными экспериментами, снижавшими его авторитет. Приказал, например, делать «серебряные» монеты из некоего сплава с добавлением

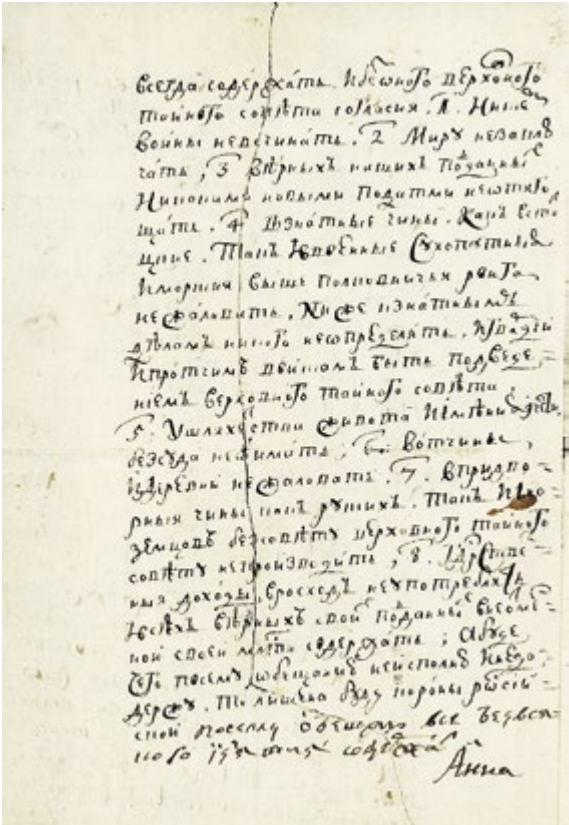
ртути. Серебра в стране не хватало, и он нашел химиков, которые такой сплав придумали. Деньги получились похожие на серебряные, но в скором времени начали рассыпаться в руках.

– Приход к власти Анны Иоанновны был, наверное, самым неожиданным. Она – дочь Ивана V, брата и в свое время соправителя Петра I. Тем не менее Анну поставили без заговора – так решил Верховный тайный совет.

– Для самой Анны Иоанновны царство тоже было неожиданным. Ее выбрали, потому как она была не амбициозная, принять корону ей надлежало при условии подписания Кондиций, ограничивавших царскую власть. Анна Иоанновна с радостью согласилась – она была бедной дворянкой, жаловалась, что ей бриллианты не на что купить. Сидела в медвежьем углу – в городке Митаве в нынешней Латвии. И была вдовой. Мужа Анна потеряла вскоре после свадьбы – он скончался по дороге из Петербурга из-за неумеренных пиршеств. По существу, это был не дворцовый, а государственный переворот, за ним последовало изменение формы власти – ограниченная монархия. Возникла уникальная ситуация: Тайный совет объявил дворянской делегации, что члены делегации могут предлагать свои проекты государственного устройства страны. Решать, конечно, будет Совет, но предложения принимаются. А среди них были очень талантливые люди вроде Василия Татищева. Проекты, предложенные Тайному совету, чудом сохранились. В текстах видно, с каким трудом делались первые попытки соста-

Зимний дворец Петра I на Адмиралтейском острове

Кондиции – акт об ограничении самодержавия, подписанный Анной Иоанновной в 1730 году

Анна Иоанновна показательно разрывает Кондиции. Гравюра Бориса Чурикова. Середина XIX века

вить нечто похожее на конституцию, какие наивные идеи предлагались. Раньше такое обсуждать и в голову никому не могло прийти.

– Тем не менее сам факт принятия Кондиций говорит о том, что идея конституционной монархии уже созрела при дворе. Почему же этот «государственный переворот» в итоге провалился?

– Новый порядок был непривычным. Появились опасения, что семь человек в Совете будут все в стране решать, высокие должности раздадут своей родне – лучше уж привычный царь. Быстро сложилась группировка за возврат к самодержавию – это был именно заговор. Анна Иоанновна не сопротивлялась, а Кондиции прилюдно «изволила изодрать». В таком «изодранном» виде они и хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

– Фаворит Анны Иоанновны Эрнст Иоганн Бирон действительно был таким тайным кардиналом при дворе?

– Бирон заведовал личной канцелярией императрицы. Он решал, о чем доложить сегодня правительнице, а о чем не доложить; кого пустить на аудиенцию, а кого – нет. Отсюда и его роль. Он мог поспособствовать назначению конкретного человека на должность – кому-то помочь, кого-то утопить. Потому одни его любили, другие – нет. Бирон занимался государственными делами неофициально, то есть не принимал решений и ни-

Анна Леопольдовна с сыном – императором Иваном VI Антоновичем

чего не подписывал. На самом деле за время царствования Анны Иоанновны экономика в стране бурно развивалась: шло освоение природных ресурсов восточных регионов, появились 22 новых металлургических завода, производство меди выросло в пять раз, экспорт железа из России вырос в 4,5 раза, заняв прочные позиции на мировом рынке, увеличивался экспорт и других товаров.

– Анну Иоанновну сменила Анна Леопольдовна – регент своего малолетнего сына Ивана VI Антоновича. «Анна Вторая» запомнилась как самая «милостивая» правительница. Она отменяла смертные казни, смягчала приговоры, отменяла рекрутский набор. Была способная, старалась, несмотря на юный возраст, разбираться в государственных делах. И все же продержалась у власти лишь один год. Погубила ее собственная гуманность?

– Анна Леопольдовна активно занималась делами в начале своего правления. Но потом сникла. Видимо, ее завалили делами. Нужно понимать, что до XIX века лично монарх решал множество частных вопросов. Анна должна была разбираться в цифрах налогообложения, назначать поставщиков мундирного сукна; решать, стоит ли отдавать казенную смолу для реализации в Англии «в комиссию» голландским негодьям Пельсам и что отвечать на настойчивые просьбы о помощи «венгерской королевы» Марии-Терезии. Военная коллегия в отсутствие военных походов предлагала эксперимент: давать кавалерийским лошадям сено «с убавкою» в 4 фунта, чтобы выяснить, «могут ли лошади таким числом сена довольны быть». Петр I был способен решать профессионально самые разные вопросы – тринадцатую профессию владел. А что могла знать 22-летняя принцесса о «довольстве» лошадей? И все же ей надлежало решать такие вопросы, потому как никто другой за этот «эксперимент» на себя ответственность не возьмет. Императрице нужно было находить компетентных советников, руководить ими так, чтобы они соперничали между собой, тогда как правитель будет тем, кто решает их конфликты. Это целое искусство управления, которое дано не каждому.

Е.Е. Лансере.
Цесаревна
Елизавета
Петровна
в кордегардии
Зимнего дворца.
Начало XX века

– *Анну сместили гвардейские полки во главе с Елизаветой Петровной...*

– Полков там как раз не было. Воцарение Елизаветы I – случай исключительный. Ее привела к власти рота одного полка – около 200 человек. Среди них не было высоких чинов – по существу, все сделали младшие офицеры и солдаты. Поэтому о перевороте во дворце и не подозревали. Считалось, что у Елизаветы нет своей партии, за ней не стоят высокие лица. Деталей заговора мы не знаем. Скорее всего, он сложился за несколько дней. Известно, что Елизавета общалась с гвардейцами, подарки им на праздники делала – была такая традиция. А 25 ноября 1741 года она явилась к ним, и рота гвардейцев понесла ее на руках в Зимний дворец. На руках – в прямом смысле слова. На улице лежал снег, Елизавета – дама полненькая, нежная, месить снег ей не подходит, потому несли ее на руках. Охрана дворца не сопротивлялась – это были такие же гвардейские солдаты. Вот, говорят, императрицу несем во дворец. По-своему договорились. Гвардейцы арестовали Анну Леопольдовну, Ивана Антоновича, всех министров. Елизавету посадили на трон и тут же принялись отмечать. Всякому разрешалось подойти к руке новой императрицы. Дворец в ту ночь напоминал трактир. Эта рота впоследствии образовала «элит-компанию» – группу личных телохранителей Елизаветы. Унтер-офицеры, участвовавшие в перевороте, получили дворянство и по 200 душ крестьян. Гвардейцы отныне позволяли себе многое: дебоширили в кабаках, «бесстрашно чинили обиды» обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, «являлись в кражах» на городских рынках.

– *Одна из главных причин переворота, как считается, «засилье немцев» в стране. В народе в самом деле такие идеи бродили?*

– Когда мы говорим о дворцовых переворотах, нужно понимать, что народ к ним никакого отношения не имеет. Простые люди о заговорах вообще ничего не знали. В деревне за тысячу верст от Петербурга крестьянам сообщали, что у них новый государь, где-нибудь в церкви на молебне через несколько месяцев после воцарения.

К тому времени иностранцы в России – привычное дело. Скорее, «немецкое засилье» – это политический лозунг. Елизавета себя представляла как дочь Петра Великого, законную правительницу, не то что Анна, принцесса Мекленбург-Шверинская, и ее муж, Антон Ульрих Брауншвейгский.

– *Елизавета провозгласила продолжение Петровских реформ. В то же время она, например, была далека от религиозной веротерпимости, как ее отец. Высылала из империи некрещеных евреев, прекратила регистрацию староверов, предписывала именовать их только «раскольниками» и носить шутовской кафтан с красным воротником-козырем.*

– Петр I тоже заставлял староверов кафтаны носить. Но для него это было не главное. А Елизавета – человек довольно набожный – делала такой реверанс в сторону церкви, чтобы показать, какая она православная правительница. Но до определенного предела. Просьбу митрополита Амвросия о восстановлении патриаршества оставила без ответа.

Елизавета не великий государственный деятель, но управленческими качествами на голову превосходила своих предшественниц. Поэтому двадцать лет продержалась у власти. Была способна объективно оценивать своих советников, выбирать наиболее компетентных и умело лавировать среди соперничавших группировок, не давая никому исключительных прав и преимуществ.

– *Удивительно, как в елизаветинское время стала достоянием гласности интимная подноготная*

Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771), фаворит императрицы Елизаветы Петровны, днепровский казак, ставший графом

императорской власти. Вот, например, донос на гвардейца, посвятившего молодого солдата в тайну возвышения графа Разумовского: «Жалуют де тех, которые не токмо во оной чин годились, но прежде бы де ко мне в холопы не годились. Возьми де это одно – Разумовской де был сукин сын, шкаляр местечка Казельца, ныне де какой великой человек. А все де это ни што иное делает, кроме того, как одна любовь».

– Это свойственно петровскому и постпетровскому времени. Изменилась фигура царя. До того царя на улице не видели. Теперь царь всегда появляется на людях. Можно было в том числе видеть, как он занимается не царским делом: Петра I, например, на верфях с топором в руках. Монарх в глазах подданных понижал свой статус, терял сакральный образ.

– Из материалов Тайной канцелярии вы приводите, кажется, первое упоминание об использовании презервативов в стране: «...будто он [Разумовский] на естество надевал пузырь и тем де ее императорское величество изволил довадствовать». Откуда об этом мог узнать простой гвардейский поручик?

– Это вот любопытно, откуда узнал. Но надо представлять, что жизнь во дворце – это публичная жизнь, скрыться от всех монарх едва ли мог. Частной жизни у него, считай, не было. Естественно, что о правителе много чего известно.

– Если царь всегда на людях, то его несложно убить, как это делали террористы в последующие века. Бывали такие покушения в эпоху «дворцовых переворотов»?

– Были, например, «случайные» выстрелы в сторону Екатерины I. В 1725 году на учениях внезапным выстрелом был ранен находившийся рядом с ней лакей. По архивам Тайной канцелярии мы знаем, что гвардейцы ворчали на Екатерину: «Как де вон, ростаким матерям, роздала деревни дворов по 30 и больше, а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденова яйца не дала». В январе 1726 года императрица наблюдала из окна нижнего этажа дворца за маневрами солдат, выстроенных на льду Невы. После залпа гвардейского взвода некий новгородский купец, стоявший в четырех шагах от императрицы, упал, сраженный насмерть пулей. Расследование показало, что комплект патронов оказался у семи солдат. Виновные так и не были найдены, а солдатам впредь предписывалось выходить на учения и парады «без пуль» под страхом «жестокой смерти».

– Вернемся, однако, к Елизавете. Императрица баловала гвардейцев, понимала, что им своей властью обязана. И долго царствовала, до самой смерти. А вот ее преемника, Петра III, кабацко-солдатские забавы, фамильярность в обращении привели к гибели за полгода.

– Захватить власть легче, чем ее удержать. Петр III не был способен к управлению государством, странные поступки совершал, недопустимые для монарха. Думал, раз он монарх – ему можно все. Одна из его дуростей – война с Данией в интересах маленького Голштинского герцогства. Ему говорили: провианта у войск нет, денег в казне нет – а Петр ничего не хотел слушать.

– Екатерина II, видимо, обладала завидными управленческими качествами. Как она организовала свой приход к власти?

– Свержение Петра III Екатериной II это тщательно подготовленный заговор. И многого мы не знаем: конспирация у заговорщиков была на высоте. Известно, что высшие гвардейские офицеры приняли участие в перевороте. Заранее был пущен слух, что Петр III погиб: пьяным свалился с лошади и разбился насмерть. Сам же император находился в Петергофе и ничего не подозревал. Поднялись гвардейские полки, провозгласившие императрицей Екатерину, а Петр III оказался изолированным в Петергофе. Очень все четко и хорошо продумано.

– Наверное, самая печальная судьба среди императоров была у Ивана VI Антоновича. Из 23 лет жизни почти двадцать он провел в одиночном заключении; был убит при попытке освобождения – заколот своими стражниками. Убийство было подстроено Екатериной II?

– В историографии того времени жизнь Ивана Антоновича представлялась так: воцарился «без-

законно», поэтому был свергнут, «добродетельно заключен» и в конце концов лишен «тягостной самому ему ни к чему не способной жизни».

Петр III посещает заключенного в Шлиссельбургской крепости Ивана VI

В первые годы правления Екатерине II нужно было утвердиться у власти. Из архивов Тайной канцелярии мы знаем, что было порядка 20 попыток ее сместить. Было ли убийство Ивана Антоновича подстроено? Мы этого никогда не докажем – никаких подтверждающих документов нет.

– *А как перевороты влияли на экономику страны?*

– Никак. От смены Екатерины I Анной Иоанновной доход казны не увеличится. Смена власти влияла только на придворных и гвардию. На повседневной жизни перевороты почти не отражались: мужики так же работали в поле, купцы торговали, военные продолжали так же служить, так же получали свое жалованье.

– *Так при Екатерине I жалование не платили...*

– До Екатерины II жалование не платили при любом императоре – жалование нужно было просить. В первой половине века с деньгами в государстве был хронический дефицит. Многие дворяне жили за счет своих имений. Они, конечно, подавали прошения, чтобы получить жалование, но могли годами жить без него. А мелкие чиновники получали доход от тех людей, которые обращались к ним за помощью. За оформление государственных бумаг чиновник брал деньги с просителя. Это была не взятка, а законное требование, именовавшееся «акциденция». Нельзя сравнивать ее и с госпошлиной – размер платы чиновник назначал сам, прибавлял за срочность, с ним можно было поторгаться. Допустим, дворянин продавал имение. Чтобы оформить все

документы сегодня – одна цена, а через неделю – другая.

Кстати, одна из ролей государя в то время – распределение милости. Тогда ведь были деньги государственные и личные царские. Последние складывались, например, с доходов дворцовых земель, императорских заводов. На Алтае работали Кольвано-Воскресенские заводы по добыче золота и серебра. Раз в год лично царю с завода привозили слитки золота и серебра. Он их передавал на монетный двор, где чеканили личные царские деньги. Хранили их в мешках с бирками в подвале дворца. А в самих покоях императора был так называемый «кабинет», где хранилась «комнатная сумма» царских денег. Бывало, что на дворцовые нужды личных денег не хватало – тогда брали в долг государственные. Так вот, личные деньги царя позволяли вести своеобразную дворцовую политику. Одному придворному правитель дает, например, 20 тысяч на поездку в Карлсбад укрепить здоровье, а другому – ничего. Обделенный начинает думать: почему такая несправедливость, может быть, я не так что-то сделал? Это подстегивало конкуренцию. Начиная с Анны Иоанновны на протяжении всего века таким образом правители распределяли милости. Так же после прихода к власти монарх награждал своих благодетелей из личных средств. Они сами забрасывали нового правителя прошениями – чаще всего просили о «пожаловании деревнями». Раздавали в основном именно «дворцовых» крестьян – личных императорских. Или из ранее конфискованных у попавшего в опалу министра – такие крестьяне тоже переходили в личную собственность царя.

– *А какую роль в дворцовых переворотах играли иностранцы?*

– Никакой. Конечно, Россия становится великой державой, поэтому европейские страны стремились через своих дипломатов добиться поддержки или нужной ориентации во внешней политике. Естественно, дипломаты пытались сделать своими сторонниками тех или иных придворных – обычная практика в политике.

И.И. Творожников. Поручик Василий Мирович у трупа Ивана Антоновича 5 июля 1764 года в Шлиссельбургской крепости. 1884 год

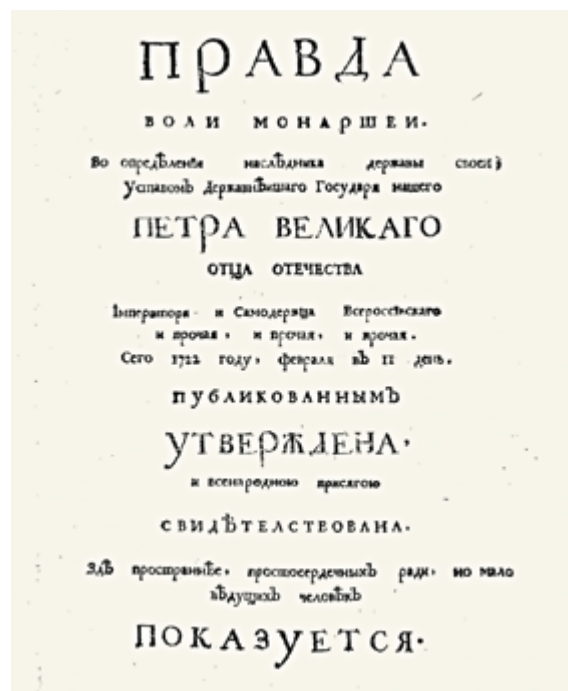

Убийство Павла I
в Михайловском
замке.
Французская
гравюра

– *Хоть это к эпохе не относится, но все-таки: заговор и убийство Павла I спонсировали англичане?*
– Великобритания была заинтересована в изменении политики России – в последние месяцы Павел стремился заключить союз с наполеоновской Францией. Но никаких свидетельств того, что англичане платили заговорщикам, нет. переворот совершили высшие офицеры гвардии – заговор был на высоком уровне, солдаты не участвовали. Политика Павла задевала интересы многих дворян – не только тех, кого он отправлял в опалу. При Екатерине II дворяне получили очень большие права, Павел начал их ограничивать. С точки зрения дворян – это произвол. Так же павловское правление: это постоянные изменения, жизнь становилась нестабильной – повысят завтра в должности или понизят, никто не знал. Вот это был решающий момент в перевороте. Идиотические законы Павла дворян тоже раздражали – запрет, например, танцевать вальс или носить модную шляпу.

– *Александр I был осведомлен о заговоре против отца?*

– Александр знал однозначно, говорил, что отцу нужно сохранить жизнь. Но я думаю, он прекрасно понимал, что этому не бывать. Что у Александра было на самом деле в голове, мы не знаем. Александр вообще был человек, так скажем, не искренний.

Трактат Феофана
Прокоповича
«Правда воли
монаршей».
1722 год

– *Можно ли сравнить механизмы дворцовых переворотов в XVIII веке со смещением царей в более ранние периоды? Например, то, как Семибоярщина отстранила Василия Шуйского.*

– Тогда была немного другая ситуация. Смутное время, гражданская война, действуют самозванцы, повстанческие армии. Естественно, в такой ситуации царская власть очень шаткая. К тому же Шуйский для многих был царь незаконный. Не важно, что из Рюриковичей – не всякий Рюрикович мог править. Он не принадлежал к прежней династии – его «выкрикнули на царство», как говорили современники.

– *А перевороты в XX веке: 1917 год, 1991 год?*

– Все-таки это не дворцовые, а государственные перевороты – революционные изменения государственного строя, смена всей системы общественных отношений. А вот сходство заговора XVIII века со смещением Никиты Хрущева в 1964 году есть. Верхушечный переворот, никаких принципиальных изменений в институте государственной власти, группировка заговорщиков, механизмы неограниченной власти очень узкого круга лиц.

– *Игорь Владимирович, чему нас может научить эпоха «дворцовых переворотов»?*

– Из истории уроки не извлекают. Исторические ситуации никогда не повторяются с точностью. Тем более что мы живем в совершенно другую эпоху. Единственный урок – простой: чтобы держаться у власти, нужно уметь управлять государством, это очень ответственное дело, противополуканное дуракам. Ну, и должен быть четкий порядок перехода власти, а не «Правда воли монаршей».

СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ ТКАНЬ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

ЧЕМ ДЫШИТ СЕГОДНЯ РОССИЙСКОЕ СЕЛО? БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ И ТОЧКИ РОСТА СЕЛЬСКОЙ РОССИИ ОПРЕДЕЛЯЕТ ДИРЕКТОР ЦЕНТРА АГРАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАНХИГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ АЛЕКСАНДР НИКУЛИН.

— **А**ЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, МОЖНО ЛИ КРАТКО ОПИСАТЬ АГРАРНУЮ ИСТОРИЮ РОССИИ?

— Сто лет назад 85 процентов населения России составляли крестьяне. Что подразумевает крестьянский образ жизни? Семейное домохозяйство, работу на земле, жизнь в локальной, специфической культуре общины. Это такой микрокосм – крестьянской семьи, сельского сообщества, традиционной деревни. Государство берет налоги, забирает в рекруты крестьянских сыновей, но при этом особо не вмешивается в крестьянский уклад, предоставляет ему определенную автономию в виде крестьянской общины.

При этом XIX столетие – век индустриализации и урбанизации. Кому не удастся вписаться в движение к прогрессу, те остаются аграрными, так называемыми отсталыми обществами. Как следствие, три четверти крестьянских стран подчиняют европейские колонизаторы. Даже государства с великолепной культурой, представляющие древнейшие цивилизации – Индия, Китай, Иран, – погружаются в колониальную зависимость. Потому что у них нет заводов, фабрик, университетского образования, нет пулеметов, линкоров, крейсеров. А у европейцев – есть.

России надо не отстать в этой гонке. А ее крестьянство уступает германским и американским фермерам. Производительность труда низкая, есть

проблема аграрного перенаселения: крестьян становится все больше, а возможности развиваться у них все меньше. Наделы мельчают, крестьяне беднеют. И в российской элите идут споры: что с этим делать? С одной стороны, за счет неэквивалентного обмена между городом и деревней в конце XIX века проводится программа индустриализации: строятся железные дороги, броненосцы, заводы. Русские университеты, литература, искусство – все это тоже несет на своем горбу деревню. С другой – в своем развитии крестьянство отстает и от правящих, и от интеллигентских классов. Разрыв между мирами горожанина и крестьянина огромен.

– Слом крестьянского образа жизни происходит в Новое время по всей Европе. В чем специфика урбанизации в России?

– В Европе процесс шел достаточно медленно. Еще в начале XIX века Бальзак по дикости образа жизни сравнивал французских крестьян с индейцами. Но за сто лет, прошедших со времен Наполеоновских войн, сельское население более или менее органично превратилось в многочисленный слой горожан Франции. А в России тем временем цейтнот преобразования аграрного общества в общество индустриальное, культурное нарастает. Выражается это, в частности, в социально-экономической дифференциации. Правящие классы, интеллигентские классы – богатые, а вот трудящиеся классы, особенно крестьяне, бедные.

– Избы крестьян Русского Севера трудно назвать жилищами бедняков...

– Сельские миры были разные. Бедные, богатые, менее образованные, более образованные. Те, о ком вы говорите, это поморы. Они жили свободно, на их землях никогда не было крепостного права. Они умели ладить с суровой северной природой. Это очень могучая, часто старообрядческая, культура. Но если взять, например, юг Нечерноземья, вроде бы там и земли побогаче, и климат помягче, а люди жили беднее.

– Радикальным ответом на крестьянский вопрос в начале XX века, безусловно, были Столыпинские реформы.

– Это был правительственный ответ. Витте и Столыпин приступают к модернизации самого сельского социума. Мы долгое время делали ставку на общину, а теперь из этой общины, наоборот, надо выделить бауэров и грессбауэров – современных фермеров западного типа. Надо упразднить общину, создавать фермерские хозяйства, отруба, хутора. Но далеко не все крестьяне были готовы к этому. Они держались за общину. Это была знакомая им форма самоуправления, они боялись города, боялись чиновников. По пути Столыпинских реформ пошли только наиболее зажиточные слои крестьянства. Это – правый путь трансформации русской деревни.

Был и левый путь. Его предлагали эсеры, социал-демократы. Они говорили: «Крестьяне живут своими мирами, общинами. У них много разных коллективных форм. А к чему приведет прогресс? К социализму. Поэтому когда мы придем к власти, объединим их в крупные формы социалистического производства. Само по себе семейное хозяйство бесперспективно и мелкобуржуазно. Можно воспользоваться отсталостью русского крестьянина и сразу на базе общины создать плановые коллективные хозяйства».

Наконец, третий рецепт дают русские профессора-аграрники. В конце XIX – начале XX века в России складывается сильная школа профессиональных аграрников, статистиков, агрономов в университетах и земских заведениях. Они непосредственно работают с крестьянами. Изучают их жизнь, мотивации поведения. Лучшим из них был Александр Васильевич Чаянов. Он считал, что можно органично соединить аграрный и урбанистический мир, встроить мир крестьянского хозяйства в современный прогресс.

Столыпин хотел из крестьянина сделать капиталистического фермера. Ленин – сельского рабочего на фабрике-коммуне. Чаянов предлагал из архаичного крестьянина сделать крестьянина культурного, чье хозяйство органично вовлекалось бы в прогресс через развитие сельских кооперативов и расширение земского самоуправления. Он одним из первых рассматривал аграрный вопрос не только как экономический, но и как культурный, связанный с распространением образования среди крестьянства. В эпоху урбанистов и индустриалистов программа Чаянова выражала философию аграризма, чем и была уникальна. По этому же пути создания местного самоуправления, кооперации, просвещенных крестьянских хозяйств шли в начале XX века русские земцы, а в 1920-х – отчасти и советская власть.

Но, с точки зрения советского руководства, трансформация сельских миров проходила слишком медленно. Кроме того, сельские миры с их самоуправлением, кооперацией, внутренней демократией были достаточно автономны. А к концу 1920-х годов у нас крепчает идея авторитарного государства, которому нужно провести стремительную индустриализацию. Так же как Витте и Столыпин, сталинское руководство стремится это сделать прежде всего за счет крестьян, утверждая: мы пойдем по социалистическому пути, железом и кровью объединим крестьян в колхозы, наладим систему крупного аграрного производства. Обмен по-прежнему будет неэквивалентен, мы будем собирать деревню в колхозы и совхозы, выкачивать сельские ресурсы для городской индустриализации, но потом советская власть деревне все вернет.

Плюс один из самых удачных проектов советской власти – ликвидация неграмотности. За десять лет советская деревня от мала до велика выучивается читать и писать. Социализм демонстрирует, что можно развивать культуру, медицину, образование

и в нищих условиях. В советской России доля трат госбюджета на образование и медицину была выше, чем в самых богатых странах Запада. В поздний советский период действительно появляются ресурсы для того, чтобы вернуть долг города деревне. Особенно после того, как открыли сибирскую нефть. По принципам социальной справедливости значительная часть нефтяных доходов тратится не только на комбайны и трактора, но и на школы, больницы, клубы, культурные программы. Поэтому до сих пор пожилое поколение воспринимает так называемые брежневские времена как золотой век развития села. Однако и тогда не все было гладко. Если мы читаем прозу писателей «деревенщиков» 1960–1970-х годов, то уже в ней обнаружим тревогу: тысячелетняя русская деревня уходит в небытие, молодежь убегает в города, происходит слом традиционной крестьянской культуры. Культурно-экономический уровень жизни деревни растет, но одновременно существует сильная экзистенциальная неудовлетворенность происходящим.

– В чем причина этой проблемы?

– Традиционное сельское сообщество – это удивительная комбинация противоположных свойств. Оно предполагает и коллективные формы существования, и индивидуальные. Спор о крестьянской общине среди ученых не утихает до сих пор. Одни считают, что это сообщество индивидуалистов – каждый печется о своей семье, и только иногда они объединяются для каких-то коллективных действий. Другие считают, что крестьянам изначально присуще общинное мировоззрение и поведение. И это противоречие – коллективное/индивидуальное, крупное/мелкое – существует со времен царской России. Там крупное – это помещичье хозяйство, мелкое – крестьянская экономика, коллективное – труд в общине, индивидуальное – в семейном хозяйстве. Это же пересечение противоположностей воспроизводится и в советское время. На смену помещикам приходят колхозы и совхозы, но существует и личное подсобное хозяйство. В нем крестьянам нельзя иметь полноценный надел земли, но допустимо жить со своих 25–40 соток и держать свинку, коровку, а лошадь – запрещено. Как и в царское время, здесь имело место противоречие крупного и мелкого в сельском хозяйстве.

Чаянов полагал, что нужно было дать больше возможностей для развития семейных, кооперативных форм хозяйствования, больше свободы проявления крестьянской индивидуальности. Когда крестьянин действует в рамках локального сообщества, он чувствует себя хозяином на земле, когда ему навязана форма фордистского агрозавода – винтиком. Забюрократизированность, уравниловка, постоянный мелочный контроль приводят к парадоксу. В позднем советском государстве более 20 процентов госбюджета тратится на развитие сельского хозяйства, а отдача невелика. Что во времена Чаянова, что во времена Хрущева и Бре-

нева, по производительности труда СССР отстает от США в четыре раза.

В конце 1980-х наступает кризис, и щедрый нефтяной кран, подпитывавший эту нерентабельную экономику, перекрывается. Затем в результате политического кризиса рухнула страна. И без господдержки колхозы и совхозы начали разрушаться. Даже знаменитые совхозы-миллионеры, оказавшись в стихии свободного рынка, пошли на дно. Дальше произошло удивительное. Критикам колхозной системы казалось, что теперь она моментально распадется, что все сельские и городские жители стремительно захотят стать фермерами. Этого не произошло. Люди не хотели, чтобы колхозы канули в небытие.

– Колхоз был гарантированным работодателем...

– Позднесоветские колхозы были не просто производством. Это действительно была форма социальной общности. Сельсовет был нищим, и колхоз содержал всю социальную инфраструктуру села. В 1990-е люди хотели сохранить не просто аграрные предприятия, а некоторый образ жизни, сформированный колхозами и совхозами. Он был достаточно уравнилительный, но у него были и важные положительные стороны.

Да, в конце 1970-х по уровню экономического развития сельской местности СССР проигрывает Западу, но по уровню образованности, культурного развития это одна из самых благоустроенных сельских местностей мира, вполне сравнимая с Европой и намного превосходящая страны третьего мира.

– Но наступают 1990-е, и село испытывает еще один жесткий слом.

– При Сталине все ставки делаются на крупное коллективное производство. Худо-бедно, но село существует в таких условиях полвека. Потом неожиданно опять все сносят и говорят: теперь ставка должна быть сделана исключительно на маленькое

Заброшенное родовое имение графов Чернышевых под Волоколамском считалось одним из богатейших в России. Сегодня оно находится в ведении Московского авиационного института и стремительно деградирует

Храм Казанской иконы Божией Матери. Уникален тем, что состоит из двух симметричных объемов. В 2016 году в храме на частные пожертвования проводились противоаварийные работы, в 2017-м были прекращены из-за недостатка средств. Сегодня храм находится в руинированном состоянии

и индивидуальное. Надо разломать колхозы-совхозы, тогда у нас моментально возникнет полтора миллиона фермеров. Да, фермеры возникли, но только 250 тысяч.

— Современная аграрная Россия тоже кажется ориентированной на «большое и коллективное». Тон в ней задают агрохолдинги. Как сформировалась подобная структура?

— Сельская Россия — участник глобального аграрного рынка. Если в 1990-е годы конъюнктура была невыгодна для аграрных производителей, не было капиталов, чтобы заняться аграрным производством, то в начале 2000-х случилось чудо. После дефолта 1998 года конъюнктура цен оказалась такова, что выращивать — по крайней мере, зерновые — в России стало очень выгодно. Кроме того, за десятилетие в городе образовались свободные капиталы. И в 2000-х началась новая эпопея развития крупного производства в сельской местности России. Теперь она называлась агрохолдинговой. Из городов пришел капитал, он за бесценку скупил и землю, и имущество обанкротенных колхозов и совхозов, были выстроены новые аграрные империи. За последние двадцать лет у нас вырос

сектор агрохолдингов. Это крупные аграрные корпорации, частные наследники государственных сельхозпредприятий. Их специализация прежде всего зерновые в Черноземье, а также отрасли, которые легко поддаются фордистско-конвейерному производству — мясо птицы и свинина. И здесь произошла технологическая продуктовая революция. Эти гигантские латифундии определяют успехи нашего зернового экспорта на международных рынках. Мы теперь более чем обеспечены мясом курицы и свининой и даже экспортируем их излишки. Сельскохозяйственному росту способствовала и политика эмбарго, когда мы закрыли наш рынок и решили увеличить рост собственной сельхозпродукции. Это сыграло на руку крупным аграрным производителям. Мелкие аграрные предприятия его не почувствовали. И опять в современных условиях возник этот глупый, на мой взгляд, не чайновский спор: что эффективнее — крупное или мелкое?

— Насколько же эффективным оказалось крупное сельхозпроизводство на этот раз?

— Партия агрохолдингов пиарит успехи агрокорпораций, доказывая, что это и есть достижения научно-технического прогресса на селе. Но здесь

не все гладко. Во-первых, успех агрохолдингов связан с громадной финансовой поддержкой государства. А вот личные подсобные хозяйства и фермеры развиваются за счет собственных ресурсов. Во-вторых, у нас любят рассказывать об успехах агрохолдингов, но мало сообщают об их банкротствах. А есть уже целое кладбище этих динозавров. И когда они банкротятся – это страшный удар по сельской местности. Но зона социальных рисков, связанных с агрохолдингами, этим не исчерпывается. В отличие от советских колхозов и совхозов владельцы гигантских агрокорпораций не собираются нести ответственность за социалку, перекладывая ее на муниципалитеты. Но местная власть сейчас еще беднее сельсоветов. В результате на этих обнесенных заботами птицефабриках и свинофермах идет рост аграрного производства, а вокруг по-прежнему деградирует сельская местность.

– А что происходит с мелким аграрным производством?

– У нас по-прежнему имеется огромный сектор подсобных личных хозяйств, громадный сектор дачников. По количеству дач на душу населения мы впереди планеты всей. У нас немного фермеров,

но среди них уже сформировались десятки тысяч эффективных хозяйств. Есть крупные и сверхкрупные фермеры, у которых и по 5 тысяч, и по 25 тысяч гектаров земли, есть множество маленьких фермеров. Часто только из-за любви к сельскому образу жизни, к крестьянствованию люди упорно занимаются этими мелкими формами труда, хотя многие из них подчеркивают их крайнюю невыгодность. Даже на прилавках сельской «Пятерочки» местному производителю не удастся потеснить израильскую и польскую картошку. Представители мелких хозяйств говорят: главная проблема – реализовать продукцию. Более того, в Нечерноземье есть лакуны плодородной почвы, где люди издревле занимаются огородничеством. Это так называемое Ополье, там выращивают луховицкие огурцы, ростовский лук. Но и у них в местных магазинах – овощи из Азербайджана. Глобальный рынок давит независимых производителей через крупные торговые сети, крупных поставщиков и агрохолдинги.

– Засилье глобальных корпораций в агросекторе – мировая проблема. В Европе действуют программы защиты местных фермеров. Как обстоят дела в России?

Ярополецкая ГЭС была построена в 1920 году силами сельской интеллигенции, чтобы освещать сцену во время занятий местного драмкружка

Деревня
Монасеино
Лотошинского
района, который
занимает одно из
последних мест
по развитию
в Московской
области. А в 1812
году в Лотошине
был построен
первый в России
сыроваренный
завод. Здесь
начались первые
эксперименты
по изготовлению
швейцарских
сыров на русской
земле

– Государство – верховный арбитр между социальными институтами, и оно должно выстраивать отношения справедливости. У нас государство и в городе, и на селе сейчас работает прежде всего в интересах крупных корпораций. Да, есть формы поддержки и мелких фермеров, но участие в них крайне осложнено. Чиновнику Минсельхоза проще не ломать голову, как распределить госдотации между сотней тысяч фермеров, а раздать их сотне агрохолдингов. Существует лобби агрохолдингов, которые говорят: не надо возиться с этой мелкотой. 20 сельхозкорпораций отрегулируют отрасль, и все будет прекрасно. Но это неправильный путь. Надо создавать равноправные условия и для мелких и слабых, а не только для сильных и крупных.

– *Есть еще одна болезненная тема: приватизация земли. Как происходил весь тот передел – и беспредел, – трагическим апофеозом которого стала Кущевка?*

– В России есть места, где земля представляет собой ценный экономический ресурс. Это прежде всего плодородный юг, где находятся одни из лучших в мире черноземов. Там в 1990-е действовал принцип, обозначенный Марксом: «Если можно получить 100 процентов прибыли, нет такого преступления, на которое бы не пошел капиталист». Сейчас юг России в значительной степени уже поделен, но в конце 1990-х и все нулевые годы там шел жесточайший передел земли, велась борьба за земельные паи станичников. Искусственно занижались цены, скупались паи, чтобы консолидировать земельные участки. В результате возникли аграрные бароны, которые контролировали и местную власть, и полицию, и суды и устанавливали собственные порядки, крайним пределом которых стала Кущевка. К жителям сельской местности они относились как к расходному материалу.

– *И все-таки существует круг фермеров, которым удалось переиграть сельскохозяйственных монстров. За счет чего?*

– Агрохолдинги выпускают стандартную продукцию, но есть люди, которые ищут нечто исключительное, hand-made. Так происходит с одеждой, посудой, косметикой и с продуктами питания. Сейчас во многих регионах формируется слой фермеров, которые производят уникальные продукты. У них есть свои сайты, ютуб, инстаграм, своя клиентура в городе. Пусть их доля невелика, но сам факт, что подобная прослойка существует, чрезвычайно важен.

– *Помимо агрохолдингов, бюджетных организаций и нишевого фермерства есть ли у людей еще какой-то шанс получить работу на селе?*

– В советские времена была большая проблема в райцентре, и тем более в селе, найти гостиницу. Сейчас в самых глухих местах вы обнаруживаете неплохое кафе, приличные гостевой дом или гостиницу. Откуда они берутся? Во-первых, диверсифицируют свою деятельность фермеры. Если мы посмотрим статистику, наше фермерство достигло пика к 2000 году, тогда в России было 256 тысяч фермеров. В 2016 году их число сократилось до 135 тысяч. Фермеры банкротятся, оставшиеся становятся все более крупными и устойчивыми. Одновременно проводилась перепись малого бизнеса на селе. И если с 2006 по 2016 год число фермеров сократилось на 40 тысяч, то и на 40 тысяч выросло число малых предпринимателей. Фермеры занялись кафе, гостиницами, всякого рода проектами обустройства сельской местности. Очень важная тенденция! Здесь мы идем по пути Западной Европы. Правда, там существует специальная государственная программа, которая позволяет проводить эту конверсию.

Но еще более важными мне кажутся проекты культурного развития на селе. Часто они инициируются горожанами с их ностальгией по сельской культуре, но нередко – и самими местными жителями. За последние несколько лет открылось огромное количество сельских музеев. А это не только новые места работы, но и места привлечения туристов, пополняющих доходы сельских территорий. Практически каждая область уже имеет свою историческую деревню, музей под открытым небом. И это очень позитивный процесс.

Еще один позитивный процесс – стремление создать сельский образ жизни XXI века, с идеями экопоселений, smart village. Еще двадцать лет назад у нас не было ни одного экопоселения, сейчас – около 400. По их количеству мы обогнали Западную Европу, где это движение началось еще в 1970-е годы. «Умная» деревня начинается с «умного» дома. Идея в том, чтобы в сельской местности создать уютное, экологически чистое, эффективное жилье. Речь идет о сочетании традиционных и современных материалов, об использовании альтернативной энергетики. Там

человек живет в гармонии с природой, но одновременно окружен высокими технологиями. На Западе уже существуют архитектурные и дизайнерские бюро, которые работают с подобными проектами. Однако речь идет о том, чтобы создавать уже не просто «умные» дома, а устойчивые сельские сообщества. В идеале у человека, который живет в подобной среде, свободный график работы. Часто подобного рода проекты упрекают в идеализме креативного класса, у которого есть ресурсы ими заниматься. И пока я рассказываю о некоторых западных форматах. Но даже в некоторых наших экопоселениях мне приходилось бывать в подобных домах.

– Вы охарактеризовали интригу взаимоотношений крупного и мелкого, коллективного и индивидуального в аграрном производстве. Но мы не говорили о самом сельском сообществе.

– К сожалению, оно у нас ослаблено. Современное жизнеспособное сельское сообщество не может существовать без эффективного самоуправления, без сильного муниципального сектора. Наши муниципалитеты – мизинец гигантской государственной машины. Они дотационны процентов на 80. И как следствие – бессильны.

В России была попытка дать достаточно свободы муниципалитетам, когда в 2003 году приняли закон о местном самоуправлении. Но в реальности на уровне района, сельского поселения муниципалитет по-прежнему полностью зависим от перераспределения ресурсов сверху. Мы снова видим дисбаланс крупного и мелкого. К сожалению, государство все так же считает, что проблемы можно решить последовательным укрупнением. В результате ресурсы тратятся на центральную усадьбу этого поселения, а остальные четыре деревни нищают. Дайте наконец возможность селам и маленьким городам собирать налоги на местах, оставлять их себе и распоряжаться бюджетом! Государство – важный координатор усилий игроков, действующих в сельской местности. Но сверху всего не видать. Чтобы эффективно распоряжаться ресурсами, должен быть слышен голос снизу. Сейчас принята очередная программа сельского развития, и там заложена эта демократическая идея: пусть люди сами определяют, что им необходимо. Реализовывать такие проекты будут через местные добровольные объединения граждан, ТОС, а не через муниципалитеты.

– Особенность сельского хозяйства в России не только в том, что никак не установится гармоничный баланс крупных и мелких форм. Оно еще и ведется в очень разных условиях.

– Такая мультирегиональность предполагает, что у государства есть разные программы развития села для разных регионов. Однако со времен Столыпина и советской власти мы очень увлекались территориальными обобщениями. Решили сажать картошку – значит, по всей стране, в моду вошла

кукуруза – пусть растет всюду. А нужен дифференцированный подход к разным регионам – то, что работает в Поморье, не работает на Кубани, и наоборот. И так, добротная достоверная статистика, дающая представление о реальной картине происходящего на селе; многоукладность и региональность – три принципа, которые способны сделать политику государства на сельских территориях более эффективной.

– Там, где подобная политика недостаточно действенна, в соединительной ткани обжитого пространства образуются гигантские пустоты. Чем они опасны?

– Среди ученых-аграриев есть сторонники радикального взгляда. «Ничего страшного, – говорят они, – если место человека на наших территориях займет природа». Но на опустевшие земли приходит не природа, а одичание. В прямом смысле слова. Вместе с одичанием природы наступает и социальное одичание. Если создать 40 агломераций вокруг городов-миллионников и полумиллионников, а всю остальную Россию оставить зарастать лесом – это путь к ослаблению страны. Еще пятьдесят лет назад у нас было связанное обжитое пространство от Ленинграда до Владивостока. Сейчас мы превратились в страну архипелагов обжитых мест. И эти островки продолжают уменьшаться.

– Как в других странах организована поддержка государством сельских территорий? Что нам стоило бы перенять?

– В странах Западной Европы и в наиболее динамично развивающихся странах Европы Восточной есть сильный и самодостаточный муниципальный сектор. Например, одна из причин успешного развития Польши в том, что там очень удачно была проведена муниципальная реформа, у них

Размышляя о власти пространства над русской душой, Николай Бердяев призывал русских наконец по-настоящему овладеть этим принадлежащим им богатством. Сто лет спустя призыв великого философа по-прежнему актуален

Россия – не только 40 крупных городов, но и гигантские территории между ними. Что там сегодня происходит? Как пульсирует эта огромная соединительная ткань России?

эффективно работает власть на местах. Важны также программы взаимодействия муниципалитетов с местными сообществами. Аналог нашего ТОС в Западной Европе – программа «Лидер», с помощью которой государство в лице муниципалитетов улавливает инициативу с мест и помогает местным активистам реализовывать проекты по обустройству села.

Что касается Латинской Америки, у РАНХиГС есть интересный проект сотрудничества с бразильскими коллегами. Мы искали в России регионы, похожие на Бразилию. Например, Кубань напоминает самые холодные штаты Бразилии. И бразильские социологи две недели путешествовали по нашим сельским регионам, а потом мы отправились к ним. Бразилия, как и Россия, очень неоднородна. Там есть анклавы не просто сельской бедности – сельской нищеты, чего, к счастью, нет в нашей стране. Но существуют и процветающие сельские регионы. В Бразилии очень эффективно работает другой социальный механизм, который описывал Чаянов – сельскохозяйственные кооперативы. Это самоуправляющиеся организации местных фермеров, с одной стороны, способствующие сбыту выращенной ими сельскохозяйственной продукции,

с другой – отстаивающие политические интересы в парламенте.

Удачный пример развития сельских территорий – амбициозная программа ревитализации китайской деревни, принятая на очередном съезде компартии Китая. Китай – страна с гигантским крестьянским потенциалом. Крестьян там становится меньше, но все равно их 450 миллионов. Мы работали с китайскими коллегами, нам показывали и северные, и южные провинции страны. Вы несетесь на сверхскоростном поезде и видите поле, где иногда до сих пор крестьяне пахут на себе! Технологический и социальный разрыв между городом и селом громаден. Местные коммуны обеспокоены, что «китайское чудо» достигнуто в основном за счет крестьян. У них также массово в отход уходят мужчины, деревня стареет, и сейчас они приняли программу ревитализации сельского Китая. В китайскую деревню уже вкачиваются громадные ресурсы. Вкладываются средства и в создание агрохолдингов, но при этом ставится задача сохранения традиционных крестьянских ценностей деревни. Они пытаются не совершить ошибку старшего советского брата. Посмотрим, как это у них получится. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО
АВТОРОМ

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСКИМ ГРОБАМ

АВТОР
АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЕСТЬ В ЛАТВИИ МЕСТО, ГДЕ БУКВАЛЬНО КАЖДЫЙ МЕТР ЗЕМЛИ
ДЫШИТ РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ, – СТАРЕЙШЕЕ РИЖСКОЕ ПОКРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

В О ИЗБЕЖАНИЕ РАСпространения эпидемий императрица Екатерина II издала указ, запрещающий хоронить умерших в пределах городских крепостных стен. Впредь было велено для этих целей выбирать места на окраинах. Так в Риге недалеко одно от другого были заложены три кладбища: Большое немецкое, Покровское православное и Яковлевское лютеранское. В те времена это была действительно окраина, сейчас – почти центр... В 1779 году на Покровском кладбище был построен один из первых православных храмов в Латвии. Благодаря именно этому обстоятельству не было снесено само кладбище.

И ГЛОБУС В РИГУ ОН ПРИВЕЗ

У Покровского кладбища есть свой «ангел-хранитель». Так в Риге многие называют председателя Пушкинского общества Латвии, краеведа Светлану Видякину. За последние несколько лет ее усилиями здесь было восстановлено 167 захоронений: на собственные средства Светланы и на деньги, вырученные за экскурсии по старому некрополю. Бывало, она сама откапывала поврежденные кресты и могильные плиты. Затем оплачивала их реставрацию и с помощниками устанавливала на прежнее место. – Видите, какой мы здесь нашли шар? – Светлана даже светится от восторга, показывая

нам шар, установленный на внушительном каменном основании. – Это очень интересная история. Шар тут валялся долгие годы, его толкали и пинали, он потрескался, появились сколы. А ведь кто-то же заказал и поставил здесь этот шар, напоминающий нашу планету. Ну не просто же так он здесь появился. Светлана отправилась в архивы, перелистала русскую периодику столетней давности, обращая особое внимание на некрологи. И ей на глаза попало сообщение о смерти директора первой рижской русской школы (Екатерининского училища) Гавриила Алексеевича Тверитинова. В этом заведении учились не только сыновья русских

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

чиновников, купцов, офицеров и ремесленников, но и крестьян. Гавриила Тверитинова называли великим русским просветителем, он организовал учебный процесс в училище, создал обширную библиотеку, открыл минералогический кабинет... Нужна была хоть какая-то зацепка, чтобы найти его могилу. Светлана обратилась к рижскому архивариусу, историку Кириллу Соклакову, свободно владеющему немецким языком, на котором составлялось большинство документов той поры. Он и нашел информацию о том, что Тверитинов мечтал привезти из Москвы глобус для школы.

– Так все и сложилось, – рассказывает Светлана. – Стало ясно, что шар, найденный на кладбище, это и есть глобус. Сто лет назад он стоял на могиле директора первой русской школы. На основании полуразбитого надгробия мы разглядели остатки надписей, указывающих на Тверитинова. Сомнений нет – земной шар был отсюда!

Последнее открытие уже этого года: найдена могила еще одного директора рижской русской гимназии – действительного статского советника Ивана Егоровича Сыроечковского.

У КАЖДОГО СВОЙ КРЕСТ

За три часа прогулок по некрополю Светлана успела рассказать немало интересных историй. Ее часто спрашивают, зачем она постоянно ходит сюда, вместо того чтобы заниматься внуками, садом и огородом. Зачем восстанавливает памятные плиты на заброшенных могилах давно умерших людей? Для чего взгромодила на себя этот тяжелый крест?

Ее муж, актер Рижского театра русской драмы Леонид Ленц, в 90-е годы перевез семью из Кирова в Ригу, где у него жили больные родители. Светлана долго не могла найти себе дело по душе, было тяжело без языка, без друзей и знакомых. Вместе с мужем они учредили Пушкинское общество, начали интересоваться историей русской культуры в Латвии. И вот однажды она случайно забрела на Покровское кладбище...

– Тогда мы жили далеко от центра, а сюда ноги сами как-то привели, – вспоминает Светлана. – Нехорошо так говорить про кладбище, но здесь царила такая мерзость запустения и разрушения – словами не передать! Кругом развалины, мусор, битый кирпич, территория заросла кустарником и бурьяном. Видите

Светлана Видякина. На счету у «ангела-хранителя» Покровского некрополя 167 восстановленных захоронений и десятки имен русской элиты Латвии XVIII–XX веков

этот разбитый склеп? А ведь это могила героя войны 1812 года! Тогда здесь все было в таких ямах. Повсюду валялись сброшенные с могил кресты, разбитые могильные плиты. Читаешь оставшиеся надписи – здесь и княгини, и русские купцы, и священники, и министры, банкиры, поэты, актеры. Многие из них, покинув Россию в 1920 году, после долгих скитаний по свету оказались в Риге, которая стала их второй родиной. Другие же поселились здесь значительно раньше, основав целые фамильные династии. По сути, здесь покоился весь цвет рижской русской интеллигенции XVIII–XX веков. В таком вот ужасающем виде...

Светлана помнит, как, глядя на эту разруху, чуть не расплакалась. Жильцы близлежащих домов поведали ей грустную историю Покровского кладбища, на котором в 1960-е годы творились немислимые вещи. По ночам приезжали какие-то люди и кувалдами сбивали кресты с могил, все самое ценное грузилось на машины и вывозилось в неизвестном направлении – шведский гранит, мрамор, чугунные ограды... Что не доделали мародеры, фактически завершили в 1980-е годы разного рода сатанисты, готы и прочие хулиганы, облюбовавшие некрополь и подвергшие его разграблению и осквернению.

Остановить вандализм удалось лишь в 1998 году, когда Покровское кладбище было возвращено под юрисдикцию Латвийской православной церкви. Но последствия от нашествия варваров церкви в одиночку было не преодолеть. На заседании Пушкинского общества было решено организовать субботники по приведению в порядок русского кладбища.

Инициативу «пушкинистов» подхватили русскоязычные СМИ Латвии, общественные организации, российское посольство. На субботники выходили десятки добровольцев. С граблями и лопатами подтянулись и жители соседних домов. С тех пор

уже более 25 лет практически ни дня не проходит, чтобы Светлана сюда не заглядывала. То и дело она вместе с помощниками поднимает лебедкой кресты на голгофы. Конечно, без помощи управляющего кладбищем Виктора Смирнова не обошлось. За эти годы Покровский погост преобразился, теперь здесь пристойно, тихо и красиво.

СЛАВА И ЗАБВЕНИЕ

Разбор завалов был только началом. Стало ясно, что необходимо вернуть на могильные плиты имена, вызволив их из забвения. И это оказалось сложным и кропотливым делом.

Что сделали неравнодушные к русской истории Латвии соотечественники? Они переписали все имена захороненных на Покровском кладбище жителей Риги, подданных Российской империи. После чего Светлана и ее коллеги отправились в рижские архивы.

– Нам удалось восстановить большую часть имен и судеб, – рассказывает Светлана. – Так появилась наша Книга Памяти – «Покровское кладбище. Слава и забвение». Она вышла благодаря финансовой поддержке рижского предпринимателя Владимира Островского. Однажды, увидев, как мы тут памятники руками расчищаем и кресты из земли поднимаем, он просто предложил свою помощь.

После выхода книги и размещения ее материалов в Интернете к Светлане со всего света стали обращаться потомки похороненных на Покровском людей с просьбами найти могилу своих родных. С их помощью Светлана сделала много новых открытий. Кладбище словно заговорило, раскрывая одну за другой свои тайны.

Например, возьмем славное русское купечество, жившее в Латвии. Купцы чтили и хранили свое духовное наследие. Эти люди всегда имели свое мнение и смелость отстаивать его. Они вкладывали деньги в возрождение и развитие своего Отечества. Тогда это было в порядке вещей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фото из семейного архива Потаповых. Второй справа – новоиспеченный офицер царской армии Николай Павлович Потапов, сын рижского купца Павла Матвеевича Потапова. Захоронены на Покровском кладбище

– Может, и наши нувориши тоже поймут, что на Канары на всю жизнь не наездишься, свое богатство в «последнее путешествие» взять тоже не получится. А лучше бы брали пример с русских купцов, – говорит Светлана Видякина, стоя у восстановленного ею памятного камня рижским купцам Назаровым и Бочаговым. – Давайте вспомним, как в 1812 году в ожидании прихода наполеоновских войск в рижских предместьях сжигали дома, фабрики, церкви, чтобы ничего не досталось врагу. И первое, что русские купцы начали отстраивать, когда все закончилось, – это не свои дома, не торговые лавки, а – храмы! Благовещенская церковь, именуемая в народе Никольской, восстанавливалась при поддержке рижских купцов Мухиных, Алифановых, Шутовых. А рижский купец Павел Матвеевич Потапов вложил около 35 тысяч рублей в строительство Рижского духовного училища, став его попечителем. Сейчас это – Рижский дворец школьников.

У ворот Покровского кладбища всех пришедших встречает семейное захоронение Ивана Матвеевича Мухина, потомственно-

го почетного гражданина Риги. До сих пор его торговые Красные амбары стоят вдоль реки Даугавы. Корабельные канаты, изготовленные из мухинской пеньки, славилась особой добротностью. В те времена среди матросов и грузчиков Рижского порта ходила поговорка: «Канатом из мухинской пеньки можно вытянуть со дна морского не только кита, но и потонувший корабль». Добавим, советский скульптор знаменитая Вера Мухина была представительницей именно этого рода. В Риге до сих пор на улице Тургенева стоит дом Мухиных, где она родилась в 1889 году.

И ЧАСТИЧКА МХАТА

Мы идем поклониться братскому захоронению русских воинов, павших на фронтах Первой мировой войны. По пути Светлана показывает выполненную в виде маленькой театральной сцены могилу латышской актрисы Вии Артмане, которая незадолго до смерти приняла православие. Это уникальное гранитное надгробие на могиле актрисы было установлено, к сожалению, не рижанами, а белорусским предпринимателем Андреем Павловичем.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Напротив захоронения Вии Артмане покоятся две выдающиеся русские женщины, эмигрировавшие в 1920 году из Санкт-Петербурга в Ригу. Профессор Санкт-Петербургской консерватории Анна Жеребцова-Андреева была дружна с царским семейством и нередко отдыхала с ними в Ливадии. Она оставила мемуары, в которых описывала, как строго воспитывались царевны. В конце 1980-х ее могила производила удручающее впечатление: она была завалена битыми кирпичами и мусором. И кому из современных рижан известно, что здесь покоится «Звонкий жаворонок», профессор вокала Анна Жеребцова-Андреева? Та самая, которую ценил Римский-Корсаков. Ведь именно ей он посвятил свой проникновенный романс «Ангел».

Рядом с могилой Жеребцовой-Андреевой удалось восстановить и захоронение ее близкой подруги – Натальи Елецкой, создавшей уникальную программу по обучению вокалу, которой до сих пор пользуются в Латвийской консерватории.

А неподалеку покоятся русский общественный деятель, известный театрал и покровитель риж-

ского Русского театра Сергей Маркович Нюренберг и его старшая дочь, Ольга Бокшанская – секретарь знаменитого режиссера МХАТа Немировича-Данченко и родная сестра Елены Сергеевны Булгаковой. Как говорит Светлана, зная об этом, понимаешь, что в Риге на Покровском кладбище хранится и часть истории МХАТа. Могила также была восстановлена усилиями Пушкинского общества Латвии.

ОБЕЛИСК

Вот мы и добрались до братской могилы русских воинов, павших при защите Риги в 1914–1918 годах. Это сейчас мемориал выглядит таким величественным и красивым. Обелиск в виде белого кургана, поставленный здесь в 1928 году на средства, собранные прихожанами Покровского храма, был освящен архиепископом Иоанном Поммером.

– Когда я сюда впервые пришла, все было в печальном состоянии, – говорит Светлана Видякина. – Крест валялся далеко в стороне, верхушка кургана была разрушена, боковые «крылья» – все в трещинах, ограды вообще не было. На залитой кислотой

В 1960-е годы исторический Покровский погост в Риге был варварски разрушен

эбонитовой плите нельзя было даже разобрать имена захороненных здесь воинов.

На выручку снова пришел Владимир Островский, выделив средства на реставрацию мемориала в честь русских воинов. Обелиск восстанавливали по фотографиям и эскизам, предоставленным рижским архитектором Эйженем Упманисом – внуком автора обелиска, Владимира Шервинского. В архивах нашли имена героев и снова нанесли их на очищенную плиту.

– Посмотрите, как писались имена на обелисках, – поясняет Светлана. – Сначала шли неизвестные солдаты, потом рядовые, чьи имена сохранились, затем – офицеры, и завершает список князь Владимир Ухтомский. И сразу ясно, кто был главным на войне – простые русские солдаты, не пожалевшие живота своего для защиты Отечества.

Неподалеку расположилось несколько могил офицеров царской армии, также недавно восстановленных усилиями «пушкинистов» и представителей русской общины Латвии. А вот могилу генерал-майора, участника Брусиловского прорыва, полного георгиевского кавалера, поэта и публициста Юрия Гончаренко, более известного под псевдонимом Юрий Галич (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2012 год, статья «Синий кирасир». – Прим. ред.), Светлана восстанавливала собственноручно при финансовой поддержке его потомка – историка Олега Гончаренко из Москвы...

Захоронение Гончаренко было обнаружено благодаря старым заржавевшим инструментам для ухода за могилкой, оставленным здесь дочерью генерала, которая приезжала из Петербурга на могилу отца. А рядом Светлане удалось откопать хорошо сохранившийся гранитный крест, который и установили на могиле вместе с новой памятной плитой с именем генерала, которого когда-то называли «Рижским Гумилевым».

МЗДОИМСТВА НЕ ТЕРПЕЛ

Еще одно братское воинское захоронение: 260 табличек с именами солдат, медсестер, саперов, погибших в октябре 1944 года при освобождении Риги. У барельефа советского воина, который Светлана называет рижским Алешей, гора цветов и венков. Каждый год 9 мая вечером сюда приезжает одна рижская семья и привозит 260 фонариков со свечами, зажигает их и ставит по одному огоньку у каждой солдатской плиты...

Не могла основательница Пушкинского общества не показать и восстановленную у стен Покровского храма могилу четвероюродного брата Александра Сергеевича Пушкина – рижского губернатора Александра Беклешова (1745–1808), одного из «екатерининских птенцов», направленных в Ригу для наведения здесь законности и порядка. У него была репутация человека, не бравшего взятки – «Богатства не искал, мздоимства не терпел!» Подкупить его было невозможно. Недаром Беклешов возглавлял высший судебный орган Российской империи и стал генерал-прокурором. В знак признательности заслуг перед Российской империей Александр I пожаловал ему орден Святого Андрея Первозванного, а позже – бриллиантовый знак того же ордена. Незадолго до своей смерти Беклешов был назначен генерал-губернатором Москвы (1804–1806), но по состоянию здоровья вынужден был уйти в отставку. Скончался Беклешов в 1808 году в Риге, где и был похоронен.

У другой стены храма – могила экзарха Прибалтики Сергея Воскресенского. И она тоже была восстановлена руками скромной рижской «пушкинистки». Огромный крест из черного гранита Светлана отрыла у дороги, позже нашла и такая же голгофа.

Долгие годы убийство главы Псковской духовной миссии 29 июня 1944 года приписывалось партизанам, якобы наказавшим митрополита Сергея за сотрудничество с немцами.

Барельеф с изображением рижского генерал-губернатора А.А. Беклешова. Фотография была обнаружена в рижском архиве. Сам барельеф и мраморное надгробие с эпитафией были утрачены. Могилу недавно восстановили силами Пушкинского общества Риги

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Правда, сами партизаны не раз заверяли, что не имели к этому преступлению никакого отношения. Специально на нашу встречу Светлана принесла уникальное издание 1946 года – «Судебный процесс. По делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР». На суде генерал полиции Третьего рейха, палач и военный преступник Еккельн подтвердил, что устранение митрополита Сергея Воскресенского по приказу Кальтенбруннера было совершено немцами, переодетыми в гражданскую одежду, чтобы свалить это убийство на партизан. После чего, как указано в показаниях главного палача Риги, убитому митрополиту были устроены пышные похороны...

МОНАХИНИ-СМОЛЯНКИ

Мое внимание привлекли стоящие в ряд белые кресты. Словно монахини на молитве. Но это были не просто монахини соседнего рижского Свято-Троицкого собора, а еще и женщины-героини, которые в годы немецкой оккупации спасали детей Саласпилса от мучительной смерти. Среди монахинь были выпускницы Смольного института, они неплохо владели немецким языком. Главе Псковской духовной миссии, экзарху Прибалтики Сергию Воскресенскому в годы фашистской оккупации удалось убедить немцев передать женскому монастырю часть детей, доставленных в Саласпилс из России и Белоруссии. Он заверил, что монахини передадут их местным крестьянам для работы на хуторах, а самых маленьких развезут по дет-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ским домам. Обращение владыки прозвучало с амвона кафедрального собора в честь Рождества Христова. Так дети были спасены от верной смерти и мучений.

По воспоминаниям очевидцев, да и самих спасшихся малолетних узников Саласпилса, дети были в ужасающем состоянии: больные, истощенные, покрытые язвами. Рижский женский монастырь стал центром их распределения. Монахиням всеми правдами и неправдами тогда удалось вырвать из лап нацистов 4080 детей! Монахиня Евсевия переписывала имена детей – тех, кто мог назвать себя. Эти записи сохранились в 18 школьных тетрадках, которые недавно удалось найти Светлане Видякиной и рижскому историку Владу Богову в архивах Латвии.

Православный монастырь взял под опеку 350 детей, в основном из Белоруссии. Около 100 маленьких узников приютила Рижская старообрядческая церковь, многих детей разобрали русские семьи – актеры оперного и драматического театров, местные учителя, врачи... Детей постарше удалось раздать по латышским хуторам в помощники, а самых маленьких совместно с социальным департаментом Латвии распределили по семи детским домам и приютам. Выжили после адских мук, конечно, не все...

РАССКАЖИТЕ ДЕТЯМ ПРАВДУ

На Покровском кладбище есть еще одно братское захоронение, где лежат 29 солдат Красной армии, погибших в Риге в годы Второй мировой войны, и 17 детей–узников Саласпилса. Одна общая табличка была установлена на этом месте еще в 1953 году. Без имен и дат гибели, которых никто не знал.

– Подвиг солдат понятен. А в чем подвиг детей, можете спросить вы. Это терпение и мученичество, – говорит Светлана. – Разве не наш долг сохранить память о них? В архивах мне удалось найти имена этих 17 маленьких мучеников Саласпилса, среди них были и совсем еще младенцы, несколько месяцев от роду. Это очень страшная страница нашей истории. И когда сегодня кто-то из местных историков пытается утверждать, что это была добровольная сдача крови, хочется показать эти списки детей в возрасте от 3 месяцев до 4 лет. Они что – тоже добровольно сдавали кровь? Надо успеть рассказать об этом нашему молодому поколению.

Другому рижскому краеведу, Александру Ржавину, два года назад удалось установить имена 22 захороненных здесь советских воинов. Списки с име-

Глава Псковской духовной миссии был захоронен у стен Покровского храма

нами солдат и детей были переданы в российское посольство в Латвии. Через три дня, по словам Светланы, на Братском мемориале по бокам от исторической плиты были установлены новые гранитные доски, с именами солдат и детей. Здесь всегда много цветов и детских игрушек.

– Эту маленькую машинку скорой помощи сюда принес один мальчик несколько лет назад. – Светлана, рассказывая, держит на ладони детскую машинку, осторожно вытирая с нее пыль. – Однажды, глядя на нее, один пожилой мужчина, которому я перед этим поведала о горькой участи этих детей, вдруг сказал: «А может, еще успеет кого-то спасти!» И заплакал.

– Дети тоже сюда часто приходят, но ведь они почти ничего не знают про Саласпилс, стоят здесь, хихикают, пересмеиваются, – с горечью продолжает Светлана. – Родители, милые, пусть школы сейчас об этом молчат, но вы-то рассказывайте своим детям правду! Иначе мы воспитаем равнодушное поколение, не знающее и не ведающее, что принесла та война людям. Недавно сюда случайно зашли латышские парни лет по 18 и тоже смеялись. Я их подвела к этим камням и рассказала, как детей мучили, как у них выкачивали кровь, травили крысиным ядом, заражали тифом, проводили над ними страшные опыты... Из нынешней экспозиции Саласпилса вы этого ничего не узнаете. Все подчищено и подкрашено. Зато вы прочитаете, что узники получали передачи и посылки от родных! А про забор крови у деток из России и Белоруссии вообще нет ни слова. Никто даже не знает, что второй такой же лагерь был в Елгаве. Ребята удивились, притихли. Неужели, говорят, это все правда? У Пушкина есть строка, неприметная на первый взгляд, но полная глубочайшего смысла: «В неизвестности потомство не живет, а пресмыкается». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

НЕВСКИЙ ПРОЕКТ XIII ВЕКА

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ПОПЫТКА ШВЕДОВ ОСНОВАТЬ СВОЙ «ПЕТЕРБУРГ» В НЕВСКОМ УСТЬЕ БЫЛА ПРЕСЕЧЕНА КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ ЯРОСЛАВИЧЕМ ЕЩЕ В 1240 ГОДУ, НО РУССКИЙ ГОРОД ЗДЕСЬ ВОЗНИК ТОЛЬКО В 1703-М. ЦАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ВПОЛНЕ ОСОЗНАВАЛ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ И ДАЖЕ ПОДЧЕРКИВАЛ ЭТО.

ГОРОД БЫЛ ОСНОВАН на островах, но первую и главную улицу – Невскую перспективу (будущий Невский проспект) – он проложил от берега напротив главной твердыни, Петропавловской крепости, до места Невской битвы, где был учрежден монастырь, посвященный благоверному князю, – Александро-Невская лавра. Сюда были перенесены из Владимира и мощи святого. Впрочем, место баталии царю, судя по всему, указали неверно. Но это не помешало городу стать столицей, а лавре – духовным центром новой империи. Уже только из-за этого Невская битва является важным знаковым событием русской и мировой истории, независимо от реального масштаба и резонанса у современников, многие из которых ее даже не заметили.

ВОДНЫЕ ПУТИ

Балтийское море вдается в материк двумя большими заливами – Рижским и Финским. Они замыкаются устьями полноводных рек – Двины (Даугавы) и Невы, представляющими начало важнейших водных маршрутов Восточной Европы – в Черное и Каспийское моря. Через небольшие переволоки они соединены с самыми крупными реками этой части земли, Днепром и Волгой, и составляют важнейшую часть трансконтинентальных торговых путей, связывающих Германию и Скандинавию с Византией, Персией и арабскими странами. В эпоху раннего Средневековья устье реки считалось местом опасным – слишком заметным для грабителей. Люди там не селились. Предпочтение отдавалось более отдаленным участкам рек, прикрытым порогами или отмелями, затрудняющими прямой доступ кораблям разбойников. В таких местах возникли Полоцк на Двине и Новгород на Волхове. Да, люди в то время не считали Неву рекой, это протока, соединяющая единую водную систему Балтики и Ладоги – всего лишь узкое место в море. А вот Волхов – река.

Чуть выше по течению там пороги, которые уже в VIII веке жители защитили укрепленным поселением – Старой Ладогой. Еще выше – Новгород. Похожая структура сложилась и на Двине, где также недалеке от устья имелись пороги (теперь там водохранилище. – Прим. авт.), у которых располагалось укрепленное поселение – Кокнесе (Кукунойс). А существенно выше – крупный город – Полоцк.

Кстати, и на противоположном берегу Балтики происходило что-то подобное. Шведы сами выдвинули столицу к морю. До конца X века на озере Меларен располагалось важнейшее торговое поселение Северной Европы – Бирка. Позднее его значение перехватила Сигтуна, там же ближе к устью. И наконец в 1252 году на островах в протоке, соединяющей Меларен с морем, ярл Биргер основал Стокгольм. Сейчас кажется очевидным, что стратегическое положение устья у моря требует его охраны. Тем более рек такого значения: скажем, для средневековой Европы они были так же важны, как Панамский канал для современного мира. Занявший устье контролирует весь путь. Поселения, расположенные выше, понятно, от этого беднеют. Так и произошло со временем, когда Рига перехватила значение Полоцка, а Петербург – Новгорода. Но в XIII веке все было еще впереди. Развитие государств и торговли лишь только позволило более уверенно селиться ближе к морю.

DRANG NACH OSTEN XIII ВЕКА

В 1184 году в низовья Двины прибыл монах Мейнард, получивший благословение бременского архиепископа на проповедь среди язычников. Ни у кого не вызывало сомнений, что жители этих областей – данники князя Полоцкого, то есть Руси. Мейнард обосновался в поселении Икскюль (Икшкиле) в районе двинских порогов на правом берегу, в 25 километрах выше бу-

Морской поход шведов на Русь. Из Лицевого летописного свода XVI века

Монастырь Святого Александра Невского (Александроневская лавра). Гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

душей Риги. Затем съездил в Полоцк и получил от князя Владимира разрешение нести слово Христово невежественным дикарям. Первое время его миссия даже продвигалась успешно. Он направлял обнадеживающие реляции в Бремен и Рим, где в итоге решили поднять его статус и объявили епископом. Папа римский Климент III утвердил 1 октября 1188 года создание в рамках бременского диоцеза епархии Икскюль «в Руси» (in Ruthenia). При этом местные ливские старейшины потребовали помимо духовных ценностей и материальной поддержки. Когда Мейнард собрался строить церковь, они попросили в обмен на крещение возвести для них пару крепостей. Жителей особенно беспокоили набеги литвы. Монах согласился. Закипела стройка, но, как сообщает историк Рижской церкви Генрих Латвийский, писавший в 1227 году, «когда был закончен второй замок, нечестивые люди, забыв клятву, нарушили договор, и не нашлось ни одного, кто принял бы христианство». Кресты сняли даже те, кто уже стал прихожанином. Шокированный Мейнард «смутился духом, особенно когда мало-помалу имущество его было расхищено, людей его избили, а самого его ливы решили изгнать из своих владений». Церковь сожгли. Обезумевший проповедник отправил гонца в Германию и Рим за помощью – дабы защитить семена Истины. Помощи он не дождался и в 1196 году умер, став позднее небесным покровителем Ливонской церкви – первым ее святым. Но в Риме его призыв услышали. В 1197 году, согласно сведениям того же Генриха Латвийского, папа римский Целестин III «даровал полное отпущение грехов всем тем, кто, приняв крест, пойдет, чтобы восстановить первую церковь» в Икскюле. Был назначен новый епископ, Бертольд, который оказался не столь мягкосердечным. Он прибыл в устье Двины с войском крестоносцев. 24 июля 1198 года на месте будущей Риги (у «Рижской горы») душей Риги.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

состоялось сражение с отрядами местных племен. Немцы победили, но в бою погиб и сам Бертольд. В отместку все окрестные села сожгли, а старейшины были вынуждены просить мира на любых условиях. После этого миссионеры уплыли, но через пару лет вернулись и основали свою базу на месте песчаной отмели в устье Двины – как бы на ничейной земле. Так в 1200 году возникла Рига. Новый епископ, Альберт, обещал окрестным обитателям поддержку и защиту в обмен на крещение. Более того, в какой-то момент стал помогать и против русских сборщиков дани. В 1203 году по просьбе старейшин рижские арбалетчики заняли Гольм, а в 1205-м – Икскюль. Полоцкий князь спохватился в 1206 году, попытался призвать к порядку местных нобилей, потом сам отправился осаждать Ригу, но безуспешно. Он опоздал и вынужден был договариваться с рижским епископом. «И спас Господь надеявшихся на него», – заключил сюжет ливонский хронист. Немцы закрепились в устье Двины навсегда. Дальнейшая история Прибалтики – это деградация роли Полоцка в регионе; развитие экспансии католических христианизаторов; рождение Ливонии, Остзейского края и, в итоге, Латвии. Есть все основания предполагать, что подобная судьба ожидала и земли в устье Невы, если бы не активность новгородского князя, который выступает антитезой полоцкого растяпы. На Неве русские свой приоритет отстаивали, хотя все складывалось изначально еще хуже. Датчане обосновались на южном побережье в самом узком месте Финского залива, построив в 1219 году замок Ревель (Таллин), а шведы закрепились напротив, на северном побережье, построив Турку (впервые упоминается в 1229 году). В те же годы ливонцы продвинулись в Эстонию, разгромив местные племенные союзы, платившие дань Новгороду и Пскову. Крестоносцы вышли к реке Нарве и начали строить планы развития про-

Ярл Биргер.
Гравюра с памятника работы
Б.-Э. Фогельсберга, установленно
го в Стокгольме
в 1854 году

поведи в областях води, ижоры и Невы (Ватланд, Ингерманланд и Нюланд). Шведы тогда уже покорили финское племя сумь (суоми) и начали наступление на тавастов (хяме, емь), которые оказывали давление на карелов. Все эти племена ранее считались зависимыми от Руси. Их расселение охватывало все побережье Финского залива, замыкаясь в узловой точке – устье Невы,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Подход войск Александра Ярославича к шведскому лагерю в устье Ижоры 15 июля 1240 года.
Схема Д. Хрусталёва

плохо населенном, болотистом, неудобном, но ключевом, стратегически принципиальном, связующем центре, обеспечивающем коммуникации всех финских племен, а также торговый путь «из варяг в греки». Летом 1240 года здесь попытались окопаться шведы.

ЛЕТОПИСЬ И ЖИТИЕ

Иностранцы письменные источники не сохранили известий о Невской битве. Об этом событии есть только две записи: в Новгородской летописи и в Житии Александра Невского («Повесть о житии и о храбрости князя Александра Невского»). Однозначная взаимосвязь между этими сочинениями не установлена, но она вполне возможна. В летописи запись краткая и, судя по всему, составлена вскоре после описанных событий. Но это только в одном из списков (Синодальном) Новгородской первой летописи. В другом, Комиссионном, наиболее полном, статья заменена на текст Жития, которое было составлено уже после смерти Александра в 1263 году. Автор Жития подчеркивал, что он был свидетелем большинства событий, а также пользовался рассказами очевидцев, даже самого князя. И хотя это заведо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Невская битва.
15 июля
1240 года.
Схема
Д. Хрусталёва

вора, и Новгород, и всю область Новгородскую; и пришла весть в Новгород, что шведы идут к Ладоге; князь же Александр, не медля, с новгородцами и ладожанами пошел на них и победил 15 июля, на память святых Кирика и Улиты, в неделю на собор 630 святых отец Халкидонских; и была там великая бойня («сеча») шведам; и был там убит воевода их по имени Спиридон; а некоторые говорят, что и епископ убит был там же; и многое множество их пало; и сложили убитых из знати на два корабля, отправив прежде себя к морю; а остальных своих погибших, вырыв яму, побросали туда без счета; и многие другие ранены были; и в ту же ночь, не дождавшись рассвета понедельника, посрамленные отступили. Новгородцы же здесь пали: Константин Луготинич, Пюрята Пинещинич, Намест, Дрочилов Нездылов, сын кожевника, а всего 20 человек с ладожанами, или меньше, бог весть. Князь же Александр с новгородцами и с ладожанами вернулись все здоровы, сохраненные Богом, Святой Софией и молитвами всех святых.

П.Д. Корин.
Александр
Невский.
1942 год

Житие дополняет эту картину подробностями, а возможно, и фантазиями, настаивая на эпическом масштабе происшедшего. Инициатором нападения выступает король католической

мо агиографическое сочинение, в данном случае его изложение явно приближено к реальным событиям. К тому же не столь формально. Александра канонизируют лишь через триста лет, а до тех пор Житие читали именно как повесть о славных деяниях. Потому и в летопись включили. Эти наблюдения позволяют реконструировать происшедшее из контаминации сведений ле-

тописи и Жития, не противопоставляя, а взаимно дополняя их. Весь ход событий в летописи представлен кратко в беглом пересказе: пришли шведы («свеи») с большой силой, и норвежцы («мурмане»), и сумь, и емь в кораблях бесчисленное множество; шведы с князем и со своими епископами; и встали в Неве на устье Ижоры, желая захватить («восприять») Ладогу, а проще го-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

северной страны («король страны Римской из Полуночной земли»), который решил помериться силой с князем Александром, прослышав о его доблести. Он собрал огромную армию и пришел в Неву, опьяненный безумием («шатаясь безумием») и «пыхая духом ратным». Затем сумасшедший завоеватель послал в Новгород гонцов и вызвал Александра на бой: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою». Князь немедленно отозвался, помолился, получил благословение архиепископа Спиридона и двинулся «на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска». И времени не имел, чтобы предупредить кого-то или попросить о помощи. И отцу, великому князю Ярославу, вести не отправил. Так он спешил, что даже некоторые новгородцы не успели к нему присоединиться.

В то же время жил в земле Ижорской старейшина Пелгусий, который отвечал за ночной дозор на море («стража ночная морская»). Племя его бесновалось язычеством, но сам он был крещен под именем Филипп. Жил

Н.К. Рерих.
Александр
Невский
поражает
ярла Биргера.
1904 год

он богоугодно, пост соблюдал в среду и в пятницу, а потому удостоил его Господь видения чудного в тот день. Разведав силы неприятеля, Пелгусий выступил навстречу князю Александру, чтоб доложить ему «об их станах и обрытьях». Остановился он на ночь на берегу моря (то есть Невы), отслеживая оба пути по нему («стоящю же ему при краи моря и стрежаше обою пути»),

и не спал. А на рассвете услышал Пелгусий шум сильный на водах и лодку («насад»), плывущую по ним. Посреди лодки стояли святые Борис и Глеб в красных одеждах, держа руки на плечах друг друга. Гребцов же было почти не видно, они были «словно мглою одеты». И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Испуганный ижорец обомлел и оставался недвижим, пока лодка не скрылась из глаз. Потом он все рассказал князю, но тот запретил ему делиться новостью о благоприятном знамении еще с кем-то.

Затем Александр поспешно напал на врагов «в шестом часу дня» (около 10 утра), и был великий бой с римлянами («бысть сеча велика над римляны»), «и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил печать острого копья своего».

Далее агиограф совершает совершенно неканонический ход, заставляющий усомниться, что его сочинение изначально задумывалось именно в качестве Жития святого. Он внезапно рас-

Подвиг Ратмира.
Из Лицевого
летописного
свода XVI века

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бой Гаврилы
Олексича
с шведским
воеводой.
Из Лицевого
летописного
свода XVI века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РАССТАНОВКА СИЛ

В том же, 1240 году немцы захватили земли води и основали замок в Копорье. Тогда же они завоевали Изборск и разгромили псковичей, утвердив у них своих фогтов. И в том же году монголы взяли Киев, а потом огнем и мечом прошли по Галиции и Волыни, углубляясь в Европу. Чуть ранее ими были разорены Рязанское, Владимиро-Суздальское, Переяславское и Черниговское княжества. Хронологическое совпадение этих событий давно заставило исследователей высказать предположение об их спланированном характере – «натиске на восток», «крестовом походе» против Руси, ослабленной монгольским нашествием.

Литовцы в 1236 году в битве при Сауле разгромили орден меченосцев, который был объединен с Тевтонским из-за гибели большинства братьев. Слияние подтвердила папская булла в Витербо 12 мая 1237 года. Тогда же было решено вернуть Дании земли северной Эстонии, отобранные орденом десятью годами ранее. Датчане получили Ревель и области вплоть до Нарвы. Примирение сторон подтвердила папская булла в Стенби 7 июня 1238 года. Для восполнения потерь тевтонцы тогда отправили в Ригу 60 новых братьев-рыцарей. Прилив колонистов, соответственно, был отмечен и в северной Эстонии.

В те же годы возникли осложнения у шведских колонизаторов в Финляндии. Там восстали тавасты (емь) и выгнали иноземцев. Упсальский архиепископ Ярлер взмолился о помощи, и папа римский отозвался, издав 9 декабря 1237 года буллу, где высказал всемерную поддержку усилиям миссионеров, призвал к крестовому походу, а также упомянул, что подстрекателями тавастов были «враги креста, их близкие соседи», то есть, возможно, карелы или русские. Считается, что все эти мероприятия были инициированы легатом папы римского в Северной Европе в 1234–1244 годах

сказывает о героизме «шести храбрых» из княжеского полка, вдаваясь в сочные подробности воинских подвигов. Гаврила Олексич «напал на шнек» и пытался въехать на сам корабль по сходням, преследуя «королевича», которого свои тащили под руки (раненого?). Со сходен его сбросили вместе с конем, но он «вышел из воды невредим» и продолжил бой, сразившись «с самим воеводой посреди их войска». Вторым был новгородец Сбыслав Якунович, который многократно ходил в атаку и бился одним топором, «не имея страха в душе своей». И многих порубил он, а другие «дивились силе и храбрости его». Еще княжеский ловчий Яков, родом из Полоцка. Он «напал на полк с мечом, и похвалил его князь». Четвертый – новгородец Миша, который бился пешим с дружиною своей и потопил три корабля. А Савва из младшей дружины

ворвался в большой златоверхий королевский шатер и подсек опорный его столб. Падение шатра сильно взбодрило русских воинов. Шестой – Ратмир, из слуг княжеских, бился пешим, но обступили его многие, и пал он от бесчисленных ран. А и не то чудо, но, подобно как, когда царь ассирийский Сennaхириб напал на Иерусалим, «внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского», а наутро нашли только их трупы, так и после Александровой победы «на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы», «нашли несметное множество убитых ангелом Господним». Оставшиеся бежали, набросав трупы своих мертвых на корабли, а затем потопили их в море. С победой вернулся в Новгород благоверный князь, «хваля и слава имя своего Творца».

Вильгельмом Моденским. В 1929 году финский историк Густав Адольф Доннер посвятил ему монографию, в которой описал как идеолога масштабной агрессии против Руси. Местом сговора сторон было предложено Стенби, где на переговорах по поводу северной Эстонии все могли встретиться – немцы, орден, датчане, шведы – и сверить часы. А потом, через год, одновременно напасть. Версию Доннера активно поддерживали советские исследователи, особенно Игорь Шаскольский, и вскоре она стала официальной. Зарубежные историки очень сомневаются, что разрозненные, ослабленные и раздираемые многолетними склоками колонизаторы способны были к таким совместным проектам, выгода от которых не была очевидной. Даже если ливонцы и датчане действительно могли о чем-то договориться, то причастность к этому шведов – чистой воды домысел. Они едва закрепились в районе Турку и вели войну с тавастами, покорить которых смогли только в ходе крестового похода 1249 года. Воевать с Новгородом в таких условиях было безумие. Рассчитывать можно было только на случайную удачу и внезапную поддержку племен – карелов, води, ижоры. Возможно, они так и думали.

В летописи шведские планы представлены эпохальными: захватить Ладугу, а также Новгород и всю область Новгородскую. Но, кажется, ближе к реальности исследователи, которые обратили внимание на фразу Жития о «станах и обрhythах», что строили интервенты на Неве. Идет ли речь об укрепленном лагере или попытке возвести крепость – судить затруднительно. Пожалуй, ясно то, что для шведов это место не было временной стоянкой, на которой они задержались на пару дней, чтобы потом продолжить свое наступление на Ладугу и Новгород. Они хотели там закрепиться.

В связи с разительным дисбалансом между объемом досто-

Князь Александр Ярославич ранит в лицо Биргера в Невской битве. Из Лицевого летописного свода XVI века

верных свидетельств и историческим резонансом события Невская битва обросла многочисленными предположительными подробностями, порою очень контрастными. Спорят о масштабе, числе участников, руководителях, жертвах, последствиях, значении и т.д. Во всем мы остаемся в рамках гипотез.

ОТ НЕВСКОГО ДО ПУШКИНА

Из Жития известно, что один только новгородец Миша со своим отрядом изрубил три корабля, а потом еще в двух хоронили погибших, то есть экспедиция была доставлена не менее чем шестью – скорее, десятью – кораблями. Хотя летописец говорит об их «бесчисленном множестве», то есть, надо полагать, их было более 10. При этом весь шведский лёдунг – морское ополчение – в те годы составлял около 200 кораблей. При загрузке судна около 40 человек на Неве должно

было высадиться не менее 400 человек, а то и более. Наблюдения над многонациональным составом участников – шведы, норвежцы, сумь, емь – заставляют склониться к тому, что их действительно было существенно больше.

Среди руководителей интервентов летопись называет князя и епископа, но также упоминает погибшего в бою воеводу Спиридона. В Житии ничего не сказано про епископа, зато представлены король, на лице которого князь Александр оставил копьем «печать»; королевич, возможно, раненый, которого преследовал brutalный Гаврила Олексич; и воевода, с которым Гаврила Олексич вступил в поединок «посреди их войска». Еще в XIX веке финский историк Габриель Рейн предположил, что католическим архиереем, участвовавшим в Невской битве, был епископ Томас, возглавлявший епархию Турку примерно с 1218 года. До сих пор в историографии встречается оборот «поход епископа Томаса». Впрочем, 1240 год он точно пережил, как и все шведские епископы. Известно, что в 1248 году Томас бежал на Готланд, бросив свою паству «из страха перед курунами и русскими». Доблестью этот иерарх точно не отличался.

Король Эрик давно болел и точно ни в каком походе не участвовал. В те годы в Швеции он толком и не правил, всеми делами заведовал его ярл, которому принадлежали и полномочия по организации внешних нападений. С 1220 года и до своей смерти в 1248-м им был Ульф Фасе. Шаскольский считал, что именно он и возглавлял Невское предприятие. Однако в традиции принято приписывать руководство походом его преемнику – ярлу Биргеру, персонажу в шведской истории значимому и легендарному. Биргер принадлежал к знатному роду, был родственником Ульфа Фасе, а с 1237 года – королевским зятем. После смерти в 1250 году бездетного Эрика именно его малолет-

ний сын, Вальдемар Биргерсон (1239–1302), стал королем, основав новую династию, правившую до 1387 года. С 1250 года и до своей смерти в 1266-м Биргер Магнуссон не просто ярл, он отец короля и глава государства. С ним связано основание Стокгольма и покорение Финляндии – главной шведской колонии. В глазах шведов он – один из «отцов отечества», удачливый правитель и завоеватель. Кому как не ему столкнуться со своей русской инверсией, князем Александром, который, однако, смог поставить ему «печать» на лице?

Впервые Биргер в качестве руководителя Невского похода появляется в так называемом «Рукописании Магнуша». Этот документ был составлен в 1411–1413 годах в Новгороде в качестве полемического манифеста и представлял собой завещание, якобы написанное шведским королем Магнусом Эрикссоном (1316–1374), в котором он предостерегал потомков от нападения на Русь. Никаких шведских источников у этого сочинения нет. Оно измыслено для внутреннего пользования на Руси. Появление там имени Биргера (в рукописях – Белгер, Бельгер, Белгеръ или Бергер. – **Прим. авт.**) связано, скорее всего, с тем, что через 150 лет никого другого из шведских предводителей не могли вспомнить даже заезжие немецкие купцы. Тем не менее примечательно, что связи между Рюриковичами и шведским королевским домом определенно сохранялись в XIII веке. Формально Биргер был дальним родственником Александра Ярославича. И они осознавали это. Именно к Биргеру бежал брат и соправитель Александра, великий князь Андрей Ярославич, после конфликта в 1252 году с монголами, закончившегося погромом Переяславля «Неврюевой ратью». Позднейшие летописи сообщают, что сначала он укрылся в Пскове, где дождался супруги – дочери Даниила Галицкого. Затем они перебра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лись в Ревель (Колывань), откуда Андрей, «оставив там княгиню, сам отправился за море в Шведскую землю, где его встретил мастер шведский и принял его с честью, а он послал потом за княгиней в Колывань». Андрей «оставался там некоторое время с княгиней». В русских источниках упоминание о нем вновь появляется лишь в 1257 году. Андрей пережил брата Александра и вполне мог быть причастен к составлению его Жития. А в 1263–1264 годах в Швеции именно правили Биргер и его сын. Эти наблюдения позволяют предположить, что у авторов сохранившихся источников были вовсе не туманные представления о шведском правителе – вплоть до того, были у него шрам на лице. Биргер мог возглавлять поход на Неву, хотя достоверных свидетельств у нас не сохранилось. Тем более странно, что единственное имя шведа в лето-

Невская битва. Бегство шведов на корабли. Из Лицевого летописного свода XVI века

писи – Спиридон (погибший воевода) – то же, что у новгородского архиепископа, по Житию благословившего Александра. Это вполне может быть следствием путаницы, хотя, скорее, отражает нежелание приводить какие-то еще имена врагов, кроме погибших. Иное значение – имена «храбров», участвовавших в битве. Они – подлинные герои на все времена и почти все разобраны потомками в качестве легендарных пращуров. Знатный новгородский боярин, глава большого семейства Сбыслав Якунович упоминается еще в 1229 году, а с 1243 года более чем на десять лет он стал посадником – вторым лицом после князя в Новгороде. Мишу, боярина с Прусской улицы, родословец XVII века называет в качестве основателя знатного новгородского, а потом московского рода Морозовых. Гаврилу Олексича считали своим предком Пушкины и родственные с ними фамилии – Челядины, Свибловы, Чулковы, Хромые-Давыдовы, Бутурлины и другие. Многими современниками и потомками Невская битва признавалась знаковым моментом личной и общей истории. Интересно, что в летописи и Житии не упоминается о том, что 15 июля 1240 года это не только день Невских событий, но еще и память святого равноапостольного князя Владимира. Это подтверждает, что прежде этого времени святой князь Владимир канонизирован не был. Сложно представить себе событие и дату, которая бы столь емко вобрала в себя важнейшие символические образы и фигуры древней русской истории: от духовной до воинской обороны отечества, от Александра Невского, Владимира Святого, Бориса, Глеба и до Пушкина. Пограничная стычка в невыхских болотах, пусть неизвестная зарубежным источникам, может ли быть малозначимой и забытой нами? Вряд ли. 15 июля 2020 года мы отметим 780-летний юбилей победы князя Александра на Неве. ❷

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАГАДКИ «ЛЬДЯНАГО МАТЕРИКА»

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

НЕМНОГИМ УДАЛОСЬ ПРЕОДОЛЕТЬ ВЕЛИКОДЕРЖАВНУЮ ГОРДИНЮ В ТОМ, ЧТО КАСАЛОСЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ. ОДНИМ ИЗ ТАКИХ «ПИОНЕРОВ» СТАЛ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ БРИТАНИИ, ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОБЕРТ ФОЛКОН СКОТТ.

В 1905 ГОДУ В КНИГЕ «Плавание на «Дискавери» он писал о неустрашимом Беллинсгаузене, который «с удивительным упорством снова и снова вел свои корабли на юг». «Вне всякого сомнения, – подчеркивал Скотт, – Беллинсгаузен был первым, кто обнаружил землю в пределах Южного полярного круга. К несчастью, известно о плавании Беллинсгаузена совсем немно-

го, так как его дневник с русско-го языка никогда не переводился». На английский язык книга Беллинсгаузена была переведена только в 1945 году. Самому же Скотту не суждено было достигнуть цели: когда в январе 1912-го он дошел Южного полюса, там уже развеялся норвежский флаг, установленный Руалем Амундсеном в декабре 1911 года. На обратном пути Скотт трагически погиб.

TERRA AUSTRALIS INCIGNITA

Антарктиду открывали неоднократно. Первое открытие, гипотетическое, случилось еще задолго до Беллинсгаузена, Амундсена и Скотта. Со времен Античности и Средневековья западный мир был взбудоражен великим научным миражом: существованием на юге земного шара таинственного континента, который обширностью своей уравнивал твердь Северного полюса. В XVIII веке теория Terra Australis Incognita («Неведомого Южного материка»; его также называли «Terra Australis Nondum Cognita», «Южная земля, еще не известная». –

Художник
П.Н. Михайлов.
«Мирный»
у Антарктиды
28 января
1820 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф.Ф. Беллинсгаузен (1778–1852), адмирал. Портрет работы неизвестного художника

Прим. авт.) получила новый импульс. И все благодаря трудам французского математика и астронома Пьера Луи Моро де Мопертюи. Он предложил теорию равновесия материков, согласно которой лежащие к югу от экватора части Африки и Южной Америки гораздо меньше размеров Северного полушария. Следовательно, рассуждал де Мопертюи, в Южном полушарии существует равновеликая суша – «Южный материк».

Попала Terra Australis Incognita (TAI) и на географические карты. Одно из первых ее изображений помещено на загадочной «Карте мира» 1513 года, хранящейся в Музее Топкапы в Стамбуле. Автор этого удивительного цветного портулана на шкуре газели – турецкий корсар и адмирал османского флота Пири-реис. Он был обезглавлен в 1554 году в Каире и унес с собой в могилу секреты созданной им карты. Касаются они в первую очередь огромного южного земного массива, соединенного с патагонским побережьем Южной Америки и простирающегося далеко на восток. «Земля эта пустынна, – гласит помещенный на карту текст. – Вся лежит в запустении, и обитают здесь только гигантские змеи... и нестерпимо жарко». У побережья этой земли Пири-реис поместил сказочные острова «11 девственниц», а в водах, омывающих TAI, плавает корабль, напоминающий бригадину разбойников Леванта. Разной формы и протяженности предстает TAI и на европейских картах эпохи Великих географических открытий: глобусе Иоганна Шёнера (1520), «Карте мира» (1531) французского математика и астронома Оронция Финеуса, Cosmographie Universel (1556) королевского картографа и корсара Гийома Ле Тестю, Nova et Aucta Orbis Terrae Descriptio ad Usum Navigantium Emendate Accommodata (1569) фламандца Герарда Меркатора, Theatrum Orbis Terrarum (1570) Абрахама Ортелиуса. Подобные изображения TAI стали общим

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

местом для европейской картографии XVI–XVII веков. Однако уже в эпоху Просвещения ученые и картографы помещали на месте TAI пустое водное пространство.

Но тему с энтузиазмом подхватили писатели. Их пылкое воображение рисовало в далеких южных широтах некий Новый Эдем, населенный цивилизованными народами. Попасть туда можно было, лишь пережив чудовищный ураган, когда стрелка компаса внезапно переставала указывать на север, или преодолев непроходимый ледяной барьер из айсбергов. В XVII веке француз Дени Верас пишет утопическую «Историю севарамбов». В следующем столетии Михаил Щербатов создает «Путешествие в землю Офирскую». А в XIX веке герой Эдгара Аллана По сумел пройти сквозь ледяные моря и добраться до чудесных островов «Полуденного материка» – так назвал TAI Константин Бальмонт, переведивший «Повествование Артура Гордона Пима из Нантукета».

Английский корсар Френсис Дрейк (1540–1596)

ПОПАСТЬ В «ЛЕДЯНОЙ АД»

Одно дело рассуждать о далеких землях в тиши библиотеки. И совсем другое – плыть на деревянных кораблях в «ледяной ад» и, пробиваясь сквозь ледовые торосы, высматривать сушу и картировать отдельные участки побережий. В 1520 году Фернан Магеллан к югу от Америки увидел гористый берег – Огненную Землю, принятую им за выступ TAI. В 1545-м испанец Иньиго Ортис де Ретес открыл Новую Гвинею, в нескольких тысячах километров от Огненной Земли, – и ее также посчитали северным выступом TAI. В 1568 году Альваро Мендандья де Нейра обнаружил в Тихом океане землю. «И поскольку была она столь обширна и высока, мы решили, что, должно быть, это материк», – писал Мендандья, хотя это был лишь один из Соломоновых островов. В 1606 году, открыв небольшой остров в Ново-Гейбридском архипелаге, Педро де Кирос объявил его «Южной Землей Святого Духа» и вообразил, что обнаружил континент, «занимающий четверть света». Любая земля, найденная в глубинах южных морей, признавалась «уступом» TAI. В число их попали и берега Австралии, и открытая голландцем Абе́лем Тасманом Новая Зеландия.

Каждая морская империя, претендовавшая на приоритет в освоении TAI, писала свою «национальную историю Антарктиды». Британская империя, например, намечала контуры своего доминирования в южных широтах еще в эпоху Тюдоров. Первым героем английской одиссеи стал «морской пес» королевы Елизаветы I корсар Френсис Дрейк. В октябре 1578 года сильный шторм загнал его «Золотую лань» на юг Тихого океана, и в этих водах он открыл морской пролив, названный его именем. Весомую страницу в летопись британской экспансии вписал железный Джеймс Кук. Во время кругосветного плавания 1772–1775 годов он проник далеко на юг и с упорством фанатика тщетно пытался найти брешь в синевато-белой ледовой

цитадели. Осаду «ледяного ада» предпринимали и в XIX веке другие британцы.

Внесла свой вклад и Франция. В январе 1739 года Жан-Батист Шарль Буве де Лозье увидел к югу от мыса Доброй Надежды покрытый льдом остров. И, приняв его за часть ТАИ, назвал мысом Сирконсизьон (сегодня остров Буве). Одиссею продолжил Ив-Жозеф де Кергелен Тремарек. В феврале 1772 года он наткнулся на угрюмую цепь черных островов и, сочтя их мысами ТАИ, назвал Южной Францией. Дело его продолжила экспедиция Жюль-Себастьяна Сезара Дюмон-Д'Юрвиля. В январе 1840-го во время своего третьего кругосветного плавания мореплаватель уперся в вертикальную ледяную стену, сумел высадиться и водрузить французские флаги на скалистых землях Антарктиды, названных им в честь своей супруги и своего короля Землей Адели и Землей Луи-Филиппа.

В гонке за Антарктиду не отставали и американцы. Звероловы-промысловики в поисках добычи неуклонно продвигались все дальше на юг, не раз видя на горизонте берега Антарктиды. Первым, по-видимому, стал охотник за тюленями Натаниэл Палмер в ноябре 1820 года. Затем – Бенджамин Моррелл, утверждавший, что в 1823-м он добрался до 68-го градуса южной широты и 48-го градуса западной долготы и открыл северный выступ материка. Еще дальше на четырех военных шлюпах прошел Чарлз Уилкс в 1840 году, заявив, что наконец открыл новый континент. К этому моменту история ТАИ успела претерпеть метаморфозы. Британец Мэтью Флиндерс первым в мире сумел обойти вокруг Австралии, которую тогда называли «Новая Голландия», и в 1814 году опубликовал книгу «Путешествие к Terra Australis». В ней он поделился важным соображением: Terra Australis Incognita, о которой писали античные мудрецы, не существует. Название же ее относится к исследованному им матерiku, который теперь следует именовать Австралией.

Корвет
«Астролябия»
французской
экспедиции
Ж.-С.-С. Дюмон-
Д'Юрвиля
у берегов
Антарктиды
в январе
1840 года

РУССКАЯ ВЕРСИЯ

До середины XX века наша страна всерьез не претендовала на лавры первооткрывателя «материка льда». Оживление началось в 1940-м и достигло кульминации к 1949 году. Именно тогда начали появляться статьи и выступления, авторы которых заявляли о «чести открытия» континента Антарктиды в 1820–1821 годах. Пробудившийся интерес к Антарктиде объяснялся соображениями высокой политики и был связан с ростом могущества СССР после Второй мировой войны. Генеральную линию наметило решение ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 года, в котором заявлялось о «заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики». Интересы СССР в южно-полярном регионе питались надеждами на хозяйственное использование Антарктиды: поиски урановой руды, освоение других минеральных ресурсов и перспективы китобойного промысла.

А в 1820-х годах претензии Петербурга на Антарктиду выгля-

Жан-Батист
Шарль Буве
де Лозье
(1705–1786)

дели более чем скромно. Об открытиях русских моряков в антарктических водах упоминали без патетики, сопровождая их традиционными комментариями в духе соперничества с британцами. Например, газета «Русский инвалид» в статье от 24 августа 1821 года писала: «Мореплаватели наши в полной мере подтвердили те затруднения, кои встречали все их предшественники при покушениях проникнуть к Южному полюсу. В сих хладных странах учинено четыре открытия, из коих три находятся далее к югу, нежели берега, виденные знаменитым Куком. Да и берега сии описаны с тех сторон, с коих оные не были обойдены помянутым мореходцем, и тем доказано, что оные не составляют части твердой земли, как то могло быть предполагаемо прежде... Около одного только градуса не достигнуто до той широты, до коей проникал капитан Кук, но сплюснутые льды представили в сем случае непреодолимую преграду». Сходным образом высказался и астроном экспедиции, экстраординарный профессор Казанского университета Иван Симонов. В торжественной речи, произнесенной 7 июля 1822 года в университете, Симонов подвел итог экспедиции так: «Знаменитый мореходец Кук в путешествии своем говорит: «Я обошел вокруг Южного полушария в большой широте таким образом, что неоспоримо доказал, что нет в оном никакой матерой земли, разве в окрестностях полюса, куда невозможно достигнуть». Мы углубились во многих местах далее сего мореходца, оставались не в пример доле его за полярным кругом, и... не видели никаких признаков предполагаемого южного материка, разве за пределами зрения от тех мест, где вечные льды положили непроницаемую межу для плователей».

Осторожен был и Беллинсгаузен. В апреле 1820 года в рапорте из Порт-Джексона (Сидней) о результатах плавания возле «матерых льдов» Антарктиды он сообщал: «Дошедши до широты

S 69°25' и долготы 2°10 W, встретил сплошной лед, у краев один на другой набросанный кусками, а внутрь к югу в разных местах по оному видны льдяные горы». Встретив «сплошной лед», шлюпы повернули на новый галс и направились к северу, после – к северо-востоку, неоднократно затем поворачивая на юг. Несколько раз они «совершали покушения» на штурм Антарктиды, но каждый раз вынуждены были отступать. «Признаков большой южной земли, – продолжал Беллинсгаузен, – нигде не встречал, хотя большую часть плавания имел за полярным кругом и близ онаго, <...> Но если она существует, то должна быть далеко во льдах покрыта ими, и опознать оную нет возможности».

Получается, никто из участников экспедиции не мог и представить, а уж тем более утверждать, что в январе–феврале 1820 года перед ними находились берега нового континента. Зато это «недоразумение» тонко прочувствовали редакторы сборника документов, изданного в 1950-х годах. И из-за его явного противоречия с советской трактовкой «открытия русскими Антарктиды» вырезали этот отрывок из рапорта Беллинсгаузена.

Хотя у идеологии первенства открытия и в XIX веке находились приверженцы. Застрельщиком стал офицер со шлюпа «Восток» Аркадий Лесков, в рапорте от 21 марта 1823 года подчеркнувший, что «русские моряки первыми разрешили важный вопрос, открыв землю под 70 градусом южной широты, о существовании которой после путешествия Кука перестали уже думать». Его мнение разделил мичман со шлюпа «Мирный» Павел Новосильский. После увольнения с флота он служил в Императорской публичной библиотеке и являлся директором департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Неодумевая, почему в некрологе умершего в январе 1852 года Беллинсгаузена не упоминалось об открытии Антарктиды, Новосильский,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Адмирал
Ф.П. Литке
(1797–1882)

в 1854-м ставший членом Русского географического общества, изложил свои соображения о русском приоритете в открытии Антарктиды, опубликовав две книги: «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» и «Шестой континент, или Краткое обозрение плаваний к Югу от Кука до Росса с картою». Но ему пришлось столкнуться с вице-президентом РГО Федором Литке, авторитетнейшим полярным исследователем, не признававшим экспедицию Беллинсгаузена научной, так как, кроме астронома Симонова, ученых в ее составе не было.

«ЗАБАВНЕЙШИЕ» ДЕТАЛИ

Категоричная позиция Литке, по видимому, сформировалась еще тогда, когда он служил мичманом военного шлюпа «Камчатка» и в августе 1819 года встретился на рейде Портсмута со шлюпами «Восток» и «Мирный», направляющимися в Антарктиду. В своих до сей поры не опубликованных дневниках он поделился сомнениями по поводу экспедиции Беллинсгаузена–Лазарева: «Никогда путешествия для открытий не были снаряжаемы забавнейшим образом. Во-первых, главнейшая вещь – суда... положим, что они хороши, хотя и тут можно бы сделать замечание, что между плаванием по чистой воде и плаванием между льдами маленькая разница... и эти суда посланы делать открытия во льдах!» Смущала Литке и фигура руко-

водителя плавания: участник первого русского кругосветного плавания под командованием Крузенштерна, первоклассный моряк Беллинсгаузен, выполнявший гидрографические работы на Черном море, был спешно вызван в Петербург и «должен был набрать офицеров, приготовить экспедицию и чрез 2 недели идти в море. Явно, что хотели только скорее с рук сбывать, от этого и произошло, что он должен был многое уже здесь переправлять; и все-таки невозможно ему будет всего, как должно, исправить».

За перечислением «забавнейших» деталей экспедиции Литке не преминул заметить: «Все эти странности тем более заметны, что они сделаны в такое время, когда, как будто нарочно для контраста, посылали и англичане четыре судна для открытий к северу». В 1818 году британское правительство организовало комплексную экспедицию, итогом которой должно было стать открытие Северо-Западного прохода из Атлантики в Тихий океан и покорение американской Арктики. Первый отряд под командованием Дэвида Бьюкена и Джона Франклина на кораблях «Доротея» и «Трент» должен был пройти вдоль восточного побережья Гренландии к Шпицбергену и пересечь полюс. После чего направился бы на юг – навстречу второй экспедиции под командованием Джона Росса и Уильяма Эдварда Парри, которым на «Александрере» и «Изабелле» было приказано обогнуть западное побережье Гренландии, преодолеть пролив Дэвиса, войти в пролив Ланкастер и идти на покорение Северо-Западного прохода. Обе экспедиции, впрочем, натолкнулись на непроходимые льды и повернули назад. В 1819–1820 годах два других британских корабля, «Гекла» и «Грайпер», под командованием Парри и Мэтью Лиддона, сумели пройти далеко на запад, обследовать остров Мелвилл, а затем подойти к острову Банкс, после чего также были вынуждены повернуть назад. «Сличив приурочения Россовых судов с нашими, – писал

Литке, – невозможно поверить, чтобы и те, и другие предназначались для одной цели. Все благомыслящие англичане нисколько и не сомневаются, чтобы под завесой открытий не скрывалось тут какое-нибудь другое намерение. Портсмутский адмирал sir George Campbell (Джордж Кемпбелл. – Прим. авт.) говорил об этом с капитаном нашим и весьма откровенно. Кап[итан] стал было его уверять, что экспедиции сии суть точно учения, но адмирал сделал ему в доказательство противного такие доводы, противу которых капитан поневоле должен был замолчать, адмирал прибавил: «Вы человек морской, я уверен, что вы сами этому не верите, но какое нам дело мешаться в дела правительства. В этом деле вы точно так же посторонний человек, как и я, пусть эти экспедиции учения, им дают пашпорты и с концом дело». Надо отдать должное проницательности мичмана Литке: речь шла о большой политике. Наступал звездный час великой русской одиссеи! Выйдя победительницей из войны с Наполеоном, Россия стала определять мировую политику. Началось строительство гигантской заморской империи, и противоречия с Британией вышли на первый план. В переписке, которую император Александр I вел со своим бывшим учителем, швейцарцем Лагарпом, беспокойство по поводу «англичан, ныне полновластно царящих в Тихом океане», высказывалось не раз. Например, в письме от 8 марта 1818 года Лагарп предупреждал своего августейшего корреспондента, что, укрепляя позиции в Южных морях, британцы «вскоре заложат <...> первую береговую факторию в Нотка-Зунде, дабы за русскими и соединенными американцами наблюдать, а вторую напротив Перу на острове Хуан-Фернандес, и обе они связаны будут с факториями уже существующими на Сандвичевых островах, а равно и с теми, что уже устроены в Новой Голландии, Бассовом проливе, на Земле Ван-Димена и в Новой Зеландии».

Адмирал
И.И. де Траверсе
(1754–1831),
морской министр
Российской
империи.
Литография
А.И. Клиндера.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МАРКИЗ ДЕ ТРАВЕРСЕ

Все нити русско-британского геополитического противостояния сходились в кабинете морского министра Российской империи, французского эмигранта Жана-Батиста Прево де Сансака, маркиза де Траверсе, известного в России как Иван Иванович де Траверсе. Маркиз начал свой боевой путь еще во время Войны за независимость в Северной Америке. Молодой офицер горел решимостью сражаться с англичанами за идеалы свободы, провозглашенные веком Просвещения. Причем не упускал случая отличиться: плавая на фрегате «Эгретт», он захватил большой английский фрегат, в другой раз вызвался доставить из Гаваны миллион пиастров для франко-испанской армии, а при штурме острова Сент-Кристофер (Сент-Китс) первым ворвался в захваченный форт и установил французский флаг. Вынужденный во время революции покинуть отчизну, де Траверсе в 1794 году возглавил гребной флот в Петербурге, а затем принял командование Роченсальским портом на севере Финского залива. Стараниями маркиза финское захолустье превратилось в мощный укрепленный район. В 1797 году, уже при Павле I, Траверсе получил чин вице-адмирала и был назначен комендантом Роченсальма. Вершина деятельности Траверсе пришлась на царствование Александра I, который очень ценил его заслуги перед Российским флотом. При нем,

уже в чине адмирала, маркиз в 1802–1809 годах занимал пост главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева и Севастополя. Однако его ожидало новое головокружительное восхождение. В 1809 году военно-морской министр, адмирал Павел Чичагов, обвиненный в провале реформ на флоте, был отправлен в отставку. Управление Морским министерством Александр I возложил на Траверсе.

Новый министр поселился в «Доме Морского министерства» по Английской набережной, неподалеку от перестраиваемого Адмиралтейства. Новое Адмиралтейство не походило на старую петровскую крепость, окруженную рвами и каналами. Оно приобрело изысканный столичный лоск, вокруг разбили сад, устроили широкий бульвар. Верфи и мастерские снесли, а в самом здании разместились департамент министра, Адмиралтейств-коллегия, библиотека и музей. Кабинет маркиза располагался в смотревшем на Зимний дворец правом флигеле. В скромно обставленном помещении царил образцовый порядок. Карты на стенах, навигационные приборы и закладные доски спущенных на воду кораблей выдавали профессию владельца.

Траверсе принял министерство в тяжелый период Наполеоновских войн, и выделявшийся ему бюджет с каждым годом таял. Но министру удавалось преодолевать многие сложности и препоны: непостижимым образом количество кораблей росло, моряки сохраняли боевой дух, а русские корабли открывали эпопею Великих географических открытий в Мировом океане. В какую бы отдаленную точку мира ни заходил российский корабль, рапорты об этом тотчас ложились на стол министра. Траверсе подходил к карте и помечал флажками пройденные русскими мореплавателями маршруты. При нем Василий Головин на «Диане» и «Камчатке» исследовал берега Русской

Америки и Гавайские острова, Отто фон Коцебу на «Юрике» искал загадочный проход из Атлантики в Тихий океан, а Литке, Фердинанд фон Врангель и Петр Анжу изучали побережья Русской Арктики.

ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Решение о подготовке Антарктической экспедиции было принято осенью 1818 года: в письме от 26 ноября де Траверсе намекнул Крузенштерну о готовящемся походе. 7 декабря Крузенштерн, в ответ на сообщение о посылке русских кораблей к Южному и Северному полюсу, запросил у министра разрешение представить свои соображения. Готовил свои соображения и главный гидрограф флота Гавриил Сарычев. Антарктиду оба они рассматривали как нечто побочное. Арктические исследования на тот момент были политически и экономически более значимыми! Готовя окончательную редакцию записки о планируемой экспедиции, Крузенштерн уже знал о предписании Александра I Адмиралтейств-коллегии от 3 февраля 1819 года. Император «повелеть изволил в будущую коммуникацию отправить в дальний вояж находящиеся в Кронштадте и на Охте на стапеле два шлюпа и построить в Лодейном Поле два транспорта и чтоб с настоящего июня месяца суда сии могли вступить под паруса». Финансирование шло за счет средств, вырученных от продажи Испании в 1817–1818 годах пяти кораблей и трех фрегатов. 31 марта на снаряжение экспедиции из двух «дивизий» было отпущено 100 000 рублей.

По планам организаторов предусматривалось комплексное плавание четырех военных шлюпов: «Восток», «Мирный», «Открытие», «Благонамеренный». Выбранные для них названия говорят о многом: следуя духу времени и продолжая традиции века Просвещения, они аллегорически подчеркивали идеологию этой удивительной эпохи, проникнутую

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

духом рационализма, прогресса и интеллектуального познания мира.

Шлюпы входили в состав двух экспедиционных «дивизий». Северному отряду («Открытие» и «Благонамеренный») под командованием Михаила Васильева и Глеба Шишмарёва предписывалось кратчайшим путем идти к Южному полюсу в поисках нового континента. Затем они должны были направиться к Берингову проливу, чтобы «обследовать берега и море к северу от Берингова пролива в целях обнаружения неизвестных земель», в том числе и легендарной Земли Санникова. Войдя в акваторию современного Чукотского моря, корабли должны были продвигаться на восток вдоль американского побережья по направлению к Атлантическому океану, чтобы установить, соединяются ли между собой Америка и Азия. Южная «дивизия» («Восток» и «Мирный») под командованием Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева должна была идти к побережью Южного конти-

Адмирал
И.Ф. Крузенштерн
(1770–1846).
Портрет работы
неизвестного
художника
второй половины
XIX века

нента и, превосходя достижения Кука, искать новые земли и бухты. Беллинсгаузен явственно ощутил давление возложенных на него великих задач во время беседы 25 июня 1819 года в Петергофе с императором Александром I, прямо накануне выхода в плавание. Он «осмелился изложить свое мнение, что в настоящее время все моря исследованы и невозможно уже сделать особенно важные открытия. На что император <...> многозначительно молвил: «Посмотрим!» 28 июня Александр I подписал «бумаги секретные» для обеих «дивизий». Задачи, поставленные перед Беллинсгаузеном, выглядели так: «...пустить к югу. И будет продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только он может достигнуть; употребит всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставит сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях».

Шлюпам Беллинсгаузена удалось частично выполнить эти задачи: 16 (28) января 1820 года корабли вплотную приблизились к Антарктиде и, встретив «сплошной лед», а южнее «ледяные горы», пытались пробиться дальше. Возможно ли было командиру экспедиции опознать в «матерых» льдах «чрезвычайной высоты» новый «Ледяной материк»? Да и как можно было классифицировать этот самый «матерый лед» южных широт, который, по словам участников плавания, представлял перед ними как «сплошной лед», «ледяные поля мелкого льда», «плоские ледяные острова», «ледяные горы», «ледяные острова», «материк льда, коего края отломаны перпендикулярно»? В записках Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов» встречаются и другие характеристики: «просторные ледяные поля», «высокие пло-

М.М. Семенов.
Шлюпы «Восток»
и «Мирный»
у берегов
Антарктиды
в январе
1820 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ские ледяные острова», «исковерканные неправильные большие льды», «плавающие ледяные острова», «лед гористый твердо стоящий» и т.д. Какое из этих определений может служить весомым доказательством того, что Беллинсгаузен действительно увидел «материк льда»? Или эти характеристики носили, скорее, описательно-литературный характер? Как следует из свидетельства Симона, представшая перед участниками экспедиции панорама ледовых полей настраивала их, скорее, на романтический лад: «Эти мертвые глыбы представляют иногда живые разнообразные картины. Иные подобились огромному зданию или развалинам древнего замка, другие возвышались, как горы с пещерами и водопадами, в которых вода, поднятая волнением, с одной стороны, каскадом падала в море...» Читая подобное, поневоле задумаешься: располагали ли их авторы реальными основаниями, чтобы увидеть за «мертвым разнообразием ледяных масс» «материк» и отличить его от миражей «кристальных замков Шахерезады»?

Тем не менее Беллинсгаузен вернулся в Петербург с лаврами первооткрывателя. В результате его плаваний в Антарктиде появилось 28 объектов с русскими названиями, а также было открыто 29 островов в высоких южных широтах и в тропиках. Экспедиция выполнила большой объем исследований в океанологии, зоологии, ботанике, климатологии, физической географии. Были составлены и опубликованы точнейшие для того времени карты открытых территорий. Вошли они в состав «Атласа» из 19 карт и 45 литографий с изображением видов островов и поселений, портретных зарисовок аборигенов, образцов флоры и фауны. Большая часть изданий «Атласа» использовалась в мировой картографии до середины XX века. Великолепным памятником экспедиции стали рисунки и акварели живописца

Михаил Петрович Лазарев (1788–1851), русский флотоводец и мореплаватель, адмирал, один из первооткрывателей Антарктиды

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Павла Михайлова, хранящиеся в собрании Русского музея. Даже спустя век они не потеряли своей ценности и были опубликованы в английской «Лоции Антарктики» 1930 года.

СКРЫТЫЙ СЦЕНАРИЙ?

А землю Беллинсгаузен все-таки увидел! В ноябре 1820 года, проводя исследования в северных широтах Индийского океана и тропических зонах Тихого океана, корабли экспедиции вновь вошли в антарктические воды. 10 января 1821 года Беллинсгаузен занес в путевой дневник запись: «В 3 часа пополудни со шхалец увидели к ОНО в мрачности чернеющее пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег; но г. офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений. <...> Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место, и, к общему удовольствию, все удостоверились, что видят берег, покрытый снегом...» На следующий день Беллинсгаузен попытался подойти к острову, но встретил «сплошной низменный лед, который нам воспрепятствовал еще приблизиться <...> Лейтенант Лазарев сказал, что он хорошо рассмотрел даже все мысы острова и что нет никакого сомнения в достоверности их обозрения. <...> Я назвал сей остров высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота – остров Петра I».

17 января 1821 года последовало новое открытие. «В 11 часов утра мы увидели берег; мыс

оного, простирающийся к северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, <...> Простирая плавание в южных больших широтах для исполнения воли государя, я почел обязанностью назвать обретенный нами берег берегом Александра I, яко виновника сего обретения». Только в 1940-х годах выяснилось, что открытый Беллинсгаузен «берег Александра I» в действительности является крупным островом, который соединяется с Антарктическим полуостровом Южного континента шельфовыми льдами пролива Георга VI. Море же, в котором расположены остров Петра I и Берег Александра I, носит сегодня имя Беллинсгаузена.

Высадиться на берег Александра I не удалось – вновь помешал сплошной лед. Корабли пошли дальше на север. В 1822 году Симонов, говоря о сделанных в январе 1821-го открытиях, вынужден был ограничиться простой констатацией результатов: «Обе земли сии окружены со всех сторон льдом, который воспрепятствовал нам близко подойти к ним. Открытие их тем более важно, что они суть самые южнейшие из всех доныне известных земель...»

При чтении дневника Беллинсгаузена бросается в глаза слово, примененное им в адрес императоров Петра I и Александра I – «виновники». Больше он никогда его в подобном контексте не использовал. И, надо полагать, мореплаватель употребил его неслучайно. Да и в топонимических наименованиях мореплавателя был заложен какой-то смысл. «Памятники, воздвигнутые великим людям, изглаживаются с лица земли все истребляющим временем, но остров Петра I и берег Александра I, памятники современные миру, останутся вечно неприкосновенны от разрушения и передадут высокие имена позднейшему потомству», – подчеркивал он в записках. Трудно представить, чтобы такой исполнитель

ный и здравомыслящий офицер, каким был Беллинсгаузен, действовал на свой страх и риск, называя открытые земли монаршими именами.

Может быть, у него имелся список наименований? И, нанося на карту новые названия, Беллинсгаузен исполнял указания, полученные в Петербурге? И тогда все – и даты, и последовательность, и выбор названий – выстраивается в четкую логическую цепочку! В декабре 1819 года на подступах к Антарктиде, вблизи островов Южная Георгия и Уиллис, Беллинсгаузен сделал «первый ход». Открытые им три мыса, бухта и остров получают имена офицеров экспедиции: соответственно Якова Порядина, Дмитрия Демидова, Ивана Куприянова, Павла Новосильского и Михаила Анненкова. Первое же крупное открытие – архипелаг в Южных Сандвичевых островах – было уверенчно именовано маркиза де Траверсе. Три острова в этом архипелаге получили имена еще трех офицеров экспедиции – Ивана Завадовского, Аркадия Лескова и Константина Торсона. В те же дни в водах Антарктики были совершены молебны «по случаю воспоминания-избавления России от нашествия галлов и с ними двадцати язык» и дан праздничный обед с «любимым кушанием русских, щи с кислую капустою и свежую свининою, пироги с сорочинским пшеном и нарубленным мясом. После обеда роздано каждому по полукружке пива, а в 4 часа по стакану пунша с ромом, лимоном и сахаром».

«Второй ход» Беллинсгаузен осуществил в июле–августе 1820 года, находясь в Полинезии. К востоку от острова Таити Беллинсгаузен продолжил свои топонимические «разведки», но здесь открытые земли назывались именами представителей дома Романовых, высшего генералитета армии и флота, именами высокопоставленных вельмож. «Увековечен» также был сам шлюп «Восток». Кроме того, присвоены были имена участ-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

ников экспедиции – Михаила Лазарева, Павла Михайлова и Ивана Симонова. Большинство этих атоллов являлось частью архипелага, впервые нанесенного на карты русской Антарктической экспедицией – «Островов Россиян» (Туамоту, Французская Полинезия).

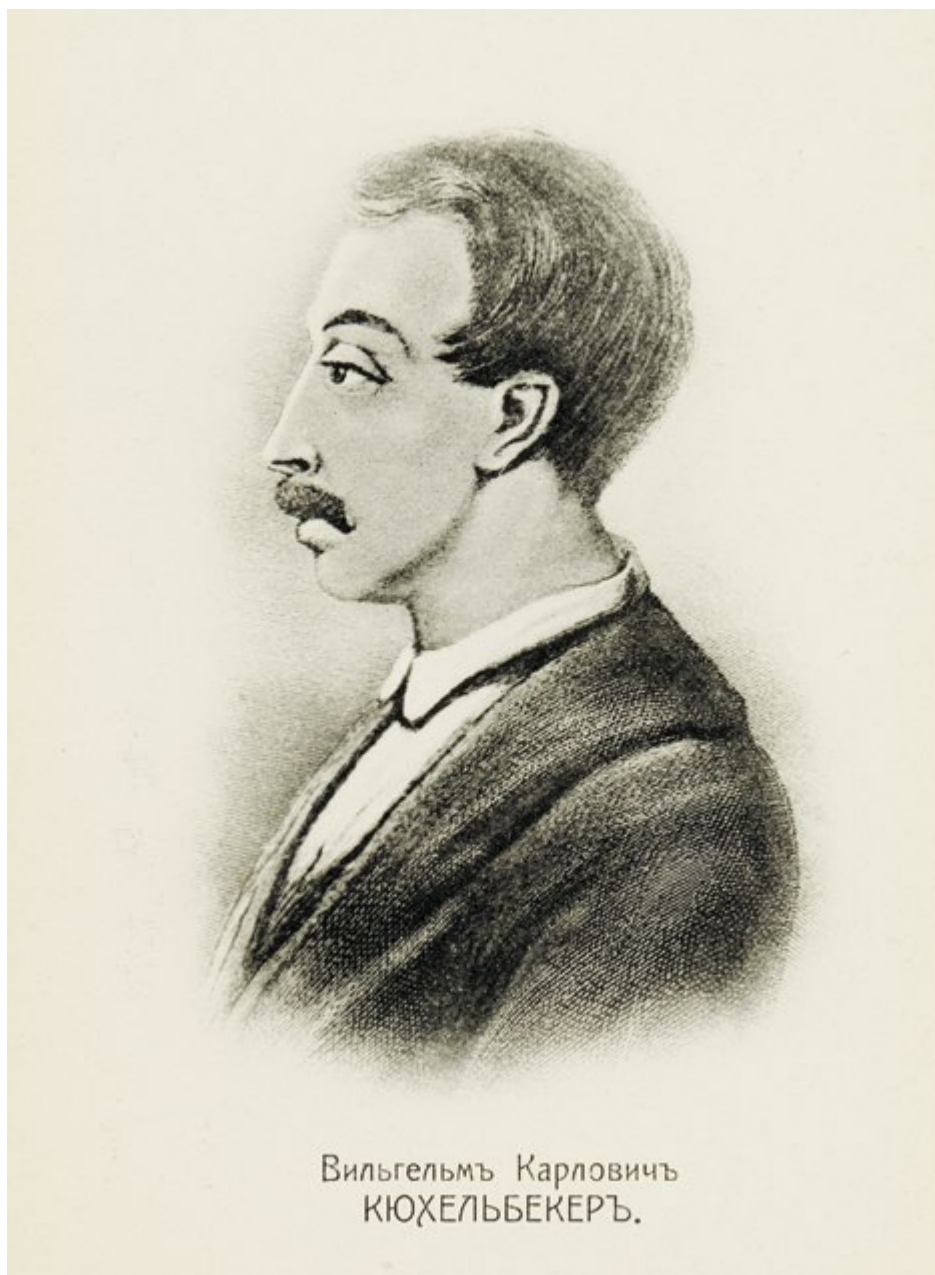
Когда же в январе 1821 года Беллинсгаузен вплотную приблизился к цели своего плаванья – Антарктиде, – на картах появились имена императоров Петра I и Александра I. И это стало его «третьим ходом!» Он был сделан в ходе очередной топонимической кампании в январе–феврале 1821 года в гряде Южных Шетландских островов. На сей раз Беллинсгаузен использовал названия, связанные с победами в войнах с Наполеоном (Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Березино, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо), и имена очередных государственных деятелей.

«Театр символов» в исполнении Беллинсгаузена выглядит вполне законченным. Размышляя над тем, кто являлся автором сценария столь грандиозного аллегорического «памятника», мы, разумеется, отдаем отчет в том, что подобная топонимическая практика распространена в истории географических открытий. Однако нелишне задаться вопросом: не был ли заложен здесь определенный геополитический смысл и не просматривается ли за общей топонимической композицией намек на символическую имперскую ре-

Портрет
императора
Александра I.
Из собрания
Государственного
Эрмитажа

презентацию? Ответ нам представляется утвердительным, так как само по себе появление русских названий в Тихом океане и Антарктиде гипотетически предполагает наличие соответствующей воли, державной идеи. Я не строю иллюзий по поводу достижения исторической достоверности. Тем не менее глаз любого исследователя поневоле привыкает распознавать в хаосе, казалось бы, случайных событий ряды схожих фактов, повторение одних и тех же тенденций. Часто они не столько представляют некий единый план, сколько подразумевают возможную схему развития событий. Если рассматривать вопрос под таким углом, то первое, что выходит на первый план, – это фигура главного организатора экспедиции, императора Александра I.

Возможно, в личности императора и следует искать ответ. Александр I был натурой противоречивой и загадочной. Можно полагать, что, задумывая экспедицию «для обретения неизвестных стран», внук Екатерины II и сын Павла I воплощал в жизнь новый державный сценарий, в котором он, победитель Наполеона, отводил себе новую роль – наследника великих военно-морских свершений Петра Великого. Европе мы несем порядок, а в южную часть Тихого океана – свет цивилизации! Как бы случайно обмолвившись, Беллинсгаузен в проекте письма императору Николаю I от 13 февраля 1829 года намекнул об этом: «Александр благословенный поручил мне исполнить собственную мысль и волю в Южном полушарии». Но мог ли предполагать император и державший в своих руках все нити экспедиции маркиз де Траверсе, что вместо обширных тропических земель и будущих колоний перед его мореплавателями предстанут непроходимые ледяные поля? Да и хватило бы у Петербурга ресурсов наряду с Сибирью и Аляской еще и на проведение тихоокеанской экспансии? ■

Вильгельмъ Карловичъ
КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДОН КИХОТ ЗОЛОТОГО ВЕКА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВИЛЯ, КЮХЛЯ, ПУШКИНСКИЙ «БРАТ РОДНОЙ
ПО МУЗЕ, ПО СУДЬБАМ» – ФИГУРА ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ
В НАЧАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ И ГЛУБОКО ТРАГИЧЕСКАЯ
В КОНЦЕ. НЕЛЕПЫЙ, ВОСТОРЖЕННЫЙ, ВОСПЛАМЕНЯЮЩИЙСЯ –
ОН НЕ ТОЛЬКО МЕЧТАЛ О СВОБОДЕ, НО И ПОШЕЛ ЗА ЭТОЙ МЕЧТОЙ.
И РАЗБИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ.

О КОНЧИВ ЛЕЙПЦИГ-ский университет, саксонский дворянин Карл Генрих Кюхельбекер, как и многие его соотечественники, решил искать счастья в России. Агроном переселился сюда еще при Екатерине II, но служил сначала наследнику престола, а затем императору Павлу I. Стал первым директором Павловска. Павел благоволил Кюхельбекеру и подарил ему имение Авиноорм в Эстонии, тогдашней Лифляндии. Женой Карла Генриха стала Юстина Яковлевна Ломен, из семьи балтийских служилых дворян. У Кюхельбекеров было пятеро детей – две девочки, Юстина и Юлия, и три мальчика, Федор (умер в 1806 году), Вильгельм и Михаил. Вильгельм родился 10 (21) июня 1797 года. В последних годах XVIII века Юстина Яковлевна была няней великого князя Михаила Павловича.

Первым языком мальчика стал русский. «До шести лет я не знал ни слова по-немецки, природный мой язык – русский, – писал Кюхельбекер своему племяннику. – Первыми моими наставниками в русской словесности были моя кормилица Марина да няньки мои Корниловна и Татьяна». Мать его русского не знала совсем, говорила и писала только по-немецки.

Детство прошло в родительском имении недалеко от побережья Псковско-Чудского озера. В 9 лет мальчик переболел золотухой – так называли туберкулезное воспаление кожи и шейных лимфатических желез, – от чего оглох на одно ухо. В 11 лет его отдали в немецкий пансион Иоганна Фридриха Бринкмана в городе Верро (сейчас Выру в Эстонии). В следующем году семья лишилась кормильщицы: в 1809-м Кюхельбекер-старший умер от чахотки, и семья осталась почти без денег. Имение Авиноорм пришлось продать. Старшая дочь, Юстина, к этому времени уже была замужем за профессором Дерптского университета Григорием Глинкой. Она помогала овдовевшей матери заботиться о детях, все Кюхельбекеры летом жили в смоленском имении

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Глинок Закуп. Глинка до самой своей смерти в 1818 году, по сути, был главой семьи Кюхельбекеров, переписывался с Вилей, когда тот учился в лицее, разбирал его стихи, руководил его чтением. Тем не менее семье было нелегко выбраться из нужды. Письма Юстины Яковлевны сыну в его лицейские года полны печальных признаний: не могу приехать, потому что дорого, не могу оплатить твои долги – денег нет. Она отговаривала Вильгельма от идей стать учителем в провинции или стихотворцем: это не прокормит. Кюхельбекерам приходилось полагаться на протекцию со стороны влиятельных родственников. Именно так, по хлопотам дальнего родственника матери Михаила Барклая-де-Толли, Вилю приняли сначала в пансион Бринкмана, а затем – в Царскосельский лицей. Хорошее образование получили и другие дети в семье: Михаил учился в Морском кадетском корпусе, Юлия – в училище ордена святой Екатерины.

БЕХЕЛЬКЮКЕРИАДА

В лицее Виля выделялся среди других мальчиков. Высокий, худой, нескладный, склонный к рассуждениям о возвышенном, вспыльчивый, да еще глухой на одно ухо – такие дети во все времена становятся мишенью если не школьной травли, то постоянных упражнений ровесников в остроумии. Мальчика прозвали «уродом пресовишенным», «тевтом», «клопштоковой глистой» (Клопшток – любимый поэт Кюхельбекера), подшучивали над ним жестоко. Иван Малиновский, сын директора лицея и самый старший из лицейстов, «повеса из повес, на шалости рожденный, удалый хват, головорез», как назвал его Пушкин в «Пирующих студентах», однажды за что-то рассердился на Кюхельбекера и вылил ему на голову тарелку супу. Виля побежал топиться в царскосельском пруду, но пруд за лето обмелел, и долго-

В.П. Лангер. Вид Садовой набережной с частью Екатерининского дворца и лицея. Из сюиты «Двенадцать видов Царского Села». 1820 год

вязый подросток не смог даже зайти на достаточную глубину. Его вытащили – и в лицейском журнале появилась очередная карикатура. Даже Пушкин – и тот подтрунивал над приятелем: «Вильгельм, прочти свои стихи, чтоб мне заснуть скорее».

В лицее издавалось несколько журналов. В одном из них, «Лицейском мудреце», сохранились и карикатуры, и сатирические заметки. К примеру, драка Кюхельбекера и другого воспитанника, Мясоедова, изображалась как конфликт двух монархий: Бехелькюкериады, производящей «великий торг мерзейшими стихами», и Осло-Доясомев, которая торгует «лорнетами, париками, цепочками...». Рассказывалось, как Осло-Доясомев «напала с великим криком на провинцию Бехелькюкериады, называемую *sourde oreille*», то есть глухое ухо, но «зато сия последняя отмысла ужаснейшим образом»...

Нельзя сказать, однако, что лицейская жизнь была для Вильгельма сплошным мучением. Он живо интересовался науками, серьезно учился. Лицейский инспектор Мартын Пилецкий, составлявший характеристики на своих подопечных, написал: «Кюхельбекер Вильгельм, лютеранского вероисповедания, 15 лет. Способен и весьма прилежен; беспрестанно занимаясь чтением и сочинениями, он не радеет о прочем, оттого в вещах его мало порядка и опрятности. Впрочем, он добродушен, искренен, с некоторою осторожностью, усерден, склонен ко всегдашнему упражнению, избирает себе предметы важные, плавно выражается и странен в обращении. Во всех словах и поступках, особенно в сочинениях, приметны некоторое напряжение и высокопарность, часто без приличия. <...> Раздраженность нервов его требует, чтобы он не слишком занимался, особенно сочинениями».

А.С. Пушкин. Портрет В.К. Кюхельбекера среди прочих на странице рукописи романа «Евгений Онегин». Черновая рукопись пятой главы. 1826 год

НАШ ЛЕКСИКОН

В лицее сформировался дружеский круг Кюхли: Пушкин и его ближайшие друзья – Дельвиг и Пущин. Их роднила любовь к словесности, философский склад ума, живой интерес к обществу и происходящим в нем процессам. Во время войны 1812 года мальчики бурно обсуждали ход военных действий: Юстина Яковлевна Кюхельбекер потратила немало чернил, убеждая сына отказать от мысли уйти в действующую армию.

Вильгельма занимало высокое, героическое: идеальное устройство общества, служение отчизне. Викентий Вересаев пишет в «Спутниках Пушкина»: «...под смешной и нелепой наружностью Кюхельбекера таился чистейший энтузиаст, горевший мечтами о добре и красоте, восторженный любитель поэзии, добрейший и незлопамятный человек. <...> Пушкин называл его живым лексиконом и вдохновенным комментарием, а директор лицея Энгельгардт дал о нем такой отзыв: «Читал все и обо всем; имеет большие способности, прилежание, добрую волю, много сердца и добродушия, но в нем совершенно нет вкуса, такта, грации, меры и определенной цели. Чувство чести и добродетели проявляется в нем иногда каким-то донкихотством». Тут, кажется, очень точно найдено сравнение: Дон Кихот.

«Наш лексикон» – это не просто фигура речи. В лицейские годы Кюхельбекер завел толстую тетрадь. В ней он по алфавиту делал выписки из прочитанных книг по темам, которые больше всего его волновали: «образ правления», «рабство», «свобода»... Вот две его выписки, дающие представление об образе мыслей юного лицеиста: «...Для гражданина самодержавная верховная власть дикий поток, опустошающий права его...» (Шиллер). «...Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением разорвать петлю...» (Вейс).

Он много читает – античную поэзию, Руссо, Шиллера, Шекспира,

Титульный лист журнала «Амфион». Февральский номер за 1815 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гёте, Клопштока... И пишет сам – на русском и немецком. Первая его публикация, как и ряда других лицейстов, состоялась в 1815 году в журнале «Амфион». Хотя, возможно, даже раньше: Рубен Назарьян убедительно доказывает, что ода «На взятие Парижа», опубликованная в июне 1814 года в «Вестнике Европы» за подписью «Руской», принадлежала перу Кюхельбекера, а не Дельвига. Свои ранние стихи Кюхельбекер, любитель античной поэзии, писал торжественным тяжеловесным гекзаметром. Лицейсты

А.С. Пушкин. Не искушай меня без нужды. Автопортрет в клобуке монаха в альбоме Ушаковых. 1829 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

посмеивались над этим выбором и сравнивали его с Тредиаковским.

В поэзии Кюхельбекер уверенно шагал дорогой не столько Тредиаковского, сколько Ломоносова и Державина: в стихах он ценил возвышенные темы, торжественное звучание, библейский размах, гром меди. Отсюда его любовь к классицистским «высоким» жанрам – поэме, оде, трагедии, отсюда стремление создать что-то великое, послужить отечеству и прославить себя. Как и его любимый Клопшток, он верил в мессианское предназначение поэта. Он и Пушкина убеждал не заниматься легкомысленными безделками, а дать отечественной литературе что-то великое: «Онегина» он, кстати, находя в нем и музыку, и страсть, и чудо, – великим не считал: уж больно непохож пушкинский роман оказался на героические образцы, вдохновлявшие Кюхельбекера. В 1822 году он писал матери из Тифлиса, где работал над трагедией «Аргивяне»: «У меня теперь почти единственная страсть: учиться и оставить по себе что-нибудь такое, что заставит прозвучать в стране мое немецкое имя как самое русское». Для него это действительно было очень важно: он любил Россию, считал себя русским, его даже называют первым в России славянофилом. И старался доказать с лицейских времен, что он не «тевтон», что русским человек может быть не по крови, а по любви, языку, культуре, делам. Он глубоко ценил национальное, искреннее, подлинное. Старался создавать настоящие русские стихи, настоящую русскую прозу; эти поиски позднее сблизили его с адмиралом Шишковым и шишковистами и увели в дебри суровых архаизмов. Его повесть «Адо», единственную, наверное, попытку писать русскую прозу «высоким» стилем, читать совершенно невозможно: «Днем исходили они вместе на бой с медведями, на ловитву лосей и лис. Тогда обвертывали они шуйцу ветхим рубищем и лыком, а десницу вооружали кистенем убийственным».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧАЦКИЙ И ЛЕНСКИЙ

Окончив лицей с серебряной медалью и чином титулярного советника в 1817 году, он, как и Пушкин, поступил на службу в Главный архив Коллегии иностранных дел. Там же служил Грибоедов, с которым он быстро подружился.

Кюхельбекер еще в лицейские годы задумывался об учительском призвании и вскоре начал преподавать русскую словесность в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. Он работал в младших классах, его учениками были Левушка Пушкин и Миша Глинка. Вильгельм не только вел уроки, но и работал гувернером; кроме того, у него были частные ученики. Директор лицея Егор Энгельгардт писал, что Кюхельбекер «живет как сыр в масле», «читает восьмилетним детям свои гекзаметры» и «притом присутствует очень прилежно в Обществе любителей словесности и при всем этом еще в каждый почти номер «Сына отечества» срабатывает целую кучу гекзаметров». Молодой поэт действительно много печатался в журналах и уже в 1819 году стал сначала сотрудником, а затем действительным членом Вольного общества любителей российской словесности.

В это время он много видится с лицейскими друзьями: как до-казывает Юрий Тынянов, пере-

числение тем, которые обсуждали Онегин с Ленским, это следы бесед Пушкина с Кюхельбекером. Стихи Ленского носят отпечаток стихов Кюхли, даже сама глупая вспыльчивость Ленского напоминает выходки Кюхли. Тому свидетельством – история дуэли Пушкина и Кюхельбекера из-за знаменитой пушкинской эпиграммы – «и кюхельбекерно, и тошно». Жуковский рассказывал, что маялся животом, к нему пришел Кюхельбекер и долго читал стихи, а лакей Яков нечаянно запер дверь. Пушкин написал эпиграмму, Кюхля смертельно обиделся. Лицейист Николай Маркевич рассказывал: «Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли, но отказаться было нельзя. Дельвиг был секундантом Кюхельбекера и стоял от него налево.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Беггров.
Вид Английской набережной у Первого Крюкова моста.
2-я четверть XIX века

Титульный лист журнала «Сын отечества». Часть 46-я (С.-Пб., 1818)

Кюхельбекер начал целиться, и Пушкин закричал: «Дельвиг! Стань на мое место, здесь безопаснее». Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал пол-оборота и пробил фуражку на голове Дельвига. «Послушай, товарищ, – сказал Пушкин, – без лести – ты стоишь дружбы; без эпиграммы – пороку не стоишь», – и бросил пистолет». Ссора окончилась примирением.

Когда Пушкина выслали из столицы в 1820 году, Кюхельбекер в Вольном обществе прочитал стихотворение «Поэты», которое заканчивалось строками, посвященными Пушкину:

*Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.
О други! песнь простого чувства
Дойдет до будущих племен –
Весь век наш будет посвящен
Труду и радостям искусства;
И что ж? пусть презрит нас толпа:
Она безумна и слепа!*

На него написали донос министру внутренних дел, и можно было ожидать, что за этим последуют какие-то меры, так что нужно было пересидеть грозу где-то подальше от Петербурга. К тому же и преподавание потеряло для него свою прелесть: его ученики перешли в высшие классы, где у них был уже другой преподаватель, оборвалась

Лев Сергеевич Пушкин около 1820 года.
Карандашный рисунок
А.О. Орловского

привязанность – и он легко мог оставить Благородный пансион. Александр Нарышкин, бонвиван, вельможа, только что вышедший в отставку директор Императорских театров, по протекции Дельвига взял Кюхельбекера с собой в Париж в качестве секретаря. В сентябре 1820 года Кюхельбекер отправился в путь через Германию, где встречался в Новалисом и Гёте, – и в марте прибыл в Париж. Там он окупился в интеллектуальную жизнь европейской столицы: встречался с писателями, поэтами, философами, учеными. Общество «Атеней» пригласило его читать лекции о русской литературе в городском лектории; он рассказывал не только об истории русской литературы, но и о современных поэтах – Батюшкове, Пушкине, недавно умершем Державине. При этом позволял себе критические замечания о крепостном праве, говорил о политической несвободе. Узнав об этом, Нарышкин освободил его от должности, а российское посольство отправило обратно. В Петербурге неблагонадежный молодой человек не мог найти себе работы и по хлопотам друзей устроился чиновником особых поручений с чином коллежского асессора при генерале Ермолове; император лично дал на это согласие. В сентябре 1821 года Кюхельбекер прибыл в Тифлис, где с радостью встретил Грибоедова. Именно там они крепко сдружились; Грибоедову посвящены многие стихи Кюхельбекера. Некоторые литературоведы считают, что горячность, вольномыслие и нелепое поведение Чацкого – это черты Кюхельбекера. Но даже если его нельзя точно считать прототипом главного героя, то первым читателем «Горя от ума» он сам себя называл. И что важно: именно Грибоедов повлиял на творческие поиски Кюхельбекера, так удивившие Пушкина и его друзей. Кюхля стал архаистом, шишковистом! «Охота же тебе читать Шихматова и Библию. <...> Какой злой дух, в виде Грибоедова, удаляет тебя в одно время и от

Г.Г. Гагарин.
Тифлис.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей твоих!» – писал ему Пушкин. На Кавказе Кюхельбекер тоже не задержался. В марте 1822 года он поссорился с племянником генерала Ермолова Николаем Похвисневым и дал ему пощечину. После этого дуэль оказалась неизбежной. Она состоялась 20 марта 1822 года. Граф Николай Муравьев-Карский рассказывает в «Записках»: «Кюхельбекер стрелялся с Похвисневым; один дал промах, у другого пистолет осекся, и тем дело кончилось».

А.-Х. Ритт.
Портрет
Александра
Львовича
Нарышкина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Впрочем, Кюхельбекер впоследствии упоминал о пулевом ранении в левое плечо, которое много лет спустя причиняло ему беспокойство – возможно, это последствие той дуэли. 26 апреля Кюхельбекер подал в отставку. Ермолов удовлетворил прошение и дал ему расплывчатую характеристику: «...по краткости времени его здесь пребывания мало употребляем был в должности и потому собственно по делам службы способности его неизвестны». Он уехал, чувствуя себя гонимым, неприканным, помышлял о самоубийстве. Уехал к сестре в смоленское имение. Работал там над трагедией «Аргивяне» – о тираноборце, который колеблется между любовью к брату и ненавистью к тирании и наконец принимает участие в убийстве брата. Ненависть к тирании росла в нем и крепла. Еще лицеистом, вместе с Пуцциным, Дельвигом и Вольховским, он бывал на собраниях преддекабристской «Священной артели» – кружка Никиты Муравьева и Ивана Бурцова. Там осуждали самодержавие и крепостное право, а идеалом управления государством считали новгородское вече. Год в смоленском имении дал Кюхельбекеру своими глазами увидеть, что такое крепостное право. Впоследствии он объяснял Следственному комитету свои убеж-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

В 1825 году он сблизился с Рылеевым и Бестужевым, издавателями «Полярной звезды». Сходство их взглядов было очевидным – так что принятие Кюхельбекера в «Северное общество» чуть ли не за неделю до восстания было, скорее, формальностью, подтверждением решительных намерений.

14 декабря 1825 года он пришел на Сенатскую площадь с палашом и пистолетом. Его брат Михаил тоже пришел; он предлагал Вильгельму уйти со словами «сохрани хотя бы одного сына матери», но тот остался. Он активно участвовал в восстании, члены Следственного комитета говорили ему потом: «...в день происше-

ствия вы так много суетились и такое деятельнейшее принимали участие в предприятии членов тайного общества, что успевали быть в разных полках, сзывать членов общества и действовать на Петровской площади». Он пытался стрелять в брата императора, великого князя Михаила Павловича, но матрос Сафон Дорофеев ударил Кюхельбекера по руке и тот выронил пистолет. Потом, подобрав его, он пытался стрелять в генерала Воинова, но в пистолет набился снег. Затем, когда восставших стали разгонять пушками, он пытался построить солдат и пойти с ними на штыки, но те не послушались его. Вернувшись домой, он надел одежду своего слуги, взял документы на имя смоленского крестьянина, плотника Ивана Подмастерникова, и решил бежать за границу. Вместе со слугой Семеном Балашовым ушел из Петербурга, два раза ночевал в имениях у родственников, переехал в Закуп к сестре. Там деревенский староста дал им извозчика, который довез их почти до города Борисова, а затем пошел далее. У местечка Цехановец он отпустил слугу домой, а сам направился в Варшаву, где надеялся найти своего соученика, лицеиста Есакова. Он пытался расспрашивать

дения: «...угнетение истинно ужасное (говорю не по слухам, а как очевидец, ибо жывал в деревне не мимоездом), в котором находится большая часть помещичьих крестьян, особенно же господ мелкопоместных и среднего разбора (исключая миллионеров и то не всех) и совершенно бедных». Если бы не это «барство дикое», по пушкинскому выражению, он бы очень любил Закуп и, может быть, дольше жил там спокойно и мирно. Он гулял, купался, писал трагедию, играл с племянником, читал с ним. И самое главное – там, в Закупе, он встретил и полюбил дальнюю родственницу Глинок, Авдотью Тимофеевну Пушкину. Любовь эта была взаимной, но жениться Кюхельбекер не мог: у него не было ни работы, ни денег, ни дома, ни положения в обществе. В конце концов он не мог привести жену в дом к сестре и ее мужу. А значит, надо было как-то устроиться в жизни. Летом 1823 года он уехал в Москву.

Здесь он вместе с Одоевским взялся за издание альманаха «Мнемозина». Оно сначала пошло хорошо, первая часть принесла прибыль, но затем альманах стал опаздывать с выходом, Кюхельбекеру пришлось заниматься поденной журнальной работой. Он печатался среди прочего в «Сыне отечества» и «Северном архиве», журналах

Греча и Булгарина – его литературных противников. Когда Кюхельбекер после восстания на Сенатской площади сбежал, его опознали по словесному портрету, который сделал испугавшийся Булгарин: «Росту высокого. Сухощав. Глаза навывкате. Волосы коричневые. Рот при разговоре кривится. Бакенбарды не растут, борода мало зарастает. Сутуловат и ходит немного искривившись. Лет ему от роду около 30-ти».

Некоторое время Кюхельбекер преподавал литературу в частном женском пансионе Кистера и был домашним учителем у внука графа Орлова. Найти постоянное место службы ему никак не удавалось. Свадьба с Дуней Пушкиной опять откладывалась.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Ф. Тимм.
Восстание
14 декабря
1825 года
на Сенатской
площади.
1853 год

А.С. Грибоедов.
Акварельный
портрет работы
В.И. Мошкова.
1827 год

унтер-офицера лейб-гвардии Волынского полка Григорьева, но тот узнал его по словесному описанию Булгарина и задержал. Кюхельбекера заковали в кандалы и отправили в Петербург. 26 января его заключили в каземат №12 Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

На допросах он давал подробные показания, мучительно страдал, размышляя, не назвал ли кого-то лишнего, не причинил ли кому-то вреда, поэтому объяснял, дополнял, дописывал свои показания. Удивительно, что на вопрос сестры, к кому обращаться с просьбой о помиловании, Кюхельбекер сказал: к великому князю Михаилу Павловичу. И в самом деле: именно по ходатайству великого князя отсечение головы, к которому изначально был приговорен Кюхельбекер, было заменено двадцатью годами каторжных работ. Затем их заменили пятнадцатью годами одиночного заключения, а их потом сократили до десяти.

Он отбывал заключение сначала в Кексгольмской крепости, затем в Шлиссельбургской, после – в арестантских ротах Динабургской крепости, в Вышгородском замке Риги, в арестантских ротах Свеаборга. В заключении много читал; выучил английский язык, вел дневник, в который вошли его литературно-критические заметки и стихи. При переезде в Динабург 15 октября 1827 года он случайно встретился с Пушкиным, который еле его узнал. «Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдгегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством – я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, – но куда же?» – записал в тот же день Пушкин.

Вильгельм Кюхельбекер и Кондратий Рылеев на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.
Рисунок А.С. Пушкина. 1827 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ССЫЛКА

Из Свеаборга Кюхельбекера выпустили в 1835 году – на пять лет раньше, чем он ожидал, – и выслали в Баргузин Иркутской губернии на вечное поселение. Там уже жил в ссылке его брат Михаил. В Баргузине не было никакого образованного общества. Ссылные должны были жить собственным крестьянским трудом или нанимать работников, если семьи помогали им деньгами. Какое-то время Вильгельму помогал брат Михаил, брат уже врос в местную жизнь и показался Вильгельму человеком равнодушным, обывкшимся в местном

обществе, где весь досуг составляют пьянство и карты.

Кюхельбекер пытался жить своим хозяйством: купил семена, договорился с местным мужиком, что тот обработает землю – и урожай пополам; посадил пшеницу, рожь и овощи... Он постоянно просил петербургских друзей раздобыть для него разрешение печататься, чтобы зарабатывать литературой, но разрешения так и не получил. Он жадно хватался за литературные новости из Петербурга, но иногда эти новости были убийственными: так он узнал о смерти Пушкина. В лицейский день, 19 октября 1837 года, Кюхельбекер написал:

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный
и хилый,
Над страшной всех надежд моих
могилой,
Над мрачным гробом всех моих
друзей.
В тот гроб бездонный, молнией
сраженный,
Последний пал родимый мне
поэт...
И вот опять Лицея день
священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!

Поселок Баргузин. Дом, в котором на поселении жили братья Кюхельбекер

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Еще в заключении Кюхельбекер вернул Авдотье Пушкиной данное ею слово. Она так и не вышла замуж. Он надеялся, что она сможет к нему приехать, как приехали к другим декабристам их жены и невесты. Но она не приехала. Он женился на местной девушке, дочери почтмейстера Дросиде Артемовой. Она была неграмотна; он научил ее читать и писать. Он с нежностью относился к своей «Дронюшке», рассказывал в письме Пушкину о ее необыкновенных очах. Но Иван Пущин, которого Кюхельбекер посетил с женой и двумя детьми, отзывался о ней крайне скептически, как о толстой мужиковатой бабе с невозможно тяжелым характером, которая «бесится на просторе», дети визжат, а Кюхельбекер приговаривает: «Ты видишь, как она раздражительна». Детей в этом браке родилось четверо, но выжили только двое: сын Михаил и дочь Юстина. В одном из писем племяннице Кюхельбекер жаловался, что должен поступать с женой как с ребенком, «потому что ум у нее истинно младенческий». Прожив в Баргузине четыре года, Кюхельбекер уехал в пограничную крепость Акшу: начальник крепости Разгильдеев нанял его домашним учителем и гувернером двух своих дочерей, Анны и Вассы. Разгильдеев давал ему жалованье, стол и кров; у него дома были французские книги и фортепьяно – и Кюхельбекер стал понемногу оживать. Здесь он снова почувствовал, что возвращается в литературный процесс, от которого

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го был оторван на долгие годы. Здесь он открыл для себя Лермонтова – и записал: «Итак, матушка Россия, поздравляю тебя с человеком!» Жалованье позволило ему расчитаться с долгами. У него появились еще два ученика – сыновья казачьего атамана. Но жена, оторванная от родного Баргузина, сидела одна дома, ни с кем не общалась и бесконечно дулась на мужа – а тот, как назло, горячо привязался к своей ученице, 15-летней Анне. Разгильдеева вскоре перевели в другое место, один из оставшихся учеников погиб, оставаться в Акше, голодной после тяжелого неурожая, уже не было никакого резона. Он два года пытался добиться перевода в другое место – и только в 1844 году получил разрешение перебраться в Курган. По дороге семья попала в бурю на озере Байкал; ночевали под холодным дождем

Н.А. Бестужев.
Портрет
Михаила
Карловича
Кюхельбекера.
Акварель.
1831 год

М.С. Знаменский.
Вид Тобольска
с южной стороны.
Середина
XIX века

на островке среди озера – поэт простудился, затем начался туберкулез, кроме того, он стремительно терял зрение. В Кургане он прожил менее года – и вынужден был просить о переводе куда-нибудь, где есть врач: туберкулез, паховая грыжа, наступающая слепота сделали его совершенно беспомощным. В начале 1846 года он перебрался в Тобольск. Впрочем, тобольские врачи уже ничем не могли ему помочь. Его последние стихи разительно отличаются от юношеских – с них слетела вся приподнятость, вся мишура – осталась только невыносимая мука:

*Горько надоел я всем,
Самому себе и прочим:
Перестать бы жить совсем!
Мы о чем же здесь хлопочем?
Ждешь чего-то впереди...
Впереди ж все хуже, хуже;
Путь грязней, тяжелее, уже –
Ты же все вперед иди!
То ли дело лоно гроба!
Там безмолвно и темно,
Там молчат мечты и злоба:
В гроб убраться бы давно!*

Дросида Ивановна вспоминала о последних днях мужа: «В Тобольске он уже окончательно потерял зрение, и здоровье его с каждым днем делалось слабее, а положение становилось несноснее. Спасибо друзьям, они не оставляли его в эти грустные минуты жизни. Ершов читал ему беспрестанно разные сочинения, рассуждал с ним продолжительно... Он до самой почти смерти был в движении, а за день до смерти ходил по комнате и рассуждал еще о том, что, несмотря на дурную погоду, он чувствует себя как-то особенно хорошо».

Он умер 11 (23) августа 1846 года. Последние его слова: «И так кругом тьма, теперь – вечная». Поэт без читателя, критик без возможности печататься, литератор, чьим главным произведением стала его собственная жизнь, штатский с пистолетом и палашом, пытающийся построить солдат, – Виля, Кюхля, одна из самых трагических фигур золотого века русской поэзии, ее вечный Дон Кихот. ❧

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

АВТОР

ЕВГЕНИЯ КАЛМЫКОВА

ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ ХОДИЛИ ЛЕГЕНДЫ. ОДНА ИЗ НИХ СВЯЗАНА С КРЫМСКОЙ ВОЙНОЙ 1854–1855 ГОДОВ. РАССКАЗЫВАЛИ, БУДТО В ОДИН ИЗ ДНЕЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ НА ПЕРЕВЯЗОЧНЫЙ ПУНКТ ПРИНЕСЛИ ТЕЛО СОЛДАТА БЕЗ ГОЛОВЫ. САНИТАРЫ, ДОСТАВИВШИЕ ЕГО, ОБЪЯСНИЛИ: «ГОЛОВУ НЕСУТ ЗА НАМИ. ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР КАК-НИБУДЬ ПРИВЯЖЕТ, АВОСЬ ЕЩЕ ПРИГОДИТСЯ НАШ БРАТ-СОЛДАТ». ТАКОВА БЫЛА ВЕРА В ВОЗМОЖНОСТИ НЕОБЫКНОВЕННОГО ВРАЧА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

СОВРЕМЕННОКИ СЧИТАЛИ ЕГО ЛУЧШИМ ХИРУРГОМ СТРАНЫ. ПИРОГОВ СТАЛ ЕДИНСТВЕННЫМ УЧЕНЫМ, ЧЕТЫРЕ РАЗА ПОЛУЧИВШИМ ВЫСШУЮ НАУЧНУЮ НАГРАДУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – ДЕМИДОВСКУЮ ПРЕМИЮ. ЕГО ОТКРЫТИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ

В МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ ПОТЯСЛИ ВЕСЬ МИР. ИМЯ ПИРОГОВА НОСЯТ БОЛЬНИЦЫ, ЖУРНАЛЫ, УНИВЕРСИТЕТ, САМОЛЕТ И ДАЖЕ АСТЕРОИД. ПАМЯТНИКИ ХИРУРГУ УСТАНОВЛЕНЫ В МОСКВЕ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, СЕВАСТОПОЛЕ, ВИННИЦЕ, ДНЕПРЕ (ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ) И ТАРТУ.

ТРИНАДЦАТЫЙ

Церковь Живоначальной Троицы в московских Сыромятниках не сохранилась. А жаль. Ведь именно здесь крестили будущее светило медицины. Выписка из метрической книги церкви свидетельствует: «1810 год. Ноябрь. 13 числа.

Эскиз И.Е. Репина к его картине «Приезд Н.И. Пирогова в Москву на юбилей по поводу 50-летия его научной деятельности (1881)»

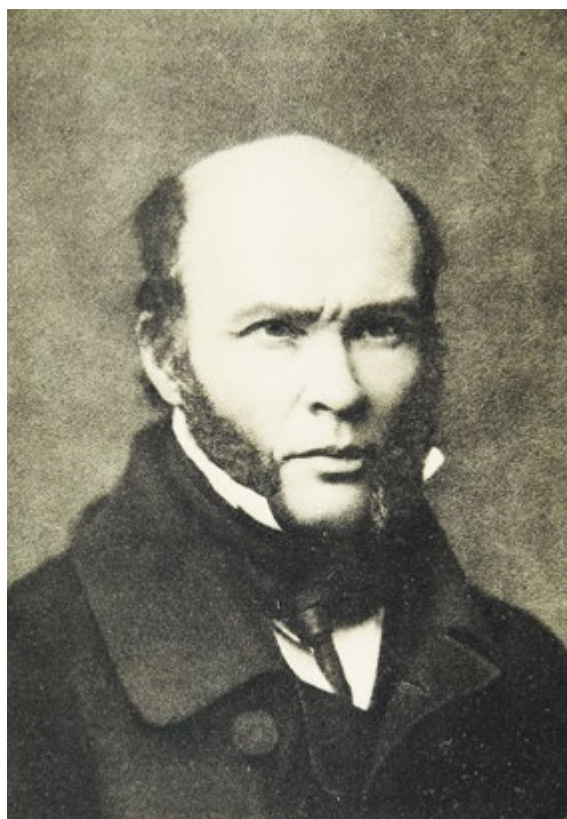
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Церковь Живоначальной Троицы в Сыромятниках

У коллежского секретаря Ивана Иванова Пирогова родился сын Николай». Тринадцатый ребенок в семье.

Одно из самых ярких воспоминаний детства – знаменитая комета 1811 года. Точнее, не сама комета, а шум вокруг нее: только и было разговоров о приближающемся конце света. Речь о том самом небесном теле, которое упоминают Пушкин в «Евгении Онегине» («вина кометы брызнул ток») и Лев Толстой в «Войне и мире». «Не помню и того, когда начал себя помнить; но помню, что долго еще вспоминал или грезил какую-то огромную звезду, чрезвычайно светлую», – писал Пирогов в своем «Дневнике старого врача». Еще одно яркое воспоминание – стук топоров: Москва восстанавливалась после пожара и ухода французов. Дед Пирогова, Иван Мокеевич, был крестьянином. Его сын, Иван Иванович, дослужился до чина обер-офицера, который давал право на дворянство. Так что будущий хирург родился уже в дворянской семье. Мать, Елизавета Ивановна, происходила из старинной купеческой семьи Новиковых. Она вышла замуж в 18 лет и родила 14 детей, из которых выжили только шесть. Николай боготворил свою мать и считал ее красавицей. Он вспоминал, как в детстве «любовался ее темно-красным, цвета массака платьем <...> и двумя локонами, висевшими из-под чепца». Полагал, что унаследовал от матери художавость, религиозность, трудолюбие и бережное отношение к деньгам.

С ранних лет Николая отличала любознательность. Он легко освоил алфавит по наводнившим Москву после Отечественной войны 1812 года карикатурам на французов. Увлёкся собиранием гербариев, когда знакомый отца, доктор Клаус, подарил ему справочник лекарственных растений. В 9 лет Николаю наняли первого учителя. Его стараниями к моменту поступления в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пансион Василия Степановича Кряжева для детей благородного звания мальчик овладел четырьмя правилами арифметики, читал и переводил латинскую и французскую хрестоматию.

С профессией мальчик определился еще в раннем детстве, после того как один из его старших братьев тяжело заболел. Врачи сменяли друг друга, но болезнь и не думала отступать. И тогда отец решил пригласить к заболевшему сыну мест-

Николай
Иванович
Пирогов.
1850-е годы

Ефрем
Осипович Мухин
(1766–1850),
русский врач,
хирург, анатом,
физиолог,
основоположник
русской
травматологии

ную знаменитость – профессора Ефрема Осиповича Мухина. Его визит оставил неизгладимый след в памяти Николая: богатый экипаж, всеобщее уважение и сам вид «светила» вызвали у мальчика «желание подражать» и стать со временем знаменитым врачом. Седовласый господин «с сильно выдающимся подбородком» помог больному брату, и тот скоро пошел на поправку. А юный Николай отныне начинает играть «в лекаря»: он проверяет пульс у родных, осматривает языки, выписывает рецепты и с важным видом ходит по дому.

Но в дом Пироговых снова пришла беда. У отца обнаружился на службе колоссальный, в несколько десятков тысяч рублей, долг, так что ему пришлось расстаться с должностью. Вслед за тем Пироговы простились с большей частью имущества: пришлось погашать долги. Семья была разорена. Николай был вынужден распрощаться с учебой в пансионе Кряжева, а учиться предстояло еще четыре года. И тогда отец вновь обращается к Мухину с просьбой помочь Николаю поступить на медицинский факультет Московского университета. Как впоследствии признавался сам Николай Иванович в «Дневнике старого врача»: «Непременно предопределено было Е.О. Мухину повлиять очень рано на мою судьбу». Мухин был деканом медицинского факультета и смог помочь Пирогову на экзаменах, во время которых обнаружился не только недостаток знаний абитуриента в латинском языке, но и слишком юный возраст. Дело в том, что к поступлению в университет допускались лица, достигшие 16 лет, а Николаю в ту пору было лишь 14. Благодаря связям в военном ведомстве Ивану Ивановичу удалось получить новое свидетельство на сына, согласно которому Николаю якобы уже исполнилось 16 лет. В 1824 году Пирогов стал студентом университета.

**ПОГРУЖЕНИЕ
В ПРОФЕССИЮ**

С этого момента покровительство профессора Мухина закончилось. Трудности теперь приходилось преодолевать самостоятельно. Годы учебы были для Пирогова временем тяжелой нужды и голода. Отец умер, и матери и сестрам приходилось браться за любую работу, чтобы Николай мог учиться. Если бы не дальний родственник отца, приютивший Пироговых в мансарде своего дома, то семья могла остаться на улице. Пироговы перебивались с хлеба на воду. Денег не хватало даже на самое необходимое. К примеру, тогда студентов обязали носить мундир. Но Пироговы не могли его купить. И тогда мать будущего хирурга перешла для сына старую шинель, и он целый год сидел в ней на лекциях, делая вид, что мерзнет: так удавалось скрыть отсутствие мундира. Сапоги его совсем прохудились, и студенту ничего не оставалось, как ходить в университет в рваной обуви. Так продолжалось до тех пор, пока дядя, в доме которого жила семья Пироговых, не заметил это и не купил Николаю новые сапоги. Юноша был очень растроган этим и в дальнейшем всегда старался помогать его семье. Как проходило обучение будущих врачей? Уроки велись на трех языках: немецком, греческом и латинском. Несколько лет студенты слушали лекции по химии, биологии, а анатомию изучали лишь по схемам и рисункам. Практику проходили после окончания обучения, да и то в течение одного месяца в специальном военном госпитале. Конечно, этого было слишком мало для будущих специалистов. И они это понимали. «Хорошим я был бы лекарем, никогда не державшим в руках ланцета», – усмехался Пирогов, вспоминая свое обучение в университете.

Пирогов был лучшим студентом факультета вплоть до окончания учебы в 1828 году. И так сложилось, что именно в тот

Иван
Филиппович
Мойер
(1786–1858),
хирург,
профессор,
декан
медицинского
факультета
и ректор
Дерптского
университета

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

год впервые в России был объявлен набор в Профессорский институт. По сути, это была первая аспирантура для подготовки отечественной профессуры. Институт этот создавался при Дерптском университете. Пирогова, как лучшего ученика, рекомендовали для поступления в «аспирантуру». В тот момент ему также необходимо было определиться с выбором врачебной специальности. Пирогов выбрал хирургию.

В Дерпте наставником Пирогова стал выдающийся хирург своего времени профессор Иван Филиппович Мойер. Тогда же Пирогов познакомился еще с одним человеком, также сыгравшим огромную роль в его профессиональном становлении. Это был Федор Иванович Иноземцев, который стал достойным соперником Пирогова в профессии. Он был старше и имел больше опыта. Помимо

этого яркая внешность и светские манеры сделали его своим в кругу семьи Мойера. А в круг этот входили такие знаменитости, как Людвиг ван Бетховен и поэт Василий Андреевич Жуковский. На медицинском факультете Дерптского университета учился и Владимир Иванович Даль, с которым у Пирогова сложились дружеские отношения. Современники, знавшие Пирогова лично, отмечали его уникальную работоспособность, а также замкнутость и нелюдимость. Он всецело сосредоточился на хирургии. Темой его диссертации стала проблема устранения сильного кровотечения, как правило, возникающего при операциях. Задачей хирурга является не просто остановить, а предотвратить возникновение этого осложнения. Докторант много работал, сутками пропадал в анатомическом театре, экспериментировал с перевязыванием артерий. Порой на написание самой диссертации не хватало времени. «Меня уже прежде интересовала, и в хирургическом, и в физиологическом отношениях, перевязка брюшной аорты, сделанная тогда только однажды на живом человеке», – писал позже Пирогов, подразумевая операцию аневризмы паховой области, проведенную знаменитым английским хирургом Эстли Купером. Он понял, что без хорошего знания анатомии отыскать нужный сосуд очень сложно. Пирогов за

Дерптский
университет.
Гравюра
середины
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

интересовался малоизвестной тогда областью – строением фасций (оболочек мышц, сухожилий, сосудисто-нервных пучков). Он по-прежнему по многу часов работал в анатомическом театре. Стоит отметить, что у Пирогова была врожденная особенность: он плохо различал запахи. Именно это позволяло ему успешно выдерживать многочасовые занятия по анатомированию трупов. И уникальность докторской диссертации будущего хирурга заключалась в том, что в ее основу легли многочисленные эксперименты. Экзамен на звание профессора был сдан блестяще. Пребывание в Дерпте растянулось на пять лет, после чего последовала командировка в Германию. Молодой профессор Пирогов познакомился с постановкой хирургического лечения в Берлине и Гёттингене.

ПРОФЕССОР

В 1835 году Николай Иванович направляется в Москву, где должен был занять кафедру в Московском университете. Но в дороге он заболевает, и предназначенную ему должность отдают сопернику – Федору Иноземцеву. Пирогов был вне себя от негодования. Но судьба ему улыбнулась: Николая Ивановича первым из русских выпускников назначили профессором медицины Дерптского университета. Назначению сопутствовала череда проведенных им блестящих операций. Например, в Риге он восстановил пациенту сильно поврежденный нос, а в Дерпте за две минуты выполнил камнесечение (удаление мочевого камня). Годы, проведенные в Дерпте, были очень плодотворными для Пирогова. В его руках сосредоточились клиника и поликлиника (2,5–3 часа в день), лекции на кафедре теоретической хирургии (1 час в день), оперативная хирургия и упражнения на трупах (1 час в день), офтальмология и глазная клиника (1 час в день). Итого 6 часов в день. Все остальное время отнимали

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

эксперименты над животными, анатомические исследования и клинические наблюдения. Среди исследований, которые Пирогов закончил в Дерпте, особенно важен труд «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций». Это была выдающаяся работа, благодаря которой хирурги отныне могли проводить невероятно точные операции. Исследование получило известность в европейских странах, где имя русского хирурга стало пользоваться заслуженной славой. Например, когда в 1838 году, приехав в Париж, Пирогов отправился с визитом к видному французскому хирургу Альфреду Вельпо, тот воскликнул: «Извините, но мне нечему вас учить!» Так же высоко оценила эту работу и Российская академия наук, удостоив ее в 1840 году Демидовской премии (половиной). – Прим. ред.).

Еще один важный труд – «Анналы Дерптской хирургической клиники». В этой работе он сообщал не только о своих успехах, но и о неудачах, разбирая их причины с беспощадной суровостью. «В моих «Анналах хирургической клиники»

П.З. Захаров-Чеченец.
Портрет Федора Ивановича Иноземцева (1802–1869), доктора медицины и хирургии, профессора практической хирургии в Московском университете

я объявил во всеуслышание, что главное достоинство клинического учителя состоит в откровенности и чистосердечии, требующих от него признания сделанных ошибок и промахов перед самими учениками, – писал Пирогов, – и в первых моих клинических анналах я дал пример этой откровенности, раскрыв все сделанные мной ошибки». Этот пример стал традицией для русских и зарубежных врачей.

В 1841 году Пирогов возглавил кафедру хирургии в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Здесь он стал инициатором и руководителем первой в России кафедры госпитальной хирургии и заведовал ею пятнадцать лет. Кроме того, Пирогов был назначен директором технической части Санкт-Петербургского инструментального завода, где ему удалось добиться усовершенствования лекарственных и фельдшерских наборов для военно-полевой хирургии. Также этот период тесно связан с работой Николая Ивановича в Обуховской больнице. Он провел огромное количество операций, включая практически безнадежные случаи. Работал с раннего утра до обеда, а потом уходил в покойницкую, где готовил препараты для вечерних лекций. По его словам, в тот период он был по-настоящему счастлив и спокоен.

Пирогов задумывается о женитьбе. Навестив как-то раз семейство своего бывшего наставника, профессора Мойера, к тому времени уже проживавшего в Петербурге, он сделал предложение его дочери Екатерине. Но Мойер отказал своему ученику. Это чрезвычайно расстроило Пирогова. Чтобы выбрать будущую жену, нужно было потратить время, а у Пирогова его не было. Неразговорчивый, с суровым взглядом исподлобья, вечно в потертом неопрятном сюртуке, он почти не бывал в обществе, не заводил знакомств, не ездил в театр. А в академии, госпитале и анатомическом театре невесты не подобрешь.

Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1842 году он делает предложение подруге своей несостоявшейся невесты – родовой, но обедневшей 20-летней дворянке Екатерине Дмитриевне Березиной, дочери графини Татищевой. Свадьбу не откладывали. Брак, однако, оказался несчастливым. Супруга сразу дала понять Пирогову, что ей неинтересны его увлечения и его работа. «Супружеское счастье человека образованного и с чувством тогда только может быть совершенно, когда жена вполне разгадает и поймет его» – именно так видел свою семейную жизнь великий хирург, но мечты его не осуществились. В этом браке родились два сына: в ноябре 1843 года в семье появился Николай, а два с небольшим года спустя – Владимир. После родов, в 1846 году, жена Пирогова скончалась. Еще долго ходили неприятные слухи, что известный хирург «замучал» свою молодую супругу. Потрясенный Пирогов уехал в командировку за границу, где вновь с головой ушел в работу.

За год до этой семейной трагедии Николай Иванович издает «Полный курс прикладной анатомии человеческого тела» – работу, которая еще на стадии написания была удостоена Демидовской премии. Академик Императорской академии наук Карл Бэр назвал этот труд «подвигом истинной труженической учености».

В 1847 году российская хирургия получила эфирный наркоз, открытый американским хирургом Уильямом Мортонем. Первым применившим новинку в России был Федор Иноземцев. Казалось бы, для Пирогова это был серьезный ход со стороны соперника, но Николая Ивановича в данном случае волновали не вопросы конкуренции, а немедленное внедрение практического метода. Это был прорыв, за которым стояло будущее российской медицины. С древности человечество искало пути обезболивания во время хирургических вмешательств. В ход шли различные вещества растительного происхождения,

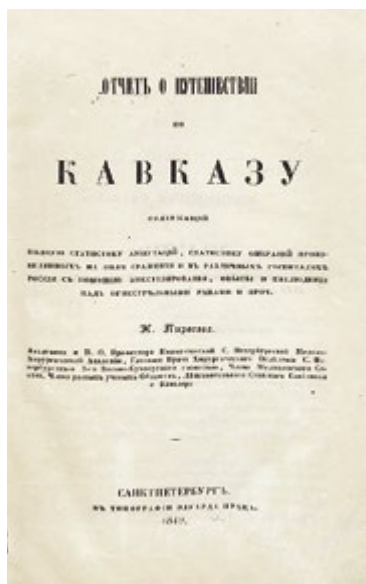
Д.Н. Кардовский.
Оборона
Севастополя.
Издание
И. Кнебеля
(М., 1908–1913).
Кардовский
изобразил
центральную
точку обороны
Севастополя –
Малахов курган,
на котором ведут
бой защитники
города, простые
солдаты
и офицеры,
руководители
обороны. Среди
них – хирург
Н.И. Пирогов
и сестра
милосердия
Дарья
Севастопольская

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

алкоголь или физическое воздействие. Однако такие методы сами по себе либо слегка притупляли боль, либо были очень опасны, как, например, сдавливание сосудов на шее или удар по голове, чтобы человек потерял сознание и ничего не чувствовал. Эксперименты и опыты врачей долго не приносили никаких по-настоящему действенных результатов.

В России Пирогов был одним из первых хирургов, кому удалось оценить достоинства общего обезболивания. Он посвятил изучению влияния наркоза на организм человека несколько исследований, проверив действие эфира и хлороформа сначала на себе, а уже потом стал применять его во время операций.

Н.И. Пирогов.
Отчет
о путешествии
по Кавказу
(С.-Пб., 1849).
Титульный лист

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ХИРУРГИЯ

Летом того же года Пирогов отправился в действующую армию на Кавказ. Он собирался испытать применение эфирного наркоза при операциях в военно-полевых условиях. Свою первую операцию под эфирным наркозом Николай Иванович провел в окрестностях дагестанского аула Салты. Это была настоящая революция в использовании общего обезболивания.

По отзывам современников, Николай Иванович был хирургом, мастерство которого не поддавалось описанию. Он одинаково хорошо оперировал на конечностях, мочевом пузыре, глазнице, при черепно-мозговой травме и т.д. Говоря современным языком, он был блестящим травматологом, нейрохирургом, отоларингологом, офтальмологом, урологом...

Ему часто приходилось работать в экстремальных условиях. Не всегда была возможность доставить раненого солдата на перевязочный пункт, и приходилось оперировать прямо на поле боя. Вместо операционного стола он использовал наскоро сложенные камни. Поэтому операции ему часто приходилось проделывать, стоя на коленях. Только за год Пирогов проделал около 300 операций. Интересно и то, что еще до открытия антисептики Николай Иванович с успехом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

начал применять йод. Он обнаружил, что это средство помогает избежать заражений крови. Огромен вклад Николая Ивановича в развитие военно-полевой хирургии. Достаточно сказать, что его изданный в 1865 году труд «Начала общей военно-полевой хирургии» был настольной книгой советских хирургов в годы Великой Отечественной войны. Пирогов считал, что «война есть травматическая эпидемия» и помощь на театре военных действий должна быть такой же организованной, как и меры во время эпидемий.

Пирогов в корне изменил тактику оказания медицинской помощи раненым, разработанную хирургом императора Наполеона I Жаном Домиником Ларреем, который в разгар Бородинской битвы выполнил более 200 операций. Врачи французской армии передвигались на конных повозках под названием «амбуланс» и оперировали непосредственно на поле боя, порой в страшной грязи, что уменьшало шансы раненых на выживание. Пирогов же во время Крымской войны внедрил особую тактику сортировки раненых по группам уже на первом перевязочном пункте. Если больному требовалась операция, ее проводили в полевых условиях с соблюдением всех санитарных норм: горячая вода, чистые бинты, использование санитарных средств от заражения крови. Людей с более легкими ранениями отправляли на лечение в военный госпиталь. К тому же периоду отно-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сится определение Пироговым травматического шока, описанное им в «Началах общей военно-полевой хирургии», которое с тех пор считается классическим: «общее окоченение тела – травматический торпор или ступор». Благодаря ему врачи учились отличать «малодушных и эгоистических крикунов от истинных страдальцев». По сей день этот принцип сортировки раненых остается актуальным. С именем Пирогова связано возрождение древнерусской традиции привлечения женщин к уходу за больными. Во время Крымской войны великая княгиня Елена Павловна (вдова Михаила Павловича) решила учредить Крестовоздвиженскую общину сестер попечения о раненых и больных, руководство которой доверила известному хирургу. Именно она поспособствовала тому, чтобы ему наконец разрешили поездку на театр военных действий. 25 октября 1854 года был учрежден устав Крестовоздвиженской об-

Ф.-К. Винтер-хальтер. Портрет великой княгини Елены Павловны. 1862 год

щины, а 6 ноября 35 сестер милосердия отправились с Пироговым в Симферополь. Там их ждали тысячи пациентов, раненных при первой бомбардировке Севастополя, а также в сражениях при Альме и Инкермане. Чуть позже к ним присоединился и второй отряд. Имена Екатерины Хитрово, Екатерины Бакуниной, Елизаветы Карцевой, Дарьи Севастопольской (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2009 год, статья «Кто призван душой». – Прим. ред.) заняли почетное место в истории русской медицины. Пирогов на ходу обучал их приемам медицинской помощи. На основании крымского опыта он четко сформулировал образ сестры милосердия: «Она должна быть простая, богопочтительная женщина, с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а притом она непременно должна сохранить чувствительное сердце».

На Крымской войне Пирогов впервые применил гипсовую повязку. По поводу этого изобретения существует легенда. Говорят, что однажды, когда хирург был в мастерской своего друга-скульптора, он увидел, как тот вымачивал в гипсе марлевые повязки для укрепления каркаса модели скульптуры. И тут Пирогова озарило. Он попросил скульптора отсыпать ему немного сухого гипса. Дома, вымочив бинты в гипсе, он туго обмотал ими обломки от костей животного и обнаружил, что повязка туго фиксирует кости в правильном положении. Насколько правдива эта легенда, сказать сложно. Зато можно утверждать, что гипсовая повязка оказалась еще одним революционным открытием хирурга. После Крымской войны Пирогов стал внушать великой княгине Елене Павловне идею создания института усовершенствования врачей. Благодаря ее содействию это учебное заведение было открыто 21 мая 1885 года и сыграло важную роль в развитии российской медицинской науки.

Сестры Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. Севастополь. 1855 год

«ЛЕДЯНАЯ» АНАТОМИЯ

В 1856 году, вернувшись в Петербург, Пирогов подает в академию прошение об отставке. Он никогда не кичился своим авторитетом, но болезненно воспринимал обвинения в заимствовании, интриги и зависть коллег. Они и стали причиной его ухода. Впереди его ждала частная практика, но опять в его судьбе случился крутой поворот. В сентябре 1856 года после издания в журнале «Морской вестник» статьи «Вопросы жизни» Пирогов получает назначение в Одесский учебный округ в качестве попечителя. Его мучают сомнения: должность вроде бы почетная, но она не давала хирургу права медицинской практики. Если бы не любимая супруга, то для Пирогова это, возможно, закончилось бы очередным нервным срывом.

Во второй раз Николай Иванович женился на 25-летней баронессе Александре Антоновне Бистром. Свадьба состоялась 7 июня 1850 года. Медовый месяц супруги провели... за хирургическим столом, оперируя больных в имении Бистромов. Впоследствии Александра Антоновна скажет: «Его профессией была медицина, а моей – быть женой великого врача». Это был по-настоящему счастливый союз двух понимающих друг друга людей.

В Одесском, а затем в Киевском округе Пирогов проявил себя как блестящий педагог, руководитель и публицист. Он возлагал большие надежды на улучшение народного образования, выступал за отмену телесных наказаний для учащихся и в защиту женского образования. Открыто проповедовал свои взгляды, что приводило к столкновениям с губернаторами. Духовные силы были почти на исходе, но он продолжал бороться. Главной заслугой Пирогова в этот период считается гуманистическая направленность его педагогических работ, в числе которых «Вопросы жизни», «Быть и казаться», «Школа и жизнь». В это же время продолжалась и не-

Дом,
в котором жил
Н.И. Пирогов.
Имение Вишня
близ Винницы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вероятная эпопея, связанная с подготовкой к изданию «Иллюстрированной топографической анатомии распилов, произведенных в трех измерениях через замороженное человеческое тело». Она известна также как «ледяная» анатомия. Интересно, что идея распилов человеческого тела пришла к Пирогову неожиданно, на Сенном рынке, когда он наблюдал за работой мясников. Он отметил, что под действием холода на мясных тушах сохраняется то же положение внутренних органов, мышц и прочих анатомических образований, которое они занимали до замораживания. Именно тогда он и решил попробовать проводить распилы замороженных трупов в строгой последовательности в системе трех геометрических плоскостей. Этот прием позволял установить наличие точного соотношения между различными анатомическими образованиями человеческого тела. Так родилась наука «топографическая анатомия», которая спустя столетие легла в основу принципа современной компьютерной томографии.

Около девяти лет упорного труда понадобилось автору, чтобы эта уникальная работа увидела свет. Лишь в первой половине 1859 года Пирогов поставил последнюю точку в рукописи. Многотомное издание увидело свет в Санкт-Петербурге и обесмертило имя выдающегося ученого, хирурга и педагога. Это исследование также было удостоено Демидовской премии.

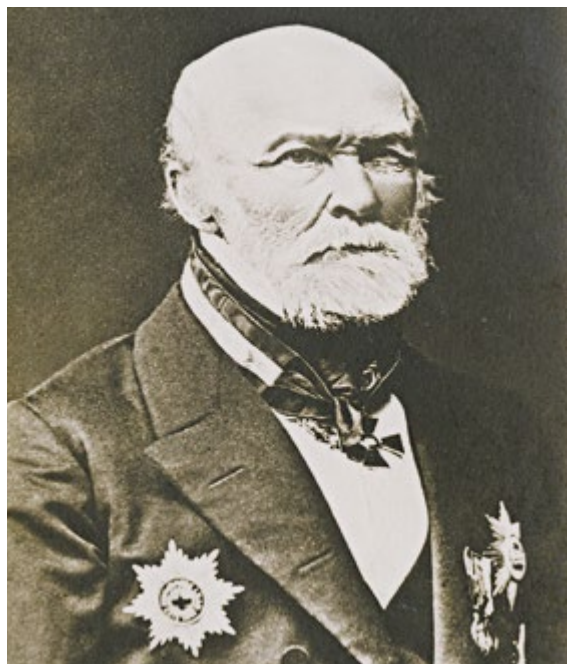
ДЛЯ ПОДЛИННОЙ НАУКИ НЕТ ГРАНИЦ

В начале 1861 года Пирогов поселился в своем имении Вишня, недалеко от города Винницы. Но в марте 1862 года он получил новое назначение: Министерство народного просвещения пригласило его стать руководителем русских профессорских стипендиатов, подготовка которых велась в нескольких европейских университетах. Это был один из самых счастливых периодов в его жизни. С ним была его любимая жена, выросшие сыновья посещали его лекции в университете. Он поселяется в Гейдельберге, объезжает другие университеты, где обучаются российские профессора. Пирогов дает рекомендации, делится опытом, помогает молодым ученым. Например, будущему нобелевскому лауреату Илье Мечникову, который жил на острове Гельголанд и изучал морские организмы, необходимо было продолжить работу, но у него кончались деньги для исследований. Пирогов добился выделения необходимых средств. Николай Иванович много путешествует по Европе, и везде, куда он бы ни приехал, его встречают с большими почестями. В 1862 году Пирогов даже излечил самого Джузеппе Гарибальди, который был ранен в ногу в бою при Аспромонте. Другие врачи предлагали ампутацию, чтобы избежать заражения, но грамотное вмешательство выдающегося хирурга помогло сохранить ногу итальянскому герою. Гарибальди в своих мемуарах благодарил

Пирогова, говоря о том, что он из числа тех врачей, которые «доказали, что для добрых дел, для подлинной науки нет границ в семье человечества».

Однако возраст брал свое, здоровье подводило, и Николай Иванович принимает решение окончательно осесть в Вишне. Казалось бы, столько всего сделано, пора уже и на заслуженный покой. Но и в имении он не сидит без дела, добываясь командировок для продолжения исследований. Он едет на франко-прусскую войну, на русско-турецкую войну на Балканы. Хирург инспектирует лазареты, следит за тем, как ведется лечение, и сам оперирует. По итогам поездок написаны новые работы, посвященные военно-полевой хирургии. В 1877 году Николай Иванович был награжден орденом Белого орла.

Осенью 1879 года Пирогов приступил к работе над книгой «Дневник старого врача». Это был его последний труд, посвященный описанию собственной жизни и деятельности. В перерывах между работой он с удовольствием занимался разведением цветов. В его розарии можно было насчитать около 300 сортов роз. В апреле 1881 года Пирогова в Вишне навещает известный хирург Николай Склифосовский. Профессор прибыл к Пирогову, чтобы лично пригласить его в Московский университет, где готовилось торжество по поводу 50-летия научной деятельности «первого хирурга России». Незадолго до этого Пирогов обнаружил у себя во рту небольшую язвочку и попросил Склифосовского осмотреть его. Крайне обеспокоенный увиденным, Склифосовский стал настаивать на дополнительном обследовании. 22 мая 1881 года огромная толпа встречала прибывшего в Москву Николая Ивановича Пирогова. Прямо на вокзале художник Илья Репин сделал зарисовки для своей будущей картины «Приезд Пирогова Н.И. в Москву на юбилей». А в конце мая в московской гостинице «Дрезден», где остановился Пирогов, состоялся

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

консилиум, в котором приняли участие ведущие специалисты. После осмотра они вынесли вердикт: рак верхней челюсти, необходима срочная операция. Однако затем известный немецкий врач Теодор Бильрот, к которому обратился Пирогов, уверил Николая Ивановича, что скоро он поправится. Заключение Бильрота успокоило Пирогова. Однако шло время, а самочувствие Николая Ивановича ухудшалось. Ученый понял, что дни его сочтены. Наступила последняя осень в его жизни. Он уже не мог сидеть за рабочим столом в кабинете, и по его просьбе в кабинете поставили раскладушку. Он продолжал писать свой «Дневник старого врача», который, к сожалению, так и остался

Николай
Иванович
Пирогов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Памятник
Н.И. Пирогову
в Москве
на Большой
Царицынской
(ныне – Большая
Пироговская)
у факультетских
клиник.
Скульптор
В.О. Шервуд.
Конец 1890-х
годов

незаконченным. Последние дни Пирогова, как и вся его жизнь, принадлежали работе.

23 ноября 1881 года Николая Ивановича Пирогова не стало. Его похоронили в семейной усыпальнице в Вишне. По просьбе жены его тело было забальзамировано известным врачом Давидом Выводцевым. В 1885 году, когда в имении возвели церковь Николая Чудотворца, тело было перенесено в ее крипту. В начале XX века имение пришло в запустение, а захоронение было разграблено. В 1941 году Наркомздрав Украины принял решение восстановить захоронение великого хирурга, но помешала война. Лишь в 1945 году на территории усадьбы начались реставрационные работы, а тело хирурга подверглось новой консервации. Сохранилось свидетельство крестьянина, который мальчиком служил у Пирогова, и он подтвердил, что «барин выглядит как при жизни».

Спустя десять лет после смерти Пирогова медицинская общественность выступила с предложением создать памятник великому хирургу. Склифосовский обратился с ходатайством к императору Александру III. Разрешение было получено. Живописец и скульптор Владимир Шервуд приступил к работе и из уважения к памяти выдающегося хирурга отказался от оплаты своего труда, попросив лишь скромный гонорар для своих помощников. 3 августа 1897 года в Москве на Девичьем поле был открыт первый памятник русскому врачу и почетному гражданину столицы. 21 ноября 1910 года в Петербурге в зале городской думы на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Пирогова, известный юрист Анатолий Кони произнес речь, в которой были такие слова: «Наш известный историк Соловьев говорит, что народы любят ставить памятники своим выдающимся людям, но эти люди своей деятельностью сами ставят памятник своему народу. Такой памятник поставил и Пирогов». ■

ЛИПОВАНЕ НЕЛИПЬЕ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

«ТАТАРИЦА? СТРАННОЕ НАЗВАНИЕ ДЛЯ КАЗАЧЬЕГО ПОСЕЛЕНИЯ», – ДУМАЛОСЬ МНЕ. ТЕМ БОЛЕЕ В БОЛГАРИИ. А МЕЖ ТЕМ В ОКНЕ АВТОМОБИЛЯ ПОРОЙ МЕЛЬКАЛИ ВИДЫ, ДО БОЛИ НАПОМИНАЮЩИЕ НАШИ РОДНЫЕ: НЕБОЛЬШОЙ ТАКОЙ ЛЕСОК И... БЕРЕЗКИ. ХОТЯ В ОСНОВНОМ ВОКРУГ ТАТАРИЦЫ НА ДЕСЯТКИ КИЛОМЕТРОВ РАСКИНУЛИСЬ ПОЛЯ СУХОЙ КУКУРУЗЫ ДА РЕДКИЕ САДЫ С АЙВОЙ И ЯБЛОКАМИ.

ОТ БЛИЖАЙШЕГО К селу города Силистры до казаков еще 10 километров. Собственно, Татарицы как отдельного поселения давно не существует: в 1955 году оно слилось с соседними деревнями в самое крупное в Болгарии село Айдемир. Татарица теперь – «квартал» Айдемира.

КРАЙНИЕ ПО ДУНАЮ

Казаков долго искать не пришлось – дорога из города ведет прямо к русской старообрядческой церкви, которую с болгарскими не спутаешь. У ворот храма мы и договорились встре-

титься с просвирней Еленой. 70-летняя казачка не заставила себя ждать. Не успел я разглядеть у церкви некрологи, или поместному «жалейки», как бодрая староверка подкатила на велосипеде. Общаться, правда, Елена была не настроена. На мою просьбу рассказать о жизни казаков она только сокрушалась: «Чистокровных казаков осталось трошке, на пальчиках пересчитать можно – уже нема. Все прахом пошло. Остались помешанные: кто с болгарами, кто с кем». Елена повела меня к Николаю Калистратову – в соседнюю с церковью хату. Нынешние хаты

русских переселенцев не отличишь от домов болгар: серые оштукатуренные стены, черепичные четырехскатные крыши, пластиковые окна. А вот названия улиц оригинальные: улица Печ, улица Катюши... Войдя в хату, Елена перекрестилась и громко произнесла: «Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!» Из глубины дома в ответ раздалось: «Аминь!» Николаю 55 лет, с давних пор интересуется историей и традициями села, собирает и хранит сведения. Пятнадцать лет назад

Николай Калистратов – автор единственной известной в селе статьи по истории Татарицы

ПОПУРЯ И МОГАРКА

«Чтоб в селе какой атаман был, – рассказывает Николай, – никто не помнит. Раньше в основном рыбальством занимались, баги (виноградники. – Прим. авт.) разводили, ткали рогожки из попурия (тростника), зембеля (сумки) делали, пчел держали в ульях плетенных. Дунай до села расплывался, плавня (заболоченная пойма реки) была – попурия богато. Хаты из земляного кирпича строили – мешали землю и солому; крыша – камышовая. Печи клали из жженого кирпича, топили камышом. Бани всё курные были (по-черному) – таких уж нет. Как в 1957 году сделали дик (дамбу), плавни не стало – 2 километра до воды теперь.

После войны казаков стали в Россию звать. В 1946 году две трети наших уехало. Плыли на барже вместе со своей скотиной. Говорят, долгой дорогой скотина передохла, в море ее выкидывали. Расселили наших больше по Южной Украине, по Азовью – раскинули по районам, кого на рыбальство, кого на земледелие. Молодежь довольна была: пошли учиться, трактористами стали. А мужики жалели, из колхозов хотели утекать. Кого поймали – посадили. А есть утекшие – тут после жили. Как-то через Румынию тикали, наверное, точно не знаю, теперь уж и дети их поумирали. Двоюродный брат деда Карпо утёк. А после поехал обратно с отцом повидаться – его там взяли и в Сибирь загнали. Попытай деда Карпо, он с 1933 года рожденный – помнит».

По подсчетам Николая, чистокровных казаков в селе осталось около 80 человек. Самый пожилой – дед Амилян 1927 года рождения. Сейчас казаки больше земледелием занимаются – в основном виноградниками и кукурузой.

«Язык наш помешан с болгарскими словами, – продолжал Николай. – Студенты з болгарского университета пытали тут

он попал в автокатастрофу и с тех пор прикован к постели. Тяжелая болезнь не сломила его дух, Николай сохранил интерес к родине, живость характера и любознательность.

О времени появления казаков в Татарице доподлинно ничего не известно. По умолчанию считается, что липоване – так принято называть эту ветвь беглых староверов – основали село в одно время с другими липованскими поселениями по Дунаю, то есть в первой половине XVIII века. Староверы бежали от преследований на родине в Османскую империю, селились на берегах Дуная от устья и выше по течению. Сейчас все липованские села находятся на территории Румынии и только Татарица – самое дальнее или, как здесь говорят, «крайнее» от устья реки – в Болгарии. Предание гласит, что турецкий паша разрешил русским староверам поселиться в заброшенном селе Татарица с условием, что название села изменено не будет. Наверняка какая-то точная информация есть в османских архивах, однако ее, как говорит Николай, «никто не шукал». До конца XIX века

Татарица была малонаселенной, но после освобождения Болгарии от османского ига в 1878 году сюда стали переселяться казаки из других липованских сел. К началу Второй мировой войны в Татарице проживала почти тысяча семей – около 4 тысяч человек. Сами себя липованами местные казаки именовать не любили, только в последние годы они стали смиряться с этим названием. Слишком созвучно с «липые» – по-местному «нехорошие». Так, например, за глаза называли староверов из другого болгарского поселения – Казашко, что в 150 километрах от Татарицы: не любили их за приверженность к беспоповству.

«Чубучине» (виноградной лозе) казаки высоко расти не дают – обрезают каждую осень

Семья староверов из Татарицы. 1920-е годы. Архивное фото нашло в своем сундуке теща Николая

бабку одну. Как, говорят, вы кажите на забор? А забор из сетки сделан. Бабка и говорит: «мрежа». Ей: это по-болгарски «мрежа» – по-русски должно быть «сетка». Не, сетка – та, шо рыбу ловим, объяснила бабка.

А какие болгарские слова у нас на русский манер переделанные: кастрюля у болгар будет тѣнжера – по-нашему кѣнжерка; магаре (осѣл) мы говорим магарка, мая (дрожжи) – майчка. При коммунизме мы русский язык как иностранный в школе учили. Учителя дивились нашему говору: нет, сердились, такого слова «магарка».

А еще, «очини/зачини вокбшко» означает «открой/закрой окно» – в смысле створку окна. А занавесить окно будет «закрой вокошко». Я «очинил вокошко» и стал прощаться с Николаем. Благодарят здесь, говоря: «Спаси Христос!», прощаются – «Прости!».

До середины XX века храм для казаков был центром жизни – здесь была школа, собирались на праздники, решали житейские вопросы

Со смертью отца Василия духовная и культурная жизнь села стала угасать

ХРАНИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Считается, что церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Татарице была построена в 1750 году. Староверы тогда были беспоповцами, служили мирянским чином. В 1863 году они примкнули к Белокриницкому согласию, в общине появился священник, а храм – это доподлинно известно – в тот год был освящен для богослужений. Церковь сложена из «земляного кирпича», фунда-

мента как такового нет – стоит на больших валунах. При этом, на удивление болгарским реставраторам, не разваливается и под землю не уходит.

Рассказывают, что священники в Татарице всегда были из односельчан. Выбирали самого «ревностного до божьей службы» и отправляли учиться в духовную школу в Румынию (очевидно, в город Брэила, где расположена резиденция Белокриницкого митрополита. – Прим. авт.). Предыдущего священника, отца Василия, казаки очень любят. Говорят, был «золотой»: ревновал не только за церковь, но и за сохранение русского языка в селе, русской идентичности. Но вот отец Василий умер в 2009 году. Сменивший его отец Флор родом из Румынии. Прослужил в Татарице четыре года и уехал на родину – приход здесь маленький, средств содержать троих

МИРЯНСКИЙ ЧИН И БАБКА СТЁНА

После 16 часов просвирня Елена открыла храм для всенощной. Церковь разделена на мужскую и женскую части, в каждую – свой вход с улицы. Икон много, почти все старинные, старообрядческие. Видно, что относятся к образам бережно: свечи в 5 сантиметрах от иконы, как, например, у некрасовцев в Новокумском, не ставят. На лавках лежат стопки небольших подушечек-подрушников для земных поклонов. Очень вдохновенно сделан голубой купол со звездами.

В церкви Елена не стала разговорчивее. Я поинтересовался, когда в храме разрешили электричество проводить. «Тепереча у нас всё, – ответила Елена, – электричество, кондиционеры – только людей нема».

Она зажигала лампы и свечи. Доливала в лампы самое обыкновенное растительное масло из магазина. Говорит, не коптит.

На службу собралось 10 человек, почти все старушки. Главная деталь церковной одежды – домотканый пояс, которым подпоясываются и мужчины, и женщины. В джинсах с таким поясом пришел и 17-летний Константин. Из молодежи он самый «ревностный»: читает богослужебные тексты, поет на клиросе, помогает в алтаре, звонит в колокола. Однако на священника учиться не собирается.

С Константином мы поднимались на колокольню по крутой деревянной лестнице почти в полной темноте. Звонарь открыл все восемь окон колокольни для благовеста. Колокола здесь старые, но не самые первые. По преданию, первые колокола были отлиты с добавлением немалого количества золота, что придавало им своеобразное звучание. Однако и с имеющимися колоколами Константин сотворил искусный благовест.

Служили мирянским чином – отец Флор на праздник приехать не смог.

детей не хватало. Приезжает теперь только на праздники. Я оказался в селе в канун дня Усекновения главы Иоанна Предтечи.

В ожидании праздничной службы отправился на русское кладбище, где недавно, как выразился Николай, «крест покладали». От храма до кладбища идти метров 300 в гору. Асфальт в Татарице есть только на главной улице – все другие в сторону от нее «земляные». Поднимаясь, окинул взглядом поселок: виноградники в самом деле главное в подсобном хозяйстве казаков. Еще много чернослива, который почему-то никто не собирает – земля под деревьями усеяна плодами...

Кладбище выглядит хаотично: в беспорядке стоят разномастные кресты – деревянные, железные ржавые, блестящие из нержавейки, каменные. Потрескавшиеся от времени деревянные распятия облепили белые улитки. По старой традиции умершему положено было ставить деревянный крест – и как тот сгниет, нового не ставить, могилу забыть. Кладбище сейчас перерождается, переходит к новой тради-

ции – вечности надгробия, уходя за могилами. Мраморный крест выделяется и на могиле отца Василия.

«Покладенный» крест – белый восьмиконечный трехметровой высоты – стоит выше кладбища у дороги в Сребырну. У основания значится, что «крест сей воздвигли в память о русских старообрядцах, поселившихся на этой земле в XVIII веке». На самом кресте с лицевой стороны привычная надпись на церковнославянском, а с обратной – оригинальная на русском: «Крест – хранитель всей вселенной». Поставили крест в странном месте: за лесополосой, тянущейся вдоль шоссе – с дороги его никак не заметить.

Во время службы на мужской половине храма царил уединенный, почти отшельнический дух

Константин говорит, что тяга к храму у него своя, внутренняя, родители его не принуждали

Среди казаков молодежи немного. На службу приехал приятель Константина, который сейчас учится в Силистре. В свободное от учебы время его тянет петь на клиросе. А дочь Ольги Ивановой Мария только вернулась в село после окончания Санкт-Петербургского университета. «Жила я, – рассказывает Мария, – в университетском общежитии. Пришлось мне учиться говорить на современном русском языке. Слушали мой говор с интересом – вот, говорили сокурсники, какие прикольные слова у тебя. Говорю с мамой по телефону, а моя соседка по комнате в восторге: так, говорит, здорово – я почти все по-болгарски понимаю. Это был, отвечаю, не болгарский, а наш русский язык».

А сама Ольга Иванова никак не могла вспомнить, что же такое «чѣтик». Речь шла о некоей бабке Стёне, которая на диво всем этим чѣтиком (видимо, небольшое тесло) огород копала. А еще в маршрутке она никогда на сиденье не садилась – присаживалась на свой костыль. Подруга Ольги заметила, что Стёня точно была ведьма: «Раз, – говорит, – она взялась из ниоткуда ночью на улице. Мы готовили ночную службу на Пасху, как на улице ветер пыль закружил, и является бабка Стёня с чайником...»

Казаки хоть и живут в паре километров от берега Дуная, сами там крайне редко бывают – только заядлые рыбаки, коих в селе осталось «на пальчиках» одной руки пересчитать. Ольга и ее подруги никак не хотели отпускать меня на Дунай одного пешком – ведьмы не ведьмы, а свирепые собаки, по их словам, меня обязательно должны были атаковать. Решили, что Ольга даст мне утром свой велосипед – так я быстро и безопасно попаду на утренний клев к рыбаку Василию. Ночью же в Татарнице я нечистой силы мог не бояться: спать меня положили под иконами в хозяйственном помещении рядом с храмом.

Ефим хоть и жалуется на «демократию», жизнью вполне доволен – занимается любимым делом

ПОД ВАЛЬС ВОДОВОРОТОВ

Велосипед Ольги действительно оказался быстрым: с первыми лучами солнца я примчался к высокому берегу Дуная. Вот только разыскать «хатку» Василия не представлялось возможным. Эти «хатки» – летние пристанища рыбаков – попадались там и тут, а мобильный телефон Василия был недоступен. В общем, стоял я над обрывом, слушая «вальс дунайских волн». Только не при луне, как в песне поется, а на восходе: чайки парили над лесистым островом, солнечная дорожка на воде, тихое бульканье водоворотов...

Не прошло и получаса, как загудел мотор – за островом показалась лодка. Рассекая водную гладь, она двигалась прямо ко мне. Не зря я выбрал единственную «хатку» с признаками жизни – оставленным у дерева мотоциклом.

Дед Ехимий – так звали рыбака – в тот день оказался единственным казаком на Дунае. Вытаскивая сетки и вытряхивая из них мелкую рыбешку, Ефим вел неспешный разговор: «Я тебе во что скажу, Лексей: при коммунизме рыба была. Я раз сома поймал – 100 кил. На вен-тер поймал. А то 20 кил сомов

Говорят, из чернослива гнали «водку». Теперь слива валяется на земле, потому как охотников до такой выпивки не стало

Дунай
для казаков
перестал быть
кормильцем,
сейчас река –
это место отдыха

ловил. Теперь при демократии нема сома и 10 кил – одна моряшка такая во. А как хорош велик сом. Делали из его тягайки – такими ребрами, как палец – болгары кажут на его сатч. Сперва трошке ялейцу (масло) дашь и покладешь его на скаре. Как сварится, трошке постоит, простынет. После нарежешь кусочками... у-у-у вкусно! Из головы делали щербу (двойная уха). Я того сома на 100 кил продавать не стал – дочке дал, сыну, в Румынию балдезам (своикам) отвез.

Отец был рыбак: тут рыбалил, на Камчи, на море ходил. Я – рыбак. Эту лодку мы с отцом сорок годов как купили – самая старая лодка тут. Сын со мной ходил рыбалить. Давно бросил. Мене, говорит, твоя рыба так не кормит. Работает по домам: кому стену под-

делает, кому печку залепит в бане. Меня спросят: не надоедает рыба? Никогда. Да я ж одной рыбой не кормлюсь. Оставляю себе 2 кила, остальную продам: облец то или селедка (скумбрия) из моря заходит – по ресторанам разберут. Куплю себе брынзы, кебаб, тамат. А что делать? Пенсия 200 лева (100 евро)... Приду сейчас рыбу поправлю. После попышу обирать, после – сливу синенькую. Каратуны (небольшие тыквы) было растил – на поплавки. Они, как высохнут, кофейные стоят. При демократии уж все пластиковые поплавки стали. А я вентер сам плету, крюки – сомов меньших ловить; кубарь делаю – корзина такая, рыба у ее середку заходит. А сочма знаешь что? Сетка такая со свинцом на концах – ее как на воду кинешь, она тонет, сжимается».

«А зимой как рыбу ловите, – интересуюсь я, – река не замерзает?» «Как не замерзать, – отвечает Ефим, – вода сладкая. Какая зима лютая – враз замерзает. Один год и лодки примерзли, не успели убрать. Но ловить тут нельзя – течение сильное. Потому лед горами стоит – 2 метра вышина. Толщина такая, нельзя рубать его. Ловишь только у плавни – там вода стоит, лед потому ровно кладется. Топором его прорубишь и тогда ловишь». Мимо нас то и дело проплывали моторные лодки, нагоняя волну. Мешали Ефиму, раскачивая лодку, и его единственной спутнице – рыжей кошке на берегу, пытавшейся лапой выудить из воды рыбешку.

«Это всё болгары катаются, – объяснил Ефим. – Теперь не рыбалить – отдыхать ездят. пляж на острове вон какой песча-

ный. Из города приезжают на катерах да яхточках. Наши липованчики тоже тут отдыхают. Вот что хорошо при демократии – GSMы. Раньше кричали с острова, чтоб их забрали. Теперь же позвонить можно... Гхапки (таблеток) тож много при демократии. А лучше от их не стало. Раньше простынешь – пойдешь, возьмешь пенициллин или струптомицин. Помогало. Нет его теперь: я и в городе, и в Румынии пытал – нет струптомицину».

Дед Ефим отправился другие сетки проверять. Меня не взял. Без шенгенской визы здесь вообще лучше от берега далеко не заплывать – граница с Румынией проходит посередине Дуная, пограничники, бывает, на катерах появляются. Да и самому Ефиму ловить разрешается только до середины реки.

ЖИТЬ ЗАДОЛЖИТЕЛЬНО

Возвращался в село другой дорогой – вдоль поля кукурузы. Шустрый велосипед вывез меня за пределы квартала Татарица – собственно в Айдемир. Как оказалось, не случайно. У дороги увидел настоящую казацкую хату. Прямо иллюстрация к Гоголю: покосившиеся стены и окна, широкое крыльцо, выбелена на совесть. Точно из «земляного кирпича». Крыша только не камышовая, а черепичная. Хозяйничала в заповедной хате болгарская женщина. Когда какие казаки тут жили – ничего не знает...

Напоследок пошел я по совету Николая «пытать деда Карпо». У храма – центр жизни в том числе и светской. Прямо напротив церковных ворот небольшой магазинчик и

кафе. Потягивающий чай болгарин направил меня к нужному дому.

Карпо Степанович Демедьянов встретил меня спокойно и приветливо – с журналистами ему беседовать не впервой.

«Хата пустая не остается, – сразу взялся за наболевшее старик, – сын младший, Иван, со мной живет. Ему 45 годов, а жену на постоянно не может найти. Тепереча видишь как: пять лет живут – разойдутся, потом других – год-два, и с теми расходятся. Нема, как мы раньше, чтоб сразу жанился и продолжали до гробу. Ни браку не делают, и детей, говорят, не надо. А у нас завсегда строго было: если разведется, семь лет не разрешено венчаться. И при коммунистах строго смотрели: венчаться в церкви хошь не хошь – твое дело,

До войны село Татарица было намного больше нынешнего квартала Татарица, оттого и старые хаты попадают там, где уже давно казаков никто не помнит

а брак должен сделать. Как демократия пришла – никакого порядку.

Жена моя померла, до 55 годов не дожила – сам живу один уж 22 года. Мне находились такие, чтоб жениться, но я не стал. Это ж позор: младший сын не женатый, а я буду жениться? Невест мы завсегда из своих семей держали. Село больше было, с четвертого колена в родстве разрешались браки. С Казашко невест брать не любили. Бывало, с Румынии привозили. Редко, когда из болгар – только дуже набожных брали».

Не сказать, что сам Карпо «дуже набожный». А все же он – единственный в селе носит бороду. «Старообрядец задолжительно бороду оставляет, – объяснил хозяин. – Без бороды в церкви и под крест подойти нельзя. Какие болгары – тоже раньше бороды носили. На службу задолжительно было в поддевке ходить – зимняя и летняя поддевки у каждого. Тепереча бороды бреют, в церкву не ходят. Я сына учил церковной грамоте – не схотел учиться. Заморенный он – трактористом-механизатором работает».

«СЕЮ, ВЕЮ, ПОСЕВАЮ»

Карпо Степанович рассказывает, что в его детстве была только церковная школа. Учили церковнославянскому языку и знаменному пению. До армии Карпо рыбачил с дедом на Дунае. Служить пошел моряком в Русе. Ходил по Черному морю, 9 месяцев пробыл в Севастополе, где его поразил разбитый после войны город.

«С армии пришел – мне 24 года, – вспоминает дед Карпо. – Думал, похожу еще. Но отец сказал строго: хватит ходить, разбалуешься еще – жанись. Добрая жена мне досталась, пятерых родила. Я в пароходстве в Силистре работал. До демократии по Дунаю много плавали: пароходы, буксиры, плоскачи, шлепы. Мы до Моджа-

Дед Карпо вспоминает, что рыбачил с дедом по два раза в день...

...И уже много лет на Дунае не был – дорога к берегу реки разбита, не всякая машина проедет

ру (Венгрия) плавали. Хату эту построил в 1964 году и пошел на завод работать – потому хозяйство большое».

Хозяйство и сейчас у старика немалое. Постройки окружают виноград и фруктовые деревья: черешни, айва, яблоки, груши, сливы, персики.

Помимо дома имеется «летняя хатка», «хатка для голубей» и старая баня, но уже не «курная», хозяин приспособил в ней современную печку.

Обстановку в доме Карпо старается сохранять старую: на полу и стенах ковры и тканые половики; в каждой комнате – святой угол с иконами и вышивки покойной супруги. Архивных фотографий почти нет, а имеющиеся висят почему-то в предбаннике и темном углу коридора.

Вспоминал хозяин, как в селе проходили праздники: «Весело тут было. Как выходной, девки, хлопцы выходят, песни играют. На Масляной неделе хлопцы на лошадях с лентами как соберутся по улице... Красота была! На Рождество, Богоявление – ходили Христа славили. На Новый год – посевали:

*Сею, вею, посеваю –
С Новым годом поздравляю,
На Елену поглядаю,
А она хороша –
Даст мне два гроша!*

Тепереча все забылось, будто сон один приснился... А так скажу: не живу плохо. Хоть это – старость, да люди добрые рядом, не остался без хлеба, не остался без воды. Раньше стаканчик вина выпивал. Благодарение Богу – как надо проживаем. Сына только жалко, что неженатый».

Отвлекла старика от воспоминаний его племянница Оксана. Студентка университета приехала погостить на родину к отцу. Интернета в доме родителей нет, а у сына Карпо «все настроено» – за тем и пожаловала. Хозяин повел Оксану в дом к компьютеру.

В самом деле, неплохо живет Карпо Степанович, раз к нему молодежь за Интернетом приходит... ❶

ОЛЕГОВ ШЛЕМ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ У ХОЗЯЕВ ВЫСОКИХ КАБИНЕТОВ ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ МОДА: КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ РЕПЛИК БОЕВЫХ ШЛЕМОВ. ЗА ТАКИМИ ЭКЗЕМПЛЯМИ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ НЕ РЕДКО ОБРАЩАЮТСЯ К ОЛЕГУ ФОРМАЛЬНОМУ – КУЗНЕЦУ ИЗ САМАРСКОГО СЕЛА КОШКИ.

ДЕЛАЛ ОН И КОПИИ древних русских шлемов, и саллеты (салады) с откидывающимся забралом. Мастерил и топфхельмы – «горшковые» шлемы, и остроконечные шлемы с личинами, и бацинеты с кольчужными бармицами, и шапелы (капеллины). Украшал шлемы конскими хвостами и плюмажем. Все полки в мастерской Олега Борисовича Формального были забиты десятками шлемов – от скандинавских до монгольских. Как-то раз попросили Олега Борисовича сделать козырек для турецкого шлема начала XVI века. Да подлиннее. Как мастер ни пытался объяснить, что это неправильно, никто его не слушал. Ну, что ж. Мастерил Формальный козырек и посмеивался. В итоге заказчик посмотрел на готовую работу, примерил и... больше не советовал ничего, положившись на опыт мастера. И правильно сделал.

В другой раз районное управление культуры, к которому приписана мастерская Формального, попросило сделать шлем в подарок федеральному министру. В качестве образца выбрали шлем из черниговского кургана Черная могила (захоронение конца X века. – Прим. ред.). Перед тем как отправить готовый шлем в Москву, повезли его в Самару – в профильном министерстве показать. Чиновникам конский хвост на шлеме не понравился, велели убрать. Наносник забра-

ковали. Тогда Олег Борисович сам поехал в Самару и объяснил, с какого образца копировал, для чего нужна та или иная деталь. Кстати, тогда он впервые с удивлением увидел, как для его шлема подкладку из бархата сделали.

ШЛЕМ, А НЕ КОТЕЛОК

Олег Борисович с юмором рассказывает о моде на шлемы среди хозяев высоких кабинетов. А потом становится серьезным и говорит, что на самом деле это хорошо, когда шлемы в частных кабинетах или торжественных залах поместий красуются. Это вещественное напоминание об отечественной истории, считает он.

Я держу в руках роскошную копию древнерусского шлема и не могу налюбоваться. А мастер посмеивается и напоминает, что обычно при раскопках археологи находят неказистые и простенькие шлемы: древним воинам было не до изысков. Украшенные узорами, перьями и конскими хвостами шлемы делали тогда в единичных экземплярах – для князей, монархов и воевод. Для рядовых воинов «шлепали» доспехи попроще, времени на их изготовление много не тратили. Понятное дело, Олег Формальный не раз принимал участие в фестивалях исторических реконструкторов. Однажды на таком фестивале рядом с селом Старый Буян в Красноярском районе Самарской области (в 1391 году здесь, у реки Кондурчи, произо-

шло сражение между войсками Тимура и хана Тохтамыша. – Прим. ред.) Олег Борисович со своим сыном Александром участвовали в ярмарке ремесленников. Показывали созданные своими руками доспехи. Какие-то парни из посетителей пристали: «Дай-ка котелок померить и сфотографироваться!» Мастер возмутился: «Котелок, вон, рядом лежит. В нем каша». «Давай за деньги!» – не унимались парни. Тут Олег Борисович рассердился: «И за деньги не дам. Идите отсюда! А то задам жару!» Посмотрели парни с опаской на широкие плечи и сильные руки кузнеца и решили не связываться. «Шлем – это шлем. А котелок есть котелок!» – крикнул им вслед мастер и принялся протирать шлем, будто его запачкали своими взглядами великовозрастные неучи.

Мастер Формальный всегда негодует, когда необразованная молодежь называет шлем чутунком или кастрюлей. Вот и тогда, на ярмарке, высказал сыну свое возмущение. За каждый шлем он лично отвечает и гарантию дает, что никто в его шлемах не пострадал и уж тем более не погиб. И не ездил бы он на эти ярмарки, да только на доспехи других мастеров охота посмотреть.

КОНЕЦ ЭРЫ ДОСПЕХОВ

Александр не надо все это объяснять. Он давно понял, что повертеть в руках чужой шлем – самое любимое занятие для отца. Он все уши сыну прожужжал про какого-то мужика из Казани, который тоже мастерит шлемы. Но у него литые. А у Олега Борисовича шлемы трехсегментные, а выглядят как единое целое. Казанский мастер клепки прячет, а у Олега Борисовича клепки снаружи. В Петербурге и Москве и вовсе продают сварные шлемы – из трех частей. Такой может после первого удара развалиться. В этом мастер толк знает: по молодости сам в своих доспехах выходил биться на поединки. И за своего сына был спокоен, когда тот в отцовском шлеме бился в русской дружине против монголов.

Меч, кольчугу
и шлем
сын получил
из рук отца

Александр подозревает, что причина раздражения отца кроется не только в историческом невежестве молодого поколения. Это еще и накопившаяся усталость от тяжелой работы по изготовлению доспехов. Александр с детства видел, как бьется отец над ними. Зато теперь со спиной у него проблемы. Суставы болят, на правой руке пальцы покалечены, на левой – отбиты. Легкие, как у всех кузнецов, плохие. Хорошо, что мать – доктор, отца сама лечит. А с недавних пор новая напасть: стал мастер туг на ухо. Ведь в мастерской стук молотов такой стоит, что непривычному человеку долго не выдержать. Александр работает оператором на нефтяных скважинах. Длинными вечерами, во время дежурства, коллеги с интересом слушают его рассказы об отце-оружейнике. Откуда им еще узнать интересные подробности о битвах на территории Древней Руси и о доспехах, в которых сражались русичи? Нередко Александр рассказывает и о том, как в детстве отец ему сам мечи и щиты делал, вместе они строили замки, катапульты и триеры.

Как не вспомнить: «...испытать шлемом Дону»

Искры между отцом и сыном летят только во время работы

...Когда Олег Борисович вспоминает былые времена, то вздыхает и с грустью осматривает заготовки ворот, пролетов, арок, калиток и оград, прислоненные к стенам мастерской: нужно доковать и припаять на свои места виноградные лозы, цветы и стебли. Ворота и калитки – признаки конца эры доспехов, с грустью констатирует Олег Борисович. Это раньше, когда по всей стране началось развитие движения исторических реконструкторов и количество клубов росло, заказов у мастера Формального было много. Но хороший шлем делается полгода, кованый козырек на дверь – три-четыре дня. А цена у них одинаковая. Потому сейчас в городах многие мастера-оружейники перешли на ковку заборов, калиток, ворот. Что уж говорить про село...

И неизбежный разговор сына с отцом о том, что историю со шлемами пора завершать, конечно, состоялся. Ведь до того, как устроиться оператором нефтяной скважины, Александр был учеником и помощником своего отца. А когда завел семью, то в перерывах между дежурствами засел за изготовление заборов и калиток. Отец его не осудил. – А ты знаешь, что цена хороших доспехов это как самолет-истребитель! В соотношении с ценами того времени, конечно, – говорит Олег Борисович, поглаживая бороду. Говорит он это не столько мне, сколько своему сыну. Александр стоит, опираясь на косяк, и наблюдает за нами, улыбаясь в бороду, которую отрастил в подражание отцу. Фразу насчет самолета-истребителя Алек-

Любовь
к шлемам
у Олега
Формального
пробудили
школьные уроки
истории

сандр слышал много раз. Отцу трудно расстаться с верой в то, что интерес к современным доспехам не угасает. Александр, как представитель молодого поколения, прагматично верит в ворота и ограды.

Конечно, он помнит, как еще несколько лет назад вместе с отцом буквально мешками мерил количество изготовленных шлемов. Но ведь времена те прошли...

— Оглох он с этим делом, — сетует Александр. — Я ему магнит принес. По столу провести, чтобы металлическую пыль собрать. А то она в легкие попадает. Пусть железо и благородный металл, но для здоровья отцу лучше перейти на работу с деревом.

ЛЮБИМАЯ ТЕМА

Перед тем как попасть в мастерскую Формального, я прошел по центральной площади села. Красивые чаши местного фонтана сделаны Формальным. Многочисленные стилизованные под старину фонари — тоже его работа. Полутораметрового аиста, естественно, выковал он. А в центре села Кошки в парке Победы красуется железное

Дерево плача. И оно тоже сделано Формальным. Кстати, Олег Борисович просит называть себя не кузнецом, а слесарем.

Когда мы пришли в его мастерскую, он занимался виноградной лозой для подсвечника. Но отложил работу, обрадовавшись возможности поговорить о шлемах.

— Это его любимая тема. У отца много неоконченной работы, — улыбнулся Александр, собираясь уходить. — Я сейчас вместо него пойду кровать кованую делать. А он за шлем засядет!

Каким будет этот новый шлем, видно уже сейчас. Олег Борисович рассказывает о новой работе, а сам нежно поглаживает лежащий перед ним на столе конский хвост. Мастер его вчера сам тщательно вымыл.

— Я у тещи трем коням прошлой осенью хвосты порезал, — рассказывает Олег Борисович. — Летом этого делать нельзя — пастухи убьют. Как кони от насекомых будут спасаться?

Конский хвост мастер не красит, волосы не переплетает. Оставляет все как есть. Расчесанный длинный хвост шлем, конечно, украсит. Некоторые считают,

что такое украшение спасало и от сабельного удара, правда, Олег Борисович с этим не согласен. Говорит, просто плюмажи и хвосты помогали на поле боя отличить своих от чужих. Собравшийся было уходить, Александр прислушивается к беседе и вдруг достает из груды железа под столом шлем.

— А вот это поможет! На этом головном уборе со всех сторон шипы, — увлеченно говорит он. — Шипы зачем ставятся на купол? Шип отводил удар от плеча. Видели германскую каску времен Первой мировой? Там рожки были. Это из древности идет, от этих шипов. Шипы или круглые, или четырехгранные. А вот клепки на шлеме... Обычно на новоделах они выходят наружу и очень высокие. В бою мешать будут... А отец их внутрь прячет. Хотя это тяжелее сделать.

Александр все-таки сын своего отца: ему тоже интересно поговорить о доспехах. Но отец отбирает у него шлем, небрежно бросает под стол и прогоняет сына из мастерской, чтобы тот шел к своим воротам и кроватям.

Олег Борисович говорит, что, несмотря на то, что многим коллекционерам нравятся европейские доспехи, его главная любовь — Русь IX–X веков. И вот уже которое десятилетие он, Олег Формальный, житель села Кошки, что затерялось в глубине самарских степей, ведет войну с модой на средневековое европейское оружие. Причем ведет ее прямо в стенах своей мастерской. Когда приезжает к нему в село Кошки очередной заказчик, Олег пытается убедить его отказаться от рыцарских доспехов. Шлем, кольчуга и меч Руси IX века не хуже! Однажды он исправлял доспехи западного рыцаря заказчику, который привез их из Европы. Олег его ругал. Стоило тому колесить по всей Европе, проще было бы сюда приехать и заказать. А своего односельчанина Олег вовсе засмеял. Насмотревшись фильмов про воинов Страны восходящего солнца, тот заказал катану в Японии. Прислали меч в таком виде, что Олегу пришлось его переде-

лать. Рассказывая об этом, Олег Борисович хохочет до слез. И по секрету признается, что как бы сын ни критиковал его за то, что не отказывается от шлемов, а вот недавно сам Александр стал изучать церковнославянский язык. Потому что пришлось делать накладки с текстами молитв на шлемы. Вот и увлекся.

ПРИЗНАНИЕ

Что может быть общего между пивной бутылкой и бильярдным шаром? Мастер Формальный может ответить на этот вопрос. Свой первый шлем Олег Борисович делал по картинке в книге и бильярдный шар обклеивал, чтобы увеличить объем модели. Затем сделал лекало из папье-маше. А с пивной бутылки он позаимствовал приглянувшиеся узоры. Купол выколачивал маленьким молоточком. Когда его первый шлем был готов, он показал его специалистам-историкам. Те измерили шлем с помощью штангенциркуля и вынесли вердикт: слишком крутой. То есть забраковали работу. И дали Олегу Борисовичу литографию с изображением шлема. Изучил ее Формальный с лупой. Сделал второй шлем. Семья на его увлечение смотрела с недоумением. Ведь у Олега специального художественного образования нет, работал он сварщиком на трубопроводе. В перерывах на работе, когда все курили, он щит вырезал из куска железа.

С детства Олег Борисович увлекался романами Вальтер Скотта. Для маленького сына изготовил множество солдатиков и пушек. Первые кольчугу, меч и шлем Олег тоже сделал для Александра. Сына стали часто приглашать для участия в выставках. Он стоял в доспехах часами, с ним фотографировались. Потом Олег ездил с сыном на конкурсы народного творчества. Как-то один из его шлемов с гравировкой местные чиновники отвезли в подарок губернатору соседней области. И оказалось, что лучшего подарка для правительственных мужей придумать нельзя!

Это не театральная маска, а личина для боевого шлема

Шлемы свои Олег Борисович делал лишь с помощью молотка, напильника и сверла, к фрезерной обработке не прибегал. Поступал так из-за экономии средств, а получилось, что приблизился к работе древних мастеров. Наковальню установил на высокой дубовой плахе, которую обтянул проволокой, чтобы не рассыпалась от ударов. Выпросил он эту дубовую плаху у старушки с соседней улицы. Взамен машину дров ей привез. Свои шлемы Олег чернил. Полированные шлемы, конечно, блестят, но их надо протирать раз в два дня, следить, чтобы

не завелась ржавчина. А в его шлемы хоть воды налей, хоть в траву их брось, они черные, ничего им не будет. В итоге его изделия стали популярны во всем Поволжье. Управление культуры Кошкинского района поручало мастеру изготавливать шлемы в подарок для победителей различных соревнований. Даже предоставило Олегу помещение под мастерскую для художественнойковки, позволило установить горн и брать учеников. А поскольку сам он всегда тяготел к изготовлению старинных русских доспехов, то решил: что может быть лучшим подарком для победителей, как не шлем русского воина образца IX–X веков?

Исторические клубы из Самары, Тольятти и Ульяновска пользовались услугами мастера из села Кошки. В Санкт-Петербурге и Москве есть свои мастера, но и туда уходили шлемы из Кошек. Даже в Ярославле, где работают серьезные школы мастеров-оружейников, есть доспехи Формального, причем не только у реконструкторов, но и в музее. Кстати, Олег Борисович гордится, что к нему

Каждый лепесток для панциря вырезается вручную и чернится в древесном угле

Сын и отец
Формальные
спорят о месте
боевых доспехов
в современном
мире

в Кошки приезжали за шлемами сотрудники Музея Куликовской битвы. Его шлем дарили послу Голландии в России. У экс-президента Франции Николя Саркози тоже есть норманнский шлем из Кошек. А когда один из музеев выставил экспозицию доспехов и приписал ее к домонгольскому периоду, хотя она была составлена из работ Олега, то он спорить не стал. Тоже ведь признание.

ВОВСЕ НЕ ИГРА

Разобрать шлем нетрудно: клепки убери, и он развалится. Шлемы Формального разбирали на части, делали по ним лекала и пускали в «тираж». Олег Борисович к пиратству отнесся спокойно. Какое-никакое приобщение к истории.

А вот многие жители села Кошки считают, что их земляк Олег

Формальный даже на шестом десятке играет в детские игры. У Олега Борисовича нет желания объяснять односельчанам, что изготовление старинного шлема зависит от вдохновения. И что это вовсе не игра. Им со стороны кажется, что он просто молотками колотит по железу. А мастер, бывает, часами всматривается в шлем, прежде чем найдет точку, по которой надо ударить молотком, чтобы достичь совершенства.

В такие минуты его воображению представляются ряды воинов в кольчугах и реющие над ними стяги. Видит он вдали ханские шатры. И словно наяву слышит лязг мечей и топот коней, предсмертные стоны и крики раненых... Стены мастерской исчезают, и он оказывается на знакомом ему с детства поле рядом с Кошками. Ведь по одной

из версий, битва между ханом Тохтамышем и Железным Хромцом Тимуром произошла не у Старого Буяна, а рядом с Кошками. Так считал сельский школьный учитель истории Николай Арнольдов. Олег немало побродил с ним по тому полю. Учитель показал ему, где могли стоять шатры и войска той битвы, в которой решалась судьба Золотой Орды и молодого Московского княжества.

...Александр возится с воротами во дворе и слышит из мастерской удар молота по металлу. «Нашел нужную точку», – говорит он. И улыбается в бороду, предвкушая удовольствие, которое ждет его, когда он возьмет в руки новенький шлем. Он понимает: для кого бы отец ни делал шлемы, старается он на самом деле для него – для сына, в котором видит продолжателя своего дела. ■

ПОТОМКИ ПОМОРОВ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НАЗВАТЬ ПИНЕГУ ПОСЕЛКОМ, КАК ТРЕБУЕТ ЕЕ СЕГОДНЯШНИЙ СТАТУС, НЕ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ ЯЗЫК. ДАЖЕ ПОТЕРЯВ ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ УЕЗДНОГО ЦЕНТРА, ОНА НЕ УТРАТИЛА ЕГО ДУХА. СТАРИННЫЙ СЕВЕРНЫЙ ГОРОД, ОТДЕЛЕННЫЙ ОТ ОБЕИХ СТОЛИЦ СОТНЯМИ КИЛОМЕТРОВ ПОРЕДЕВШЕЙ, НО ВСЕ ЕЩЕ ПРЕКРАСНОЙ ТАЙГИ, ОТКАЗЫВАЕТСЯ СЧИТАТЬ СЕБЯ ПЕРИФЕРИЕЙ. ОДИН ИЗ КРУПНЫХ ТОРГОВЫХ УЗЛОВ РУССКОГО СЕВЕРА УПРЯМО ПРОБИВАЕТСЯ СКВОЗЬ РАЗРУХУ. И, КАЖЕТСЯ, ЕМУ ЭТО УДАЕТСЯ. ПОТОМУ ЧТО ЗА ПИНЕГУ ВСТУПИЛИСЬ ЛЮДИ.

«**П**УТЬ МОЙ ЛЕЖАЛ до Архангельска по железной дороге, дальше огромными лесными тайболами (то же, что в Сибири – тайга, обширные сплошные леса, где нет жилья на много километров). Часто мне приходилось вспоминать И.И. Шишкина при взгляде на эти вековые сосны и ели. Какие чудные фантастические формы принимали оне! Здесь страшно холодно, и природа, чтобы пощадить, прикрыла их толстым, снежным, причудливой формы покровом. Снег на деревьях настолько становится крепким после снежных метелей, что остается по стволу и на ветвях до той поры, когда уже начинает пригревать солнышко... Иногда едешь лунной ночью и думаешь себе, что едешь не тайбойлой, а среди какого-то гигантского античного театра» – так описывает свои впечатления художник Александр Алексеевич Борисов, проделавший в конце XIX века путь от Пинеги до Карского моря. Полтора века спустя москвичку Аню Клепиковскую поморские леса поразили не меньше, чем Александра Алексеевича.

В отличие от известного путешественника она впервые увидела их летом, но и тогда они произвели неизгладимое впечатление. Потом лес кончился, и открылась Пинега, которая так круто изменит впоследствии Анину жизнь. Это сегодня Анна Клепиковская – директор Ассоциации «Голос Севера» и социальный предприниматель этого малого города. А четырнадцать лет назад она ехала за 200 километров к востоку от Архангельска знакомиться с родителями мужа. До мозга костей городской человек, Русский Север Аня знала исключительно по книжкам. Пинега поразила ее патриархальным бытом, не самым легким, но отчетливо своеобразным укладом жизни. Оказалось, внутри старинной книги можно обитать. Откуда здесь деревянные тротуары? Почему во дворах сложены дровники, а рядом с городскими домами стоят ряды частных бань? Как вообще после стремительного столичного ритма строить отношения с этими невозмутимыми и неторопливыми людьми? Заезжей «московке» – так здесь зовут москвичей – надо было открывать для себя Русский Север.

Уникальная примета русских северных городов – деревянные мостовые – до сих пор сохранилась в Пинеге

ПРОШЕДШЕЕ НЕЗАВЕРШЕННОЕ

«Мы с мужем объездили Европу, Америку, но для меня ничто не сравнится с Пинегой. Русский Север – история про ощущение себя в правильном месте», – признается Анна.

Из Пинеги, как из многих малых городов, сегодня уезжают. А вот Анина золовка, младшая сестра мужа Елена Шестакова, вернулась из Архангельска в родной город. Сама Анна уволилась из крупной международной компании, где работала юристом, и начала жить на два дома, отмеряя автомобилем километры между столицей и Севером. Потому что, сложившись и взяв кредиты, две семьи внезапно для себя выкупили под Пинегой турбазу. Сгоревшую, обанкротившуюся, с долгами по зарплате, но в месте такой дивной красоты, что они не устояли. «За три дня мы приняли решение, что ввязываемся в эту историю», – признается Аня. Так получилось, что москвичка Аня приехала помочь Пинеге вернуться к своей истинной, корневой истории.

Десятилетия советской власти не выбили из Пинеги духа купеческого города. Сердцем Пинеги, древним мотором ее жизни всегда была Соборная площадь. В России начала XX века было известно более 6 тысяч местных торжищ – мест кратковременных сходов торговцев. В XVIII –

начале XX века ярмарки Русского Севера были известны по всей России, а Пинега была вторым после Архангельска ярмарочным центром этого края. Еще в XV–XVI веках на Пинегу приезжали купцы для обмена товарами с живущими к северо-востоку ненцами-«самоедами». Торговая Пинега процветала. До отказа были набиты трактиры и постоялые дворы, крестьяне-извозчики доставляли на торг заезжих купцов. Горожане получали доходы за аренду лавок, сдачу внаем амбаров и мест на торговой площади.

В 2014 году пинежский Культурный центр решил возродить некогда знаменитую на весь край Благовещенскую ярмарку, и вот уже несколько лет во время ярмарки проходят встречи социальных предпринимателей. «Я понимаю, насколько сильно в городках, подобных Пинеге, малый бизнес влияет на развитие социальной среды, – убеждена Анна. – Мы сразу решили: набираем сотрудников только из пинежан, готовим из локальных продуктов. Когда я продумываю предложения для наших гостей, всегда оцениваю, принесет ли их приезд пользу местным людям. И если проект предполагает не развитие территории, а выкачивает ее ресурсы, мы от него отказываемся». Для современного человека становятся все более важными не-

Директор Ассоциации «Голос Севера» и социальный предприниматель Анна Клепиковская – одна из тех, кто создает будущее Пинеги

материальные ценности. И у Пинеги есть все возможности, чтобы сделать рывок, считает Анна Клепиковская. Сегодня в Пинеге нет такого изобилия местных товаров, как до революции, но в этой отдаленной части Русского Севера до сих пор хорошо сохранился фольклор, былинное творчество. «Организаторы ярмарки подумали: может быть, надо относиться к ней как не к ярмарке товаров, а к ярмарке опыта, впечатлений, идей? Пусть ярмарка станет местом сбора, общения, встреч», – объясняет Анна.

Пытаясь переформатировать Пинегу, местные активисты неизбежно работают с тканью прошлого, потому что многовековой историей в этом городе пронизано все. Один из первых местных проектов, в которых Аня принимала участие, назывался «Малым территориям – большое будущее». Местным жителям предложили обсудить, что бы им хотелось улучшить в своем городе. «Починить тротуары, наладить Интернет, открыть Дом культуры», – обозначила болевые точки пинежская молодежь. И взялась за дело.

БЕЛЫЙ ДОМ

В Пинеге вспоминаются известные стихи барда Александра Городницкого про «деревянные» северные города, где вместо привычных для иных мест булыжных мостовых клали сосновые настилы. Именно такими «половицами» устланы центральные улицы Пинеги. Деревянные тротуары любят не все пинежане – они ломаются, гниют, под дождем становятся скользкими. И все же это – приметы прошлого, почти повсеместно уничтоженного, но чудом сохранившегося в Пинеге. «Уберите деревянные тротуары – и город потеряет свою изюминку. Лучше сделать их удобными», – решили горожане. Они составили карту сломанных мостков. На небольшой грант пинежские активисты купили материалы, кинули клич в Интернете. На улицах Пинеги

В «Белой школе» может появиться «Дежнёв-центр», рассказывающий о судьбе известного мореплавателя

застучали молотки и завизжали дрели, чтобы поверх раскисшей осенней грязи потом легли свежие сосновые помосты.

А еще пинежане мечтают вернуть из небытия «Белую школу». Добротное двухэтажное здание

в псевдорусском стиле, выкрашенное белой краской, нетипично для Севера. Его толстые каменные стены, кажется, способны выдержать осаду средневековых орудий. Сквозь огромные панорамные окна солнечный свет заливает просторные залы. Винтовые лестницы соединяют этажи.

До революции здание принадлежало Министерству просвещения Российской империи. После революции его занял штаб американских интервентов (в местном музее есть фотографии иностранных солдат на фоне хорошо узнаваемого белого строения. – Прим. авт.). При советской власти история вернулась на круги своя. С небольшими перерывами все поколения пинежан учились в «Белом доме». Только к началу 2000-х в городе появилась новая школа, и старая, где надо было топить углем, носить воду и бегать в туалет на улицу, осталась бесхозной. Заколотили окна, повесили замок, и покинутый хозяевами архитектурный памятник Пинеги начал разрушаться. Предательская сырость разъедала крышу, со стен осыпалась штукатурка, вместе с которой на глазах пинежан осыпалась

Здесь сильно
местное
сообщество –
городские
тротуары были
отремонтированы
силами самих
пинежан

память об их школьном детстве. Цена вопроса составляла 15 миллионов рублей, но этих денег у администрации разоренного купеческого города не было. Тогда у местных активистов родилась идея превратить «Белый дом» в место сбора молодежи. Придумали красивое название – «Молодежный многофункциональный центр», ну, или просто – «Дежнёв-центр». Решили: он будет рассказывать историю мореходов-выходцев с Пинежья.

Дело в том, с гордостью говорят пинежане, что архангельские исследователи недавно еще раз внимательно изучили архивные документы XV–XVII веков и предложили свою гипотезу происхождения рода знаменитого русского мореплавателя Семена Дежнёва: Дежнёвы родом из деревни Сояла неподалеку от Пинеги. Прозвище Дежня и фамилия Дежнёв в переписных книгах и судебных документах того время упоминаются исключительно на Пинежье, утверждают они. А вот в Великий Устюг, который сейчас считается родиной путешественника, род Дежнёвых попал позже. Пинежане решили провести научную конфе-

ренцию, посвященную своему великому земляку.

Ну а пока поморские исследователи продолжали изучать биографию известного первопроходца, горожане взялись привести в порядок «Белый дом». Договорились с местной администрацией (здание до сих пор на балансе муниципалитета. – Прим. авт.), чтобы та провела экспертизу состояния школы. Пригласили архитектора сделать смету: «У нас есть идеи, но нужно доказать экономическую целесообразность ремонта. Думаем, как к этому подступиться».

Собираться на субботники в будущий «Дежнёв-центр» было бы куда сложнее, если бы в городе

На площади Братских Могил – три памятника: погибшим в Гражданскую войну, в Отечественную и жертвам репрессий

Алексей Павлов – редактор главного местного издания, «Пинега.РФ»

не было собственного информационного портала «Пинега.РФ». Его главный редактор Алексей Павлов как раз и показывал мне «Белую школу», а потом повел через весь город. Через заросшие дворы деревянных двухэтажных домов, через белокаменный купеческий центр к площади Братских Могил, где рядом три памятника – погибшим в Гражданскую, в Отечественную и погибшим от репрессий. Алексей отучился в Вологде, вернулся в Пинегу и, несмотря на почти потерянное зрение, создал лучший городской сайт. Не только чтобы рассказывать пинежские новости, но и чтобы объединять людей.

«Если государство продолжит относиться к Русскому Северу с тем же безразличием, как сегодня, то, несмотря на все усилия неравнодушных людей, он через какое-то время опустеет», – с горечью говорит Алексей. И перечисляет эти «сбои»: для сельской местности с сорокаградусными морозами вводится точно такой же экологический сбор, как и для Краснодарского края. Здесь платят такой же транспортный налог, что и жители городов, но щебенка на вечной мерзлоте убивает машины куда быстрее, чем асфальтированные проспекты мегаполисов. Сельскому жителю нельзя весной поймать на речке рыбу, без того чтобы не оказаться под административным протоколом. Даже благое дело здесь может оказаться под прессом закона: «Если местный предприниматель вывез из леса мусор, собранный силами местных жителей, но сделал это не на том транспорте, что предписывает инструкция, он попадает на штраф в десятки тысяч рублей. Северу нужна инфраструктура для развития, не бюджетные вливания в красивые проекты, которые дадут лишь временный эффект. Условия, которые сделают его выгодным как для инвесторов, так и для специалистов. Выражаясь метафорой, нам нужна удочка, а не рыба. Рыбу мы сами поймаем».

ШАГИ НАВСТРЕЧУ

«Пинега – это всегда про то, чтобы быть вместе. Там люди умеют объединяться», – говорит Аня. И вспоминает, как однажды стала свидетельницей пожара: тушить его собрался весь город, люди не один час носили ведра с водой, помогая заливать чужой дом. Умение договариваться, отстаивать свою точку зрения проявилось и в другой, прозвучавшей на всю Пинегу истории. Однажды на пинежскую свалку начали завозить мусор из соседнего райцентра. В ответ пинежане выставили на дорогах дежурные отряды и собрались на сход. По его результатам были выбраны люди – не самовыдвиженцы, не прохожие из толпы, а делегаты. И права отказать у них не было: их выбрал народ. Организовавшаяся рабочая группа очень спокойно, без скандалов сумела обосновать правоту Пинеги и отстоять ее интересы.

«У пинежан каким-то чудным образом сохраняется характерная северная говоря, – отмечает местный краевед Галина Александровна Данилова. – Зимой *хиус* наматывает *суметы*. К весне снег *зачирел*. На льду *слуз*. Хлебают *губницу*, в *паужину* едят молоко. Руки вытирают *стичником*. *Рёлка* в реке, *прогалызок* в небе, на повеги заброшены *лузан* и *пехтерь*». От этой россыпи еще хранящихся по далеким деревням слов в языке «пинежан-горожан», как они себя гордо называют, остались только брызги. Однако и перебравшись в уездный центр, внуки крестьян упрямо хранят свой особый жизненный уклад.

Вот по субботам весь город топил бани, и нет силы, которая могла бы нарушить этот веками сложившийся обычай. А еще горожане знают много колен своих предков. В Пинеге рода живут столетиями. Недавно здесь выступала краевед из Северодвинска, исследовавшая родословные Пинежья. Она зачитала со сцены все

Как и прежде, жизнь пинежан сегодня связана с лесом

Местный краевед Галина Данилова пишет летопись родного города

фамилии, которые с 1723 года были упомянуты в переписях. «При этом в зале сидело множество людей с такими же фамилиями. Ты понимаешь, что перед тобой – прямые потомки людей из архивных списков. И это пробирает до мурашек», – признается Аня. По фамилиям можно безошибочно определить: этот с правого берега Пинеги, тот из Ваймуши, третий из Соялы. Пинежане придают роду большое значение, изучают свои родословные, даже родовые слеты проводят в «фамильных» деревнях.

РАЗДЕЛИТЬ ПО-БРАТСКИ

Еще одно из личных открытий Анны – сила сохраняемых традиций лесных промыслов. Уже упоминавшийся Александр Борисов, русский художник, прославивший Арктику, так рассказывал о промыслах жителей Пинеги. «Главный источник пропитания этих людей – промыслы на лесного зверя и птицу. Для этой цели осенью нагружают они небольшие лодки съестными припасами, домашней утварью, берут свинец, порох и целыми артелями отправляются на два месяца далеко от поселков, верст за 200–300 и дальше в лесные курные избушки. По прибытии на место все выгружают из лодок и на себе разносят в те избушки, которые отстоят друг от друга на 15–25 верст. Таким образом, разнеся все по избушкам, сами поселяются поодиночке... Целую неделю бродит (охотник) вокруг избушек за 10–20 верст, стреляет, что попадет под руку. В воскресенье они собираются в одной центральной избушке для того, чтобы узнать, все ли живы и не случилось ли чего. И если кто-то не пришел, значит, что-то с ним случилось. И они идут проверять».

До сих пор охота, рыбалка, сбор ягод и грибов – важная часть жизни пинежан. Чуть ли не каждые выходные, независимо от сезона, пинежские мужчины отправляются на рыбалку. Покупать рыбу считается дурным тоном. Как и картошку – «Как можно!». Пинежская рыбалка – не развлечение, а способ жизни. Туда ходят «добывать». Как и на охоту. Открывается сезон, и местные отправляются в леса. Бьют лося, рябчика, куропаток. Единицы делают это на продажу. Мясо приносят домой, замораживают впрок или делят с друзьями. И на рыбалку так же ходят, вместе. В конце улов сложат в общий котел и разделят поровну.

По ранней осени, утром до работы, семьями выезжают «на грибы». У всех есть свои места, но про них чужакам не расскажут – этими грибами самим всю зиму питаться! По лесу до сих пор стоит много избушек – «рыбных», охотничьих, в которых каждый нуждающийся может переночевать. Они всегда открыты – заходи, передохни, обессиленный путник, и оставь в сохранности другому.

ЯРКИЙ СЕВЕР

О прошлых временах особенно интересно рассказывает директор местного краеведческого музея Татьяна Николаевна Кузнецова.

Пинежский краеведческий музей расположен в экспропрированном доме одного из местных купцов-миллионеров, Егора Ивановича Володина. Купеческая «бальная зала» отдана под этнографическую экспозицию. На стенах хозяйского кабинета, «каминной», – фотографии дам в шляпах и прилично одетых мужчин –

Пинежский музей представляет быт всех городских сословий

Некоторых экспонатов сотрудники музея могут дожидаться годами – хозяева не спешат расставаться с дорогими им вещами

напоминание о немногочисленном местном дворянстве. Рядом – фотография семьи Красковых. Зажиточные крестьяне, не пожелавшие переходить ни в купеческое, ни в мещанское сословие, смогли дать своим детям настолько хороший жизненный старт, что в начале XX века один из сыновей был избран городским старостой, а другой получил высшее медицинское образование.

Но у Ани Клепиковской в музее другие любимые экспонаты. «Мне очень нравится комната, где висят старые ведомости. Там все перечислено: сколько спичечных заводов было в Пинеге; сколько маслобоек, сколько пекарен, сколько пароходов по реке ходило. И всякий раз это восхищает – какая насыщенная торговая жизнь была в этом далеком от столиц краю. Значит, было рентабельно здесь что-то производить. За границу товар уходил!» У Ани с местными краеведами дружеские отношения. Не только потому, что все Анины гости слушают экскурсии Татьяны Николаевны. Музей регулярно проводит краеведческие чтения, посвященные отдельным деревням пинежского куста. Вот недавно обсуждали историю поселка Голубино. В зале туркомплекса собралось множество желающих поделиться личными историями. Голубино возникло как поселок лесозаготовителей. В 1962 году людям просто предложили раскатать по бревнышку свои избы, сплавить их по реке и за пять дней собрать на новом месте. Это и вспоминали. «Но вообще-то мы не столько про прошлое, сколько про будущее. Про то, как новых людей на Север привозить», – говорит Аня. Недавно она привезла в Пинегу студентов МАРХИ.

В своих дипломных работах ребята исследовали, как архитектура откликается на социальные и культурные запросы местного сообщества.

В Пинеге будущие архитекторы придумывали образы деревень и поселков, где они побывали. Ребята все городские, кто-то с юга в столицу приехал, а кто-то даже из-за границы. Конечно, им было интересно такое путешествие. Повезли их через тайболу. Городская молодежь была поражена: можно ехать часами, не встречая никакого жилья! Гости побывали в Пинеге, Голубине, Кулое и все как один сказали, что хотят сюда вернуться. «Было очень неожиданно услышать от них, что Север – яркий. Яркие люди, яркие образы, – рассказывает Аня. – Нам кажется, цвета Севера – темные, приглушенные, а студенты наши уехали с ощущением, что Пинега полна красок».

ШАНЬГИ РОССИЙСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Пинежской же молодежи Аня помогает не отставать от своих столичных сверстников. Кафе, доставшееся семейному предприятию в наследство вместе с туристической базой, долгое время было головной болью новых владельцев. Разбавить железобетонный набор из макарон и картошки никак не удавалось. А традиционной пинежской еды, с ее разнообразными вариациями блюд из рыбы, дичи, лесных ягод, никто не предлагал. При этом в городе есть индустриальный техникум, где готовят в том числе и поваров. В Голубино начали приглашать поваров из Москвы, Архангельска, чтобы они рассказывали о современной кухне, о тенденциях и возможностях. Такой опыт очень востребован: на Пинежье работают образовательные учреждения и живут талантливая молодежь, которой очень нужна поддержка. Например, одна из учениц колледжа вошла в пятерку финалистов Международного конкурса WorldSkills и теперь поедет защищать честь Архангельской области на общероссийских состязаниях поваров.

Натоптанная веками пинежская дорога, как и прежде, самых талантливых выводит в люди

А еще в Пинеге вот уже 125 лет работает потребкооперация. Смысл этой формы взаимной поддержки в том, что в кооператив вступают пайщики, они делают взносы, вместе работают на общую выгоду, а затем вместе же распределяют доход. Сразу за Пинежским краеведческим музеем в белом дореволюционном здании притаилась местная пекарня – она печет такой хлеб, который входит в список ста лучших товаров России. Владельцам заве-

дения давно можно было бы выпустить сувенирную линейку выпечки. Такую, чтобы была возможность пинежские шаньги с собой увозить как память о Поморье.

В XIX веке Пинега была синонимом неизменной и как бы погруженной в сон провинциальной жизни – вспомним ужас героя книги «За рубежом» Салтыкова-Щедрина, которого за провинность хотели «экстрадировать» в пинежскую тмутаракань. А сегодня – трудно, медленно, но упорно – Пинега превращается в уютный и интересный малый город, где есть что посмотреть и чем заняться. Культурный центр проводит Благовещенскую ярмарку, ремонтируют краеведческий музей, появился портал «Пинега.РФ». В поселке Голубино ненцы, которые зимой пригоняют в пинежские беломошные леса на откорм свои стада, устраивают гонки на оленьих упряжках. В охранной зоне в Пинежском заповеднике прокладывают экотропы. Здесь с уважением относятся к истории, но не хотят превращаться в музейный экспонат. Пинега слишком яркая, чтобы покрыться пылью.

Красные звезды на домах, дань памяти солдатам Великой Отечественной, можно встретить на Пинежье в каждом поселке

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru